

**ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

Санкт-Петербург
2020

УДК 321
ББК 66.2
К560

Автор

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рецензенты

Бартош Александр Александрович, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

Ковалев А.А. Проблемы комплексной безопасности в эпоху глобализации и цивилизационного противостояния: история и современность. – СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2020. – 270 с.
ISBN 978-5-6044241-4-8

В предлагаемом вниманию читателя сборнике собраны исследования, в которых рассматриваются важнейшие проблемы истории и современного состояния проблемы комплексной безопасности в эпоху глобализации и цивилизационного противостояния. В книге рассматриваются различные аспекты разработки стратегии мира и безопасности человека, проблемы международной экономической безопасности и экономического национализма, практические вопросы регионального и глобального управления, актуальные вопросы правовой культуры. Значительное внимание уделено проблемам комплексного освоения и использования Арктики как площадки для мирного экономического и социокультурного сосуществования локальных цивилизаций. В сборнике анализируется мирное существование как основа для выживания единой человеческой цивилизации.

УДК 321
ББК 66.2

ISBN 978-5-6044241-4-8

© А.А. Ковалев, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек разумный, которого антропологи традиционно именуют кроманьонцем, существует около 45 тысяч лет – во всяком случае, именно так определен возраст самых старых найденных останков homo sapiens. Демографы подсчитали, что 70-80 миллиардов человек разных рас жило на земле за эти тысячелетия. С появлением социального неравенства и усложнением структуры общества в IV тысячелетии до нашей эры возникли в Северной Африке и Месопотамии первые цивилизации. Всего шесть тысяч лет передовые культуры человечества существуют в форме цивилизаций, но даже если верны предания о легендарной Атлантиде, которые поведал человечеству великий Платон, возраст мировых цивилизаций не превышает 10 тысяч лет. Большую часть своего существования на земле человек прожил, не зная цивилизации и государства, существуя благодаря милостям и щедротам природы.

Ученые-гуманитарии за последние триста-четырееста лет по-разному именовали и оценивали основные этапы человеческой истории. Самая простая периодизация человеческой истории, рожденная гуманитариями Возрождения, выделяет в пройденном человечеством пути историю Древнего мира, Античность, Средние века, Новое время. Карл Маркс, положив в основу развития любого общества экономические процессы, весьма логично выделил пять общественно-экономических формаций, которые сменяют друг друга постепенно или в ходе революционных катаклизмов, когда производительные силы перестают соответствовать производственным отношениям.

Теорию общественно-экономических формаций Маркса часто упрекали в том, что он преувеличил значение экономических отношений и недооценил важность социокультурной сферы в развитии человечества. Чрезвычайно популярным становится ныне цивилизационный подход к рассмотрению всемирной истории, который стремится целостно оценить основные цивилизации прошлого и современности. Действительно, цивилизационная теория дает возможность исследователям выявить спираль исторического прогресса, почувствовать ритм истории и, используя фактологию, оценить суть современных процессов, а главное – выявить перспективы развития мировых цивилизаций в наступившем XXI веке и последующих столетиях.

Видимо, никогда за всю свою историю человечество не было так близко к полному уничтожению всей глобальной цивилизации. Хотя такие классики цивилизационного подхода, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, отрицали возможность единой человеческой

цивилизации, предпочитая изучать разнообразные локальные варианты. Тойнби в труде «Постижение истории», как известно, насчитывал 21 цивилизацию за всю историю человеческого рода, из которых в XX веке остались десять.

И все-таки единая человеческая цивилизация существует, если понимать под ней все человечество в целом. И те глобальные проблемы, которые встали перед человечеством за последние 20-50 лет, невозможно решить силами даже самых развитых и мощных цивилизаций и социокультурных типов – наподобие западноевропейской или североамериканской цивилизаций, объединенных в единую цивилизацию Запада.

Демографические катаклизмы, опасность ядерной и экологической катастрофы, духовное и нравственное обнищание человечества, гибель традиционной семьи и примитивизация культуры – все это относится к глобальным проблемам современности, затягивание в решении которых может привести к гибели всего человечества.

Ученые-гуманитарии не стоят в стороне от решения глобальных проблем, ибо философы и политологи, юристы и экономисты, историки и культурологи предлагают разнообразные пути их решения. В предлагаемом вниманию читателя сборнике собраны работы, в которых рассматриваются важнейшие проблемы комплексной безопасности в эпоху глобализации и цивилизационного противостояния, которое является реальностью последние два десятка лет.

Многие из этих проблем частично стали историей, но продолжают оказывать влияние на современную эпоху. Взгляды и идеи Джона Локка или Иеремии Бентама продолжают оказывать влияние на современную политическую культуру, теорию и практику государственного управления и мораль. Недаром В.О. Ключевский афористично отметил, что «прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не сумело убрать своих последствий». История и современность слиты воедино в эпоху противостояния цивилизаций, когда нерешенные в прошлом проблемы проявляются на новом – порой более опасном – уровне.

Небесполезно изучить и тщательно проанализировать азиатский опыт XX столетия, в том числе и в построении социализма как общества, построенного на более справедливых, чем капитализм, началах. Сегодня мы понимаем, что «бросок в капитализм», осуществленный в нашей стране в 90-е годы был бесперспективен во всех отношениях и привел лишь к обнищанию и гибели народных масс, а распад Советского Союза, действительно, явился «крупнейшей геополитической катастрофой в истории», что было отмечено лидером нашей страны.

Интересны и концепции западных обществоведов, которые возникли в последние годы и не особо известны в отечественных научных кругах. Эти концепции касаются разработки стратегии мира и безопасности человека, проблем международной экономической безопасности и экономического национализма, практических вопросов регионального и глобального управления, актуальных вопросов правовой культуры, комплексного освоения и использования Арктики как площадки для мирного экономического и социокультурного сосуществования, оценки мирного существования как основы для выживания единой человеческой цивилизации.

Процесс формирования единой человеческой цивилизации длился тысячелетия и еще отнюдь не завершился в наши дни. Нерешенные в прошлом и возникающие новые противоречия препятствуют созданию единой человеческой общности и породили противостояние цивилизаций, угрожающее перерасти в масштабный военный конфликт, который, видимо, будет последним в истории человечества. Политики должны прийти к идее единства коренных интересов человеческого рода и исторической судьбы человечества на планете Земля. Такое единство должно возникнуть – несмотря на все существующее многообразие локальных цивилизаций, человеческих рас, этносов, народов, наций. Это должно произойти, не взирая на все существующие между ними противоречия.

Видимо, политики всего мира должны более внимательно прислушиваться к голосу ученых. Это постепенно происходит во многих странах мира, и остается лишь надеяться, что и в нашей стране положение вскоре изменится в лучшую сторону. Данная книга – скромный вклад в изучение истории и современного состояния глобальных цивилизационных проблем человечества, в том числе вопросов комплексной безопасности единого человеческого сообщества. Все замечания, пожелания и предложения будут с благодарностью и уважительным вниманием приняты автором.

Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность*

Введение

Арктика – это территория, привлекающая к себе в последние годы повышенное внимание мирового сообщества. Основные участники глобальных процессов – арктические государства. Экологические, социально-экономические, международно-правовые и политические аспекты, требующие решения и совместных усилий этих стран рассматриваются в данной статье.

Основная часть статьи

Следствия изменения климата в Арктике

Температура воздуха в Арктике растет более быстрыми темпами, чем в остальном мире, что является бедствием для морских и экосистем, заставляя природу приспосабливаться к новым условиям существования [19].

Средняя толщина морского льда в начале 2015 года была самой низкой за всю документально подтвержденную историю наблюдений, и есть тенденции к росту потепления и таянию льдов. Существует вероятность того, что вся Арктика будет свободной ото льда в течение летнего периода года, и произойдет это уже в нынешнем столетии, возможно, даже в течение ближайших десятилетий. Все это привело к тому, что многие государства, инвесторы и предприятия проявили интерес к региону, во многом благодаря его экономическому и стратегическому потенциалу [1].

Перспективы разработки природных ресурсов арктического региона

По данным исследования, проведенного Геологической службой США в 2008 году, в Арктике находится около 22% неисследованных мировых запасов нефти и природного газа, что составляет примерно 13% от неизведанной нефти в мире и 30% от неоткрытых запасов природного газа в мире [21]. 84% этих ресурсов, как ожидается, могут находиться на шельфе, расположенном в более мелких водах континентальных шельфов пяти арктических прибрежных государств. Это вызывает интерес к изысканиям у арктических государств и крупных нефтегазовых компаний.

* Ковалев А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 38-50.

Крупные арктические нефтегазовые открытия начались в СССР в 1962 году с открытия Тазовского месторождения, а в США в 1967 году – с Аляскинского месторождения в Прадхо.

Большая часть арктических энергетических месторождений находится в России, и в некоторых из них добыча уже идет высокими темпами. Например, полуостров Ямал является крупнейшим газодобывающим регионом России, на долю которого приходится около 20% мировых поставок природного газа [23]. Немецкая Die Welt считает запуск «Ямал СПГ» «историческим шагом для российской энергетики: «НОВАТЭК стал первым в мире предприятием, построившим терминал для СПГ севернее Полярного круга, где зимой температура воздуха опускается ниже 50 градусов. США до сих пор не реализовали аналогичный проект на Аляске, хотя, в отличие от русских, они не страдают от санкций» [24].

ПАО «Газпром» открыл добычу на нескольких месторождениях в этом регионе, и еще несколько находятся в стадии строительства. Месторождение «Приразломное» в Баренцевом море начало добычу в 2013 году, став первым шельфовым проектом в Арктике.

Арктическая нефть и газ являются важной частью норвежской экономики. В 2007 году Норвегия запустила первый проект по сжиженному природному газу в Европе на морском месторождении Снохвит в норвежском Баренцевом море. С 2009 года нефтяные компании «Eni» и «Statoil» стремятся разработать месторождение Голиат, также расположенное в Баренцевом море. Месторождение Голиат было открыто в 2016 году и в настоящее время является самым северным морским месторождением в мире. Результаты показывают, что Баренцево море будет играть важную роль в будущей добыче углеводородов в Норвегии.

По оценкам экспертов, в прибрежных водах Аляски в США содержится около 27 миллиардов баррелей нефти и 132 триллиона кубических футов природного газа, и большая часть этого объема находится в Арктике [22]. Потратив почти десятилетие на получение одобрения со стороны администрации США, в 2015 году «Royal Dutch Shell» начала разведочное бурение в Чукотском море, у Аляски.

Глобальные тенденции и падение цен на нефть являются факторами, которые также повлияли на экономический потенциал арктических энергоресурсов. Бум сланцевого газа в США сделал нефть и газ менее конкурентоспособными и вызвал быстрое снижение цены на нефть с лета 2014 года.

Несколько лет назад, когда цена на нефть составляла почти 150 долларов за баррель, несколько крупных компаний заплатили большие

суммы за аренду Арктического региона. С другой стороны, арктические проекты носят долгосрочный характер, и даже при условии снижения цен на нефть многие компании сохранили свое присутствие в регионе.

Низкие цены на нефть сочетаются с суровыми и сложными условиями, а также высокими издержками производства. Некоторые арктические территории труднодоступны, а инфраструктура и транспорт, способные справиться с условиями работы во льдах отсутствуют. Это особенно касается нефтяных месторождений в арктическом регионе США. В то же время для разведки и разработки в Арктике требуются дорогостоящие, специальные технологии и средства защиты, адаптированные к климатическим условиям для обеспечения безопасности человека и окружающей среды [3]. Существует много проблем, связанных с ликвидацией возможного разлива нефти в ледяных условиях, и воздействие аварий на хрупкую экосистему вызывает серьезную озабоченность.

Специалисты признают, что при «условии начала и проведения уже сегодня интенсивных геолого-разведочных работ арктические ресурсы с новых введенных в разработку месторождений смогут дать существенную отдачу только к середине 2030-х годов. Их дальнейшая разработка может вестись до середины века и далее. Таким образом, арктические ресурсы могут рассматриваться как значимый фактор поддержания добычи на суше только в достаточно отдаленной перспективе» [16].

Наконец, экономические санкции, наложенные на Россию после кризиса в Украине, повлияли на планы разработки морских нефтяных месторождений в российской Арктике. Санкции остановили или замедлили сотрудничество совместных предприятий Российской Федерации и международных энергетических компаний, таких как «Exxon», «Eni», «Total» и «Statoil». Ограничительные меры в отношении оборудования, технологий и других услуг, необходимых для морских нефтяных проектов в Арктике, и финансовые ограничения в отношении России, вероятно, приведут к замедлению российских морских нефтяных проектов в Арктике, особенно если санкции будут действовать в долгосрочной перспективе.

Арктическое судоходство в современных условиях

Еще одним следствием таяния морского льда в Арктике является доступность новых и более быстрых морских путей. Северный морской путь в Евразию теперь свободен ото льда и проходим для судов в течение нескольких месяцев в году. Северный морской путь сокращает расстояние между Азией и Европой на 40% по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал [19]. Открытые воды у северного побережья России

также способствуют развитию энергетических ресурсов в регионе, поскольку транспортировка нефти и газа становится более эффективна. Северо-Западный проход над Северной Америкой был свободен ото льда в течение лета в течение последних десяти лет и примерно на 39% короче, чем маршрут через Панамский канал. Движение по этим маршрутам в целом увеличилось за последние годы, и, вероятно, будет увеличиваться и в будущем.

Однако исследователи обнаружили, что регулярное коммерческое судоходство в Арктике на десятилетия отстает в своем развитии. Исследование, проведенное Копенгагенской бизнес-школой показало, что навигационный сезон Северного морского пути будет слишком коротким, чтобы инвестиции в суда ледового класса были экономически жизнеспособными в ближайшие десятилетия [2]. В исследовании прогнозируется, что арктическое судоходство может стать экономически целесообразным к 2040 году, лишь в том случае, если ледяной покров продолжит уменьшаться с нынешней скоростью. Возможность регулярного использования Северного морского пути также зависит от нескольких неопределенных факторов, таких как опасные экологические условия, наличие портов, инфраструктуры, высоких эксплуатационных расходов по сравнению с южными морскими путями.

Между тем, более вероятно, что мы увидим увеличение региональных перевозок в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Российская арктическая добыча нефти и газа будет способствовать этому. Например, строительство порта Сабетта на полуострове Ямал, построенного для проекта «Ямал СПГ», сделает возможным отгрузку сжиженного природного газа из российской Арктики. Большинство арктических перевозок сегодня происходит в западных частях Северного морского пути, вдоль норвежского побережья, в Баренцевом море, вокруг Исландии и Фарерских островов, на юго-западе Гренландии и в Беринговом море. Многие из этих областей активно использовались для судоходства в течение десятилетий, поэтому было бы неправильно характеризовать это как новое развитие.

Рост экономической активности в Арктике и возникающие вопросы безопасности

Экономический потенциал Арктики, скорее всего, не приведет к «рывку» в Арктику или конфликту из-за ресурсов. Также маловероятно, что наличие ресурсов создаст более напряженную обстановку в плане безопасности между арктическими государствами. Однако арктические государства заинтересованы в защите своих экономических ресурсов и территорий в регионе. Таяние морского льда и усиление экономической деятельности имеет серьезные последствия для охраны границ и моря, и

для обеспечения государственного суверенитета. Это привело к тому, что некоторые арктические страны в последние несколько лет увеличили инвестиции в военную инфраструктуру в условиях Арктики.

Кроме того, рост экономической активности в Арктике оказывает серьезное влияние на безопасность человека и окружающей среды, повышает потребность в поисково-спасательных операциях, готовности к ликвидации разлива нефти, береговой охране. В регионе с экстремальными климатическими условиями эксплуатации и отсутствием спутниковой связи эти проблемы требуют сотрудничества и координации [4].

Интересы арктических прибрежных государств в освоении Арктики подвигают их к расширению континентальных шельфов. Территориальные споры в Арктике являются факторами, которые способствуют напряженности в отношениях между странами региона. Северный Ледовитый океан и его природные ресурсы регулируются Конвенцией ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) [8]. Одним из важных аспектов претензий в Северном Ледовитом океане является режим расширенного континентального шельфа в ЮНКЛОС. Благодаря ЮНКЛОС пять арктических прибрежных государств могут претендовать на исключительную экономическую зону на расстоянии до 200 морских миль от своих базовых линий и подавать заявки на расширенный континентальный шельф путем предоставления геологических доказательств в Комиссию ООН, которая в свою очередь принимает решение по данному вопросу.

Это может дать арктическим государствам исключительные права на эксплуатацию ресурсов Северного Ледовитого океана за пределами их исключительной экономической зоны, но не обеспечивает суверенитета, поскольку большинство этих районов являются международными водами. Большинство арктических прибрежных государств в настоящее время подали в комиссию ООН полные или частичные заявки на свои расширенные континентальные шельфы в арктическом регионе.

Единственный спор из-за суши в Арктике – между Канадой и Данией – из-за острова Ханс, небольшого острова в канале Кеннеди, между канадским островом Элсмир и Гренландией. Спор по поводу территории вокруг острова был разрешен в конце 2012 года. Существуют также незначительные споры между Данией и Норвегией по поводу моря к северу и северо-востоку от Гренландии и между Данией, Исландией и Норвегией к северу от Фарерских островов. Канада и США (и другие государства) имеют противоречивые взгляды на статус Северо-Западного прохода, маршрута доставки, проходящего через Северную Америку. Канада утверждает, что проход является частью ее территориальных вод,

в то время как США и другие страны утверждают, что эти районы являются международными водами. Конфликт в значительной степени основывается на различной интерпретации ЮНКЛОС и на том, как определить морские базовые линии в этой области.

Существует также разногласие по поводу правового статуса Северного морского пути, очень похожего на конфликт Северо-Западного прохода. Россия определяет Северный морской путь как историческую национальную транспортную линию России, открытую для иностранных судов, которые следуют установленным Россией правилам плавания [10]. В то же время Россия утверждает, что части Северного морского пути проходят через ее внутренние воды, территориальные воды и исключительную экономическую зону. В связи с этим Россия установила особые правила плавания иностранных судов по Северному морскому пути и требует, чтобы суда получали разрешение от Администрации Северного морского пути. США (и некоторые другие страны) выступают против этого понятия и утверждают, что иностранные суда имеют право «транзитного прохода» через то, что они утверждают, является международным проливом. Право транзитного прохода дает право иностранным судам проходить через пролив без разрешения прибрежного государства. Скорее всего, спор станет более серьезным, если Северный морской путь станет более активно использоваться.

Наиболее заметный спор в Северном Ледовитом океане в некоторой степени затрагивает все прибрежные арктические государства и касается хребта Ломоносова, подводной горной цепи, которая охватывает Северный Ледовитый океан [18]. Канада, Дания и Россия утверждают, что значительная часть этого хребта является частью их расширенного континентального шельфа, в то время как Норвегия претендовала лишь на незначительную часть. Россия подала иск в Комиссию ООН еще в 2001 году, включая части хребта Ломоносова, но Комиссия попросила предоставить дополнительные доказательства. После более чем десяти лет исследований Россия снова подала претензию в августе 2015 года. Дания подала претензию на рассмотрение территории, включая хребет, в декабре 2014 года, в то время как Канада в настоящий момент имеет только частичную претензию. Ни одна из стран еще не рассматривала эти заявки в Комиссии ООН. Эти утверждения привлекли к себе внимание средств массовой информации, поскольку считается, что хребет Ломоносова включает Северный полюс. Хотя континентальный шельф Северного полюса имеет ограниченную экономическую ценность, он имеет существенное символическое значение для арктических народов. Так, в 2007 году российская научная

миссия под руководством советского и российского учёного-океанолога, исследователя Арктики и Антарктики А.Н. Чилингарова установила российский флаг на морском дне под Северным полюсом.

Доминирующие правовые основы решения территориальных споров в Арктике

Урегулирование территориальных претензий в Арктике подчиняется правилам и нормам международного права. Таким образом, даже при наличии спорных территориальных вопросов, в настоящее время нет предпосылок для возникновения глобальных конфликтов в регионе. Споры с участием России потенциально могут быть более серьезными из-за сложной политической обстановки в мире, но ничто не говорит о том, что у России есть какие-либо планы по нарушению международного права в Арктике. Соглашение о разграничении между Норвегией и Россией в связи с продолжительным спором о Баренцевом море в 2010 году показывает, что Россия является ответственным и конструктивным игроком в регионе. Кроме того, большая часть экономических ресурсов в Арктике расположена в уже установленных исключительных экономических зонах и не оспаривается. Большинство ресурсов, которые могут быть расположены в спорных районах, являются очень дорогостоящими и их трудно извлечь по сравнению с ресурсами в неоспоримых областях южнее. В последнее десятилетие наблюдается рост числа экспансионистских заявлений в отношении Арктики, но вполне вероятно, что эта риторика направлена не на международную, а на национальную аудиторию [6].

Независимо от тона риторики, похоже, что не будет потенциальной эскалации или решения перекрывающихся претензий, пока Комиссия ООН не вынесет рекомендации на основе заявлений. Комиссия обычно тратит 5-10 лет на рассмотрение заявки. Однако рекомендация Комиссии не является решением возможного спора, поскольку она выносит решения только на основании научных данных. Если Комиссия обнаружит, что континентальные шельфы перекрываются, странам придется вступить в переговоры по урегулированию границ. В целом, обязательства по международному праву посредством заявлений и действий предполагают, что процесс делимитации арктического континентального шельфа в будущем будет продолжаться мирно.

Развитие арктических российских проектов вызывает серьезные опасения оппонентов на Западе. Экономические санкции были разработаны для того, чтобы особенно сильно ударить по России в Арктике [9]. Россия пока зависит от западных технологий и капитала в развитии энергетической отрасли в Арктике, и российские компании

вступили в партнерские отношения с несколькими крупными западными компаниями, такими как «ExxonMobil», «Eni» и «Statoil». Режим санкций, однако, мешает западным энергетическим компаниям поддерживать партнерские отношения со своими российскими коллегами.

Возвращаясь к вопросам международного права в отношении современного освоения Арктики, можно констатировать, что Конвенция ООН по морскому праву является доминирующей правовой основой для разграничения Северного Ледовитого океана. ЮНКЛОС определяет морские границы и степень суверенитета прибрежных государств, которая, как правило, уменьшается по мере удаления от исходной линии. Прибрежные государства могут претендовать на исключительный суверенитет над всеми живыми и неживыми ресурсами в своей исключительной экономической зоне на расстоянии до 200 морских миль от базовой линии.

Прибрежные государства могут претендовать на ресурсы морского дна за пределами их исключительной экономической зоны, если есть данные, что это естественное продолжение их континентального шельфа. Прибрежные государства должны собирать научную информацию и подавать заявку в Комиссию по границам континентального шельфа, которая дает рекомендации, основанные на научной оценке. Однако, поскольку Комиссия только проводит научную оценку, прибрежные государства должны урегулировать возможные дублирующие претензии в других местах. ЮНКЛОС заявляет, что споры по поводу морских границ должны разрешаться мирными средствами, например, через Международный Суд, Международный трибунал по морскому праву или путем двусторонних переговоров. Все арктические прибрежные государства ратифицировали ЮНКЛОС, за исключением США, и имеют право подавать заявки на расширенный континентальный шельф. Однако США принимают большую часть договора в качестве обычного международного права и, несмотря на тот факт, что они не могут претендовать на континентальный шельф, потратили миллионы долларов, чтобы доказать, что континентальный шельф у Аляски простирается за предел в 200 морских миль.

В 2008 году пять прибрежных арктических государств подтвердили свою приверженность ЮНКЛОС в качестве основной правовой основы для Северного Ледовитого океана в Илуиссатской декларации [5]. Государства заявили, что ЮНКЛОС обеспечивает «прочную основу для ответственного управления пятью прибрежными государствами и другими пользователями океана». Хотя ЮНКЛОС не может служить форумом для решения проблем безопасности,

«Арктическая пятерка» считает ее обширной правовой базой, достаточной для урегулирования возможных пограничных споров.

Судоходство в Арктике также находится под пристальным вниманием международных организаций. Международная морская организация является агентством в рамках ООН, задачей которого является обеспечение безопасности и защиты судоходства и предотвращение загрязнения моря судами [11]. Международная морская организация была создана в 1948 году и насчитывает 172 государств-членов, включая все арктические государства. Международная морская организация ведет активную работу в областях, имеющих ключевое значение для Арктики, таких, как регулирование выбросов CO₂, регулирование кодов судов и портовых средств, обеспечение готовности к очищению территорий загрязнения нефтью. В 2014 году Международная морская организация приняла Полярный кодекс – международный кодекс безопасности для судов, работающих в полярных водах. Полярный кодекс охватывает обязательные требования к проектированию, строительству, оборудованию, эксплуатации, обучению, поисково-спасательным работам и защите окружающей среды, относящимся к судам, работающим в водах, прилегающих к двум полюсам [12]. Эти области имеют непосредственное отношение к «более мягким» вопросам безопасности, таким как экологическая и человеческая безопасность. Однако Полярный кодекс распространяется только на покрытые льдом воды и не распространяется, например, на круизные лайнеры, которые плавают в ледяных арктических водах. Кроме того, в Полярном кодексе пропущены некоторые ключевые спорные вопросы, такие как использование тяжелого мазута, который считается экологически опасным и способствует климатическому потеплению в регионе. Несмотря на ограничения, процесс создания Полярного кодекса был сложным, основан на модели консенсуса, которая показывает, что страны разделяют озабоченность по поводу безопасности человека и окружающей среды в регионе.

Комплексное управление арктическими территориями

Основной институциональной основой для Арктики является Арктический совет. Арктический совет был создан в 1996 году как форум высокого уровня для арктического региона, состоящий из восьми постоянных стран-членов и шести постоянных организаций-участников, представляющих коренные народы. Форум имеет широкие полномочия, но с момента своего создания он был сосредоточен на вопросах устойчивого развития, научных исследованиях и охраны окружающей среды в Арктике. Хотя Арктический совет превратился в крупный форум по проблемам Арктики, некоторые темы не включены в его полномочия.

Оттавская декларация об учреждении Арктического совета прямо исключает вопросы военной безопасности. Тем не менее, Совет рассмотрел много «мягких» вопросов безопасности. Хотя Совет не обладает правосубъектностью, в 2011 году восемь государств-членов Арктического совета подписали юридически обязательное международное соглашение о поиске и спасании. Аналогичное соглашение о готовности и реагировании на нефтяные загрязнения было подписано в 2013 году. Поисково-спасательные работы явно относятся к сфере военной безопасности, поскольку эти операции обычно проводятся береговой охраной или другими подразделениями вооруженных сил. Форум Арктической береговой охраны, который был сформирован в 2015 году, является важной частью реализации этих двух соглашений. И форум, и соглашения во многом были результатом работы Арктического совета, но, тем не менее, независимы от Совета. Это свидетельствует о том, что Арктический совет смог обойти вопрос об исключении военной безопасности на некоторых территориях [13].

Форум Арктической береговой охраны был основан в 2015 году и представляет собой совместную инициативу стран с общими морскими интересами в Арктике. Форум Арктической береговой охраны построен на модели подобных форумов, таких как Форум береговой охраны северной части Тихого океана. Главы государств-членов собираются ежегодно, а рабочие группы собираются чаще, когда это необходимо. Основная цель Форума состоит в том, чтобы выработать общую ситуационную осведомленность между восемью членами, опираясь на часть работы, уже проделанной рабочими группами Арктического совета. В более общем плане Форум стремится наладить отношения между береговой охраной на практическом уровне с целью сформировать сообщество, ориентированное на оперативную деятельность. Форум Арктической береговой охраны может содействовать обмену информацией и выявлению передовой практики, что позволит береговой охране более эффективно решать проблемы в регионе. Береговой охране Арктики не хватает как потенциала, так и адекватного финансирования, и сотрудничество может быть полезным для решения этих проблем.

Хотя можно утверждать, что это сотрудничество основано на более мягких аспектах безопасности, часть работы береговой охраны обычно имеет четкий аспект военной безопасности. Например, важной задачей для большинства береговой охраны является защита суверенитета государства и обеспечение соблюдения национальной юрисдикции посредством присутствия на море. Тем не менее, есть значительные различия. В США береговая охрана находится в ведении Министерства внутренней безопасности и технически не является

военной, хотя имеет некоторые элементы военные формы. Норвежская береговая охрана организована под эгидой Королевского норвежского флота и поэтому является военной.

Включение России в Форум Арктической береговой охраны имеет решающее значение, но также может быть проблемой. Россия обладает обширными морскими границами с США, Норвегией и Финляндией, и сотрудничество в этих пограничных районах имеет важное значение для решения таких вопросов, как охрана окружающей среды и поисково-спасательные работы. Однако сотрудничество между странами НАТО и Россией может оказаться затруднительным. Еще слишком рано говорить о том, может ли Форум привести к конструктивному диалогу по безопасности между Россией и другими арктическими странами. Несмотря на это, создание самого Форума показывает, что арктические страны готовы сотрудничать по некоторым аспектам безопасности в регионе. Несмотря на проблемы, Форум Арктической береговой охраны может стать важной мерой укрепления доверия, которая помогает укрепить доверие между арктическими странами.

Четыре из пяти арктических прибрежных государств являются членами НАТО, а 50 % Приполярного региона – территория одного из членов НАТО. НАТО играет естественно важную роль в регионе. Обязательство НАТО по статье 5 (нападение на одного союзника – это нападение на всех союзников) распространяется на Арктику, как и на другие районы мира [15]. Арктика была областью стратегического интереса, как для США/НАТО, так и для Советского Союза во время Холодной войны. Регион был сильно военизирован, политически чувствителен и являлся важной частью стратегического сдерживания для обеих сторон [7]. Северный флот Советского Союза имел доступ к Атлантическому океану через Арктику, а подводные лодки, спрятанные подо льдом, составляли основу способности второго удара. США и НАТО построили базы в Гренландии, Исландии и на Фарерских островах, а также в северной Норвегии, что явилось геостратегическим противодействием советскому присутствию в регионе. С окончанием Холодной войны и трансформацией отношений с Россией в 90-х годах внимание НАТО сместилось с Арктики. Участие США и России в регионе перешло от стратегического военного сдерживания к научному военному сотрудничеству по экологическим вопросам. После Холодной войны США / НАТО отказались от многих своих военных баз в регионе. Например, база НАТО на Фарерских островах была демонтирована, большинство американских баз на Гренландии пустуют, США покинули базу Кефлавик в Исландии. Хотя после Холодной войны центр внимания НАТО сместился с Арктики, в последние годы Организация

Североатлантического договора все еще участвует в деятельности в регионе. НАТО участвовала в нескольких военных учениях, как с участием России, так и без нее. В 1996 году Министерство обороны России и Управление гражданского чрезвычайного планирования НАТО организовали «Arctic-Sarex» – поисково-спасательные учения с участием воинских частей из Канады, России и США. Другие крупные военные учения также проводились в северной Норвегии, в партнерстве с другими арктическими государствами, которые являются членами НАТО. «Cold Response» – это проводимые раз в два года многонациональные военные учения по реагированию на кризисы, проводимые в северной Норвегии. В 2016 году в учениях участвовало в общей сложности 15 тыс. военнослужащих из Норвегии и др. стран НАТО. Другие крупные арктические учения с участием НАТО – это «Северный орел», «Арктический край», «Arctic Challenge».

Тем не менее, НАТО пока не разработало конкретную политику для арктического региона. Арктические страны не согласны, когда речь заходит о роли НАТО в регионе. В то время как Норвегия выступает за усиление присутствия НАТО, Канада выступает против идеи о том, что «внешняя» организация приобретает большее влияние. Другой важный аспект заключается в том, что Россия, естественно, очень критично относится к участию НАТО в регионе. Страны НАТО должны учитывать, что демонстрации солидарности и готовности союзников могут спровоцировать дестабилизирующие меры России.

Существует несколько других рамок регионального и субрегионального сотрудничества, которые охватывают Арктику. Три государства Арктического совета являются членами Европейского союза (Финляндия, Швеция и Дания), а Норвегия и Исландия являются членами Европейского экономического пространства. Следовательно, нормы, законодательство и стандарты ЕС охватывают арктический регион. Участие Европейского союза в арктических вопросах было спорным, но независимо от этого, оно уже стало заинтересованным лицом и партнером Арктики в мерах, направленных на управление изменением климата, безопасность судоходства и защиту окружающей среды в целом. Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) и Баренцево-Евроарктический регион (БЕАР) были созданы в 1993 году странами Северной Европы, Европейского союза и Российской Федерацией для развития сотрудничества на европейском Крайнем Севере [17]. СБЕР и БЕАР сосредоточены на пограничном сотрудничестве по вопросам, связанным с инфраструктурой, представительством коренных народов, торговлей и обычаями, культурой, окружающей средой, молодежью, туризмом, энергетикой и здравоохранением.

Пять северных государств создали структурированную форму сотрудничества в области военной безопасности через NORDEFCO, которая направлена на укрепление национальной обороны путем совместного использования возможностей. Другими арктическими соглашениями о сотрудничестве по вопросам военной безопасности являются круглый стол Арктических сил безопасности и встречи руководителей обороны Арктики. Североамериканское командование по аэрокосмической обороне (NORAD) расположено на Аляске, в Канаде и Гренландии, и также задействовано в арктическом регионе [14].

Структура управления Арктикой является сложной и фрагментированной. С одной стороны, существует значительное сотрудничество в таких областях, как экологические проблемы, изменение климата, представительство коренных народов и наука. За последнее десятилетие сотрудничество по более мягким вопросам безопасности, таким как охрана окружающей среды, безопасность человека, было институционализировано и включено в структуру управления Арктикой. К сожалению, нельзя назвать активным сотрудничество всех заинтересованных сторон по вопросам военной безопасности. Есть основания полагать, что арктические государства также двигались в направлении сотрудничества по этим вопросам, но они были остановлены или затронуты украинским кризисом. Кризис на Украине снизил доверие между странами Западной Арктики и Россией в целом. Кроме того, решение НАТО приостановить всякое военное сотрудничество с Россией делает невозможным участие таких стран, как Норвегия и США, в совместных учениях, встречах руководителей обороны и других мерах укрепления доверия, которые были ранее приняты.

Вывод

В статье представлены некоторые основные движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность. Безусловно, такие факторы, как таяние морского льда, улучшение доступа к природным ресурсам и судоходным путям приведут к усилению человеческой деятельности в регионе. Но, скорее всего, в ближайшее время от арктических государств не стоит ожидать никакой «спешки в Арктику». Рост активности привел к возникновению новых проблем в области безопасности человека и окружающей среды в регионе, которые должны совместно решаться арктическими государствами. Структуры управления в Арктике являются сложными и охватывают важные области, такие как защита окружающей среды, участие коренных народов, научные исследования и многое другое. Были предприняты усилия по созданию форумов для военного сотрудничества

в Арктике, но они сильно пострадали от украинского кризиса из-за приостановления НАТО всего военного сотрудничества с Россией. Приостановление диалога по вопросам безопасности между странами уменьшает объем информации и повышает риск неверного толкования военной деятельности в регионе. Пока все военное сотрудничество между странами НАТО и Россией приостановлено, не существует какого-либо существенного и справедливого решения для институционализации сотрудничества в области безопасности с участием России, Норвегии и США.

Библиографический список

1. *Авакян С.В., Воронин Н.А.* О проблемах Арктики в свете современных изменений климата // Академия энергетики. 2013. № 5. С. 28-37.

2. Арктическое судоходство – коммерческие возможности и проблемы. Аналитический доклад // Копенгагенская бизнес-школа / [Электронный ресурс] URL: <https://services-webdav.cbs.dk/doc/CBS.dk/Arctic%20Shipping%20-%20Commercial%20Opportunities%20and%20Challenges.pdf>

3. Возможности и вызовы развития нефтегазовой отрасли Арктики // [Электронный ресурс] URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Arctic%20Report_F.pdf

4. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. 2014. № 2. С. 15-22.

5. Илулиссатская декларация (Конференция по Северному Ледовитому океану) // [Электронный ресурс] URL: https://www.arctictoday.com/wp-content/uploads/2018/05/Iluulissat_Declaration.pdf

6. *Ильясов Р.М., Карпов В.П.* Межгосударственное соперничество в дискурсе о статусе Северного морского пути // Горные ведомости. 2013. № 3. С. 86-96.

7. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. Санкт-Петербург: Коновалов А.М., 2016. 193 с.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf

9. *Конопляник А.А., Бузовский В.В., Попова Ю.А., Трошина Н.В.* Влияние антироссийских санкций на освоение нефтегазового потенциала

российского арктического шельфа – и развилки энергетической политики России. М.: «Восток Капитал», 2015. 106 с.

10. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Северный морской путь. РИДЕР РСМД // Российский совет по международным делам / [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/sevmorput>

11. Международная морская организация (IMO – the International Maritime Organization) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.imo.org/en/About/Pages/Default.aspx>

12. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс) // [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420376046>

13. *Муштакова Е.С.* Правовое понятие Арктики в международном и национальном законодательстве // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 6. С. 61-66.

14. *Подрезов Ю.В.* Освоение Арктики: международное сотрудничество, климат, безопасность // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 1. С. 98-103.

15. Североатлантический договор // [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm

16. *Сочнева И.О.* Ресурсы Арктики и возможности их разработки // Арктика: экология и экономика. 2015. №4. С. 70-77.

17. *Фокин Ю.Е., Смирнов А.И.* Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М.: Национальный институт исследований глобальной безопасности. 2012. 85 с.

18. Хребет Ломоносова: камень на геополитическом распутье // ТАСС, информационное агентство / [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/arhiv/739711>

19. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т.19. №2. С. 30-40.

20. *Bird Kenneth et al.* Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // US Department of the Interior, US Geological Survey / [Электронный ресурс] URL: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf>

21. *Ebinger Charles.* The US Still Needs Arctic Energy // Brookings Institution / [Электронный ресурс] URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-fromchaos/posts/2015/09/14-us-energy-security-arctic-ebinger>

22. Russian Arctic Resources // Sputnik News / [Электронный ресурс]
URL: [http://sputniknews.com/voiceofrussia/2012_08_28/Russian Arctic-resources/](http://sputniknews.com/voiceofrussia/2012_08_28/Russian-Arctic-resources/)

23. Russlands erster Schritt zu Flüssiggas-Riesen // Die Welt / [Электронный ресурс] URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article171455954/Russlands-erster-Schritt-zu-Fluessiggas-Riesen.html>

Джон Локк и влияние его идей на теорию и практику государственного управления в начале XXI столетия*

Введение

Джон Локк (1632-1704 гг.), британский философ, ровесник Бенедикта Спинозы, труды которого оказали глубокое воздействие на «отцов-основателей» Соединенных Штатов, на те ведущие принципы, на которых были основаны в 1776 году Соединенные Штаты Америки, на Конституцию этого государства и на всю современную систему государственного управления. Многие влиятельные политические и общественные лидеры сегодня признают, что наши современники лишь начинают постигать всю важность философских и государственно-правовых идей Локка для наступившего XXI века [1], [2], [3].

В нашей стране либерализм как теория и практика государственного управления, видимо, не имеет будущего, но изучение влияния трудов Джона Локка как одного из основателей теории и практики либерализма в странах, с которыми современной России приходится активно сотрудничать, представляется актуальной проблемой.

Хотя труды Локка предшествовали формальному складыванию и конституированию современной теории организации и поведения, многие из его идей продолжают непосредственно влиять на эти области – в частности, его идеи о воспитании, образовании и экономике, образующие целостную философию государственного управления. Современным образованным слоям западной и российской цивилизаций Джон Локк наиболее известен своей концепцией разделения властей и ставшими классическими представлениями о собственности как основе процветания общества.

* Мрочко В.Л., Ковалев А.А. Джон Локк и влияние его идей на теорию и практику государственного управления в начале XXI столетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2(26). – С. 77-92.

Джон Локк является ключевой фигурой в современной политической философии, потому что он в свое время модернизировал и приспособил для современной ему политической реальности более радикальные учения Никколо Макиавелли (1469-1527 гг.) [4] и Томаса Гоббса (1588-1679 гг.) [5], чтобы сделать их идеи приемлемыми для возможного демократического правительства. Его теории обычно рассматриваются между концепциями Томаса Гоббса и Жан-Жака Руссо, причем все эти три философа создали собственные политические теории, взяв за основу концепцию «естественного состояния».

Локк многим обязан своим предшественникам – Никколо Макиавелли [6], Мишелю де Монтеню [7], Фрэнсису Бэкону [8] и Рене Декарту [9] за их философские и государственно-правовые теории, которые явились фундаментом его философии. Но если Бэкон ограничивал эмпиризм чисто научным опытом, а Гоббс чрезмерно увлекался материализмом и связал эмпиризм с рационализмом, то Джон Локк первым в Новое время сформулировал теоретические основы эмпиризма и создал сенсуалистическую теорию познания.

Кроме того, внимательное изучение трудов Локка заставляет вспомнить идеи англиканского богослова Ричарда Хукера (1554-1600 гг.) [10] и сэра Роберта Филмера (1588-1653 гг.) [11], обосновывавшего концепцию патриархального происхождения государства. Локк часто использовал труды этих мыслителей, ссылаясь на них для защиты своих более смелых идей, чтобы защитить себя от возможных упреков случайных читателей. С доводами труда Филмера «Патриарх или естественная власть королей» Локк вступил в аргументированную полемику, ибо Филмер отрицал возможность человеческой свободы [12]. Что касается теории организации и поведения, то Локк писал о таких разнообразных темах, как образование, деньги, демократия и либерализм, используя мысли предшественников и современников и полемизируя с ними.

Порой Локк хотел казаться менее радикальным, чем был на самом деле. Если читать его труды поверхностно, то они, по-видимому, содержат много противоречивых мыслей; однако, если читать более внимательно, эти кажущиеся противоречия можно примирить без особого труда. Локк был довольно осторожен в высказываниях и использовал сложные аргументы, потому что его взгляд на философские истоки политики радикально отличался от повсеместно принятых воззрений в политике и культуре его времени.

Философия политики Локка возникла на основе постулирования и изучения той особой реальности, которую он и другие мыслители называли «естественным состоянием». Впоследствии особое значение

для бихевиористов имели его идеи, включающие современные представления о религии, добродетели, нравственности и идее добра. Все эти высказывания и убеждения бросали вызов установившемуся порядку. Локк был сдержан в высказываниях и писал об этих вопросах предельно осторожным, выверенным, практически эзоповым языком. Он опасался, что его идеи могут быть поняты как атеистические, что напрямую угрожало бы его жизни и репутации. Фактически, его именно убеждения в конечном итоге привели к тому, что Локку пришлось уехать из Англии в Нидерланды в 1683 году. Вернулся он лишь в 1688 году, когда королем стал Вильгельм III Оранский.

Джон Локк повлиял на принципы, на которых была основана государственная власть Соединенных Штатов. Не так уж часто в мировой истории государства создаются и функционируют в соответствии с философскими концепциями.

В этой статье мы покажем, как различные аспекты теорий Локка о человеческом понимании, религии, экономике и политике продолжают влиять на теорию и практику государственного управления – на поведение, структуру и функционирование современных политических и общественных институтов.

Обратимся к рассмотрению основных мотивов **теории познания Локка** как предпосылки для эффективной политической практики и создания действенных общественных организаций.

Джон Локк – основоположник британского эмпиризма. В его теории познания все знания должны основываться на опыте. Чтобы понять труды Локка о теории организации и поведении, нужно начать с его представлений об эмпиризме. Они дают ключ к истолкованию всех его сочинений.

Эссе Локка, посвященное человеческому пониманию, подвергло критике веру в то, что люди начинали жизнь с некоторых предвзятых представлений о первых принципах. Локк полагал, что человеческие существа начинают жизнь с интеллектом, который является *tabula rasa*, некой «чистой доской», чистым листом, на котором общество и среда рисуют свои письмена. Человеческое знание определяется и формируется благодаря жизненному опыту [13]. В отличие от Рене Декарта, Локк полагал, что люди рождаются без врожденных идей.

Для Локка источником идей являются опыт, ощущение и рефлексия. Следовательно, мораль обладает рациональной основой. Для современной теории организации это имеет глубокие последствия, поскольку все идеи, которые люди развивают, происходят из их индивидуального обучения, жизненного опыта и личностного роста. Идеи Локка отличаются от христианских и естественно-правовых

традиций, согласно которым существует некие фундаментальные основы для человеческого понимания – первопринципы, сам Бог или естественный порядок – за пределами человеческой истории и опыта.

Акцент Локка на опыте виден и в основных чертах его теории образования. Наиболее полное изложение учения Локка об образовании содержится в его книге «Мысли о воспитании» (1693 г.), которая стала первой объемной книгой об образовании, написанной философом Нового времени [14]. Поэтому Локка можно с полным правом считать основоположником современной философии образования.

Мысли Локка об образовании и воспитании основывались на его собственном представлении о том, что молодых людей следует учить быть джентльменами, которым предстоит работать на благо самой мощной империи мира. Для Локка женщины были низведены до частного мира домашнего очага, и он не предусматривал никакой общественной роли для женщин. Впрочем, для той эпохи это было естественным и общепринятым представлением. Лишь современные феминистки не понимают этого и обрушиваются на Локка с гневной и несправедливой критикой.

Локк писал о воспитании джентльменов: «Примите за несомненную истину, что какие бы наставления ни давали ребенку и какими бы мудрыми уроками благовоспитанности ни пичкали его ежедневно, наибольшее влияние на его поведение будет все-таки оказывать компания, в которой он находится, и образ действий тех, кто ходит за ним» [14].

Жизненно необходимо воспитание устойчивых положительных привычек у детей. Философ пишет: «Детей нельзя воспитывать правилами, которые ускользают из памяти. Если вы считаете необходимым приучить их к чему-нибудь, укорените это посредством практики всякий раз, как представится случай, и, если возможно, сами создайте случай» [14].

Стандарты Локка включали в себя классическое образование в сочетании с христианскими принципами толерантности – нравственное воспитание, подчеркивающее социальные навыки, и самоконтроль, которым студенты учатся, подражая опытным учителям. Локк подверг критике христианство с позиций деистического свободомыслия. В 1685 году, пребывая в эмиграции в Голландии, он написал «Послание о веротерпимости», анонимно опубликованное в 1689 году. Локк провозглашал свободу религиозной совести неотъемлемым правом свободной личности, а «веротерпимость главной отличительной чертой истинной церкви» [15].

Теория воспитания Локка тесно связана с его этическими воззрениями, которые включают в себя две противоречивые идеи: оригинальную форму гедонизма и веру в то, что этику как практическую философию можно продемонстрировать в человеческих действиях. Гедонизм Локка связан с его убеждением, что большинство человеческих действий связаны либо с удовольствием, либо с болью и страданием. Поэтому все человеческие существа попеременно реагируют то на одно, то на другое. Тем не менее, боль, несомненно, является более важным мотивирующим фактором и тем фактором, который и для Гоббса, и для Локка приводит к необходимости сильной власти и правительства.

Теория воспитания и этика Локка гармонично связаны с его политической философией и теорией управления. Согласно Локку, этика познается и усваивается на конкретных жизненных примерах, в частности, на примерах учителей, которые сами имеют большой жизненный опыт. Некоторые примеры можно почерпнуть из Библии или других источников нравственного поведения, но эти источники менее важны, чем реальный жизненный опыт.

Наиболее часто упускаемая из виду точка зрения Локка – это его убежденность в том, что помимо важности того, что мы сегодня назвали бы «политической социализацией» (термин введен американцем Гербертом Хайменом), существует необходимость высокого образовательного ценза у политической власти. Для Локка образованная элита была необходима, чтобы действия правительства были осмысленными и находили поддержку среди образованных слоев.

Джон Локк наиболее очевидно отличается от других мыслителей тем, что связывает свою образовательную теорию, которая кажется метафизической, со своей политической теорией, которая привязана к жизни и на самом деле довольно радикальна. То, что мы сегодня называем «политической социализацией», интересовало и Локка. По сути, для него такого рода социализация являлась процессом усвоения индивидом политических знаний, принятых норм и существующих ценностей определенной политической культуры. Эти ценности способствуют формированию необходимых качеств, необходимых для приспособления индивида к существующей политической системе и выполнению в ней определенных функций и ролей. Именно разностороннее и гармоничное образование британского джентльмена способствует такой социализации, которая невозможна без действенного участия в политической жизни империи.

Рассмотрим **политические воззрения** мыслителя. Самая политическая книга Джона Локка «Два трактата о правлении» (1689 г.)

представляет его развернутые аргументы в пользу того, что мы называем сейчас современной либеральной демократией [16]. Локк вообще считается основоположником политического либерализма. В предисловии к своей книге он утверждает, что рассказывает полную историю политики. Однако он понимал, что декларируемое им учение, пока он жив, будет спорным, возможно, даже наказуемым смертью; поэтому он не раскрывал своего авторства до самой смерти, хотя многие люди знали, что именно Локк был автором этого труда.

Если сравнивать эти два сведенные в одну книгу трактата, то первый трактат явно менее драматичен и содержит меньше очевидных высказываний и прозрений. Для Локка первый трактат дает предпосылки независимого мышления, которые необходимы для дальнейшего развития и конкретизации его учения во втором трактате. Первый трактат иллюстрирует проблему простого принятия отцовской власти или религиозной власти как основы знания. Кроме того, первый трактат устанавливает различие между отцовской властью и политической властью. Он выступает за независимую политическую мысль, а не за следование простым патриархальным или религиозным традициям в правительстве.

Второй трактат является центром учения Локка о государственной власти и начинается с обсуждения политической власти. Для него она является принудительной и связана с законом и сохранением частной собственности. Такие темы, как принудительный характер народного правления, сегодня не кажутся нам радикальными, но они были совершенно новыми идеями для эпохи Локка. Мыслитель полагал, что для понимания политической власти необходимо осознать, что политика возникает из естественного права и естественного состояния.

Джон Локк стремился переосмыслить естественное право от его исторической основы греческой натурфилософии или христианской традиции до прочной основы, базирующейся на человеческом разуме. Локк осуществил это изменение, потому что его теория человеческого понимания включала отрицание всего, что находится вне человеческого разума. Локк радикально переориентировал основы естественного права на самих людей двумя способами. Во-первых, сделав естественным для индивидов стремление потворствовать своему изначальному желанию жить в относительном комфорте и, во-вторых, провозгласив естественным для индивидов заботу о других людях.

Естественный закон Локка предписывает людям заботиться о других. Но чаще всего такую заботу может поддержать, навязать и закрепить только действенная государственная власть. Поэтому Локк обращается к рассмотрению создания и функционирования такой

власти. Подчеркивая, что естественный закон применим ко всем людям, Локк отказался от патриархального пиетета по отношению к тем видам власти, которые были созданы в древности. Прежние формы власти больше заботились о немногих, таких как король и дворяне, чем о каждом индивиде, что совершенно недопустимо в современную эпоху. Поэтому Локк перешел к современной идее национального государства, согласно которой государственная власть должна учитывать интересы всего народа.

Чтобы понять идеи и мысли Локка во втором трактате, мы должны осмыслить его концепцию **естественного состояния**, о котором писал еще Томас Гоббс в его труде «Левиафан» [5]. Рассуждения о естественном состоянии включают в себя философский мысленный эксперимент, который показывает, как люди совершили переход от дополитического естественного состояния к политической системе. Естественное состояние должно рассматриваться в свете теории Локка о человеческом понимании, поскольку этот философский эксперимент выявил человеческое рациональное мышление как реальную основу для понимания сути политики и ее осуществления.

Локк следовал за Томасом Гоббсом, который был одним из первых, кто в труде «Левиафан» использовал концепцию естественного состояния для исследования происхождения государственной власти и политики. Для Гоббса естественное состояние было жестокой эпохой, где люди по природе своей были варварскими и воинственными. Поэтому для сохранения собственных жизней и наведения порядка им крайне важно оказалось создание сильной государственной власти, которой они передали часть собственных естественных прав.

Локк принял точку зрения Гоббса на то, что право на жизнь было первым правом, которое государственная власть должна была сохранить. Однако Локк скрывал это сходство в своих воззрениях, потому что сама мысль о том, что люди по природе своей воинственны, была неприемлема и даже безнравственна для людей его эпохи, одержимых религиозным ханжеством. Локк изменил общее понимание естественного состояния, сделав его сложнее – более мягким и моральным, потому что только более мягкое и моральное естественное состояние было приемлемо в качестве источника государственной власти. Как и Гоббс, Локк рассматривал естественное состояние как состояние, не знающее общего превосходства, в котором некому было навязывать законы и правила. Более того, для Гоббса и Локка в природе не существовало никакого объективного добра или зла.

По Локку, все люди в естественном состоянии равны между собой и имеют одинаковые права – право на все вещи окружающего мира,

право делать то, что они хотят. Поэтому естественное состояние – это состояние «войны всех против всех», потому что существует постоянная угроза применения силы, но с помощью действенной государственной власти, которой люди отдают часть своих свобод, угроза применения силы может быть сглажена или устранена.

Взгляд Локка на права собственности предполагал, что в своем стремлении к самосохранению люди нуждаются в собственности. Чтобы претендовать и защищать собственность, люди создали государственную власть и нуждаются в такой власти. Взгляд Локка на собственность и права личности превосходил воззрения Гоббса, но и Локк, и Гоббс утверждают, что государственная власть необходима, прежде всего, для самосохранения людей.

Что касается управленческой теории, то концепция Локка о том, что правительство необходимо для защиты людей – для защиты первого и главного права – права на жизнь – является напоминанием о том, что сильная власть необходима, в том числе и такая власть, которая может быть понята как власть полицейского государства. Эти мысли Локка оказали большое влияние на некоторые новые черты современной государственной власти в США. В современную эпоху борьбы с терроризмом и декларирования благородных задач защиты жизни людей неизбежно принесение в жертву традиционных прав и свобод личности. Чтобы защитить людей, неизбежно ограничивают их свободу и право на частную жизнь. Это – одно из главных противоречий современной либеральной демократии.

По Локку, каждый индивид в естественном состоянии обладает возможностями осуществлять исполнительную власть. Каждый человек должен следовать справедливому стандарту закона и наказания; поэтому Локк ожидал, что люди будут действовать гораздо более ответственно и морально, чем полагал в своем труде Гоббс.

Обсуждение Локком исполнительной власти государства в некоторой степени зависит от нашего признания того, что люди имеют право сами наказывать преступления, пребывая в естественном состоянии, осуществлять физическое наказание в смысле идей Макиавелли. Суд Линча и другие формы самосуда можно понимать как рецидивы естественного состояния. Люди, которые причиняют вред другим, навлекают на себя всю ярость гнева, который только может вызвать со стороны общества человек, демонстрирующий свое животное поведение. Этот гнев может иметь следствием смертную казнь, если преступление было экстремальным.

Для Локка мир в социуме может быть достигнут только через сильную и дееспособную государственную власть. Государственная

власть создает условия для мирного существования и обеспечивает его. Поэтому она является единственным средством достижения истинной свободы, потому что свобода возникает только в состоянии мира. Локк считал, что международная политика осуществляется в обстановке отсутствия правил, в состоянии войны и является примером естественного состояния. Он считал, что внутренняя политика, осуществляемая государственной властью, может функционировать в условиях мира. По его мнению, существует четкое различие между внутренней и внешней политикой.

Согласно Локку, права, которые правительство должно защищать, включают право на «жизнь, свободу и имущество [собственность]». Право на жизнь вытекает из необходимости самозащиты, сначала в естественном состоянии, а затем в условиях государственного управления. Право на свободу связано с идеей о том, что государственная власть создается и существует только по общему согласию людей.

Акцент Локка на собственности – это его уникальный вклад в историю политической теории. Эти идеи оказали глубокое влияние на концепцию Томаса Джефферсона о том, что целью правительства является защита «жизни, свободы и стремление к счастью» [17]. Причем счастье неизбежно включает в себя материальное благосостояние, индикатором которого является собственность. Акцент на погоне за счастьем был сделан Локком в его эссе «Опыт о человеческом разумении» (1671 г.), над которым он работал почти два десятка лет [13]. Подобным же образом идея Томаса Джефферсона о том, что государственная власть основана на согласии управляемых, исходит от Локка. Мыслитель был также популярен у четвертого президента США Джеймса Мэдисона, одного из авторов Конституции США и Билля о правах, включавшего первые 10 поправок к Конституции, и других влиятельных людей из плеяды «отцов-основателей» [18].

В более общем плане Локк является одним из основателей либерализма XVIII века, одной из форм либерализма, защищающего права индивида и недоверчивого к государственной власти, потому что государственная власть была мощной и угрожала индивидуальным правам. Либерализм XVIII века противостоит либерализму сегодняшнего дня, который, напротив, стремится создать мощную государственную власть для защиты индивидуальных и групповых прав.

Акцент Локка на правах людей дал теории государственного управления основания для существования. Американский политолог и исследователь Конституции США Джон Рор, рассуждая об административном государстве, пишет: «Защищая индивидуальные права в массовом масштабе – а, несмотря на парадокс, именно это и делает

административное государство – административное государство, по-видимому, является верным слугой первоначального пакта, с помощью которого мы выполняем волю Гоббса и Локка и вступаем в гражданское общество, чтобы обеспечить защиту наших индивидуальных прав» [19].

Следует отметить, что учение Локка о правах оправдывает революцию, если государственная власть не может защитить права индивидов. Эта точка зрения была самой грозной и противоречивой идеей Локка для политических лидеров той эпохи. Аргумент Локка рассматривался как оправдание для революции 1688 года, которую традиционно именуют «славной», но эта мысль о благодности революции гораздо шире. Вспомним, что Локку было 16 лет, когда впервые в европейской истории английского короля Карла I не просто убили в результате заговора, а казнили в результате суда по приговору Парламента 30 января 1649 года.

Локк последовательно развивал идею о «праве народа на восстание против тирании» в трактате «Размышления о славной революции 1688 года» [20]. Интересно, что взгляд Локка на революцию является более консервативным, чем те, которые вдохновляли другие революции той эпохи, которые потрясли мир своим насилием, потому что он включает в себя представления о равенстве, верховенстве права и необходимость частной собственности.

Как и многие мыслители Нового времени, Локк верил, что «определить сущность – значит найти правило, по которому вещь, понимаемая как нечто в себе случайное и единичное, соотносится с всеобщим как господствующим над ней и даже порождающим ее законом. Сущность здесь выступает как соотношенность, а мысль, определяющая особенное из всеобщего или рефлектирующая по поводу единичного с целью подыскать для него всеобщее, есть само отношение его осуществления» [21].

Осуществление идеи человеческой свободы – очень привлекательная вещь. А потому учение Локка стало теоретической основой для американской революции, самой успешной и бескровной революции в мировой истории. Разница между Америкой и другими странами заключается в том, что Гоббс и Локк положительно повлияли на американцев, в то время как французские философы, включая Руссо, повлияли на ментальность европейцев не лучшим образом. Деструктивный элемент идеологии французских просветителей во многом привел к ужасам Французской революции 1789 – 1794 гг.

Как справедливо пишет профессор П.А. Горохов, «Просвещение, разумеется, антитрадиционалистично как идеология критики, отрицания, пересмотра всего отжившего, онемевшего и отмирающего. Просвещение

– идеологическая предтеча Великой французской революции. Идеологи Просвещения критиковали все, что только можно было критиковать, заходя в этой критике порой чрезвычайно далеко» [22].

Локк в этом отношении был более разумен и консервативен. Он предпочитал не заходить далеко в критике признанных истин, признавал вечные ценности, в том числе и традиционную христианскую мораль. На наш взгляд, именно консервативный характер учения Локка о правах собственности, возможно, вдохновил американцев на их успешную революцию, но без ужасного насилия взбешенной толпы и массового кровопролития, характерного для Французской революции.

Для теории организации и социального поведения теория революции Локка является сложной задачей. Ни одно административное государство не может поощрять революцию, поэтому государство должно принимать меры, препятствующие революции. Еще более проблематично то, что бюрократия должна обеспечивать средства для перемен, когда сама система порой уклоняется от защиты прав, которые являются основой общества. Это серьезная проблема для государственного управления, потому что бюрократия должна быть в таком случае активной, а не просто реактивной или консервативной. Инициативная бюрократия должна защищать людей и перестраивать систему в соответствии с первоначальными принципами. Затем эта бюрократия должна убедить остальную политическую систему, обычно через законодательный орган, в правильности и необходимости перестройки. Активная бюрократия – явление необычное, но теория Локка требует таких действий со стороны бюрократического истеблишмента при определенных условиях.

Идеи Локка о балансе государственной власти и индивидуальной свободы начинаются с его понимания того, что мы называем современной исполнительной властью. Современная исполнительная власть – это власть в целом, а не каждый отдельный человек, обладающий исполнительной властью. Эта власть действует для обеспечения стабильности, необходимой для экономического успеха. Хотя исполнительная власть не должна быть абсолютной, она должна обладать всеми властными прерогативами. В кризисной ситуации исполнительная власть может принять на себя диктаторские полномочия. По Локку, исполнительная власть должна быть особенно сильной на международном уровне, чтобы иметь дело с предотвращением и возможным ведением военных действий и дипломатией, и ограниченной на национальном уровне, дабы исполнительная власть не угрожала конституционной форме правления. Конституционная структура ограничивает полномочия

исполнительной власти, но иногда, особенно во время войны, исполнительная власть должна доминировать.

Предложенная Локком концепция полномочий исполнительной власти обнаруживает ряд проблем этой власти. Локк, по-видимому, указывает на то, что президент должен обладать властью, чтобы справиться с возможной гражданской войной, как Авраам Линкольн впоследствии и поступил в условиях американской Гражданской войны 1861-1865 гг. Американская система предусматривает для президента несколько положений о чрезвычайных полномочиях в период кризиса, включая присягу на верность народу, тезис о заботе, об интересах народа и широкие полномочия в качестве главнокомандующего Вооруженными силами. Эти положения наделяют президента дополнительными полномочиями, но не исключительными прерогативами.

Локк не считал, что исполнительная власть должна быть абсолютной. Поэтому, чтобы ограничить исполнительную власть, он разработал концепцию разделения властей, впоследствии развитую Монтескье [23]. Локк предусматривал разделение властных полномочий между исполнительной и законодательной ветвями государственной власти. Такое разделение властей имеет особое значение для государственного управления. Оно создает бюрократию с двумя начальниками, представляющими исполнительную и законодательную ветви власти. С этой проблемой связано то, что можно назвать проблемой лидерства мамы и папы. Когда дети чего-то хотят, они сначала идут к одному родителю, а если им это не удастся, они идут к другому родителю, порой настраивая родителей друг против друга. Для бюрократии с двумя начальниками сценарий «мама и папа» демонстрирует, что бюрократы могут использовать силу исполнительной власти против законодательной власти и наоборот.

Государственная власть создается для обеспечения общественного блага, идея которого красной нитью проходит через второй трактат. Общественное благо включает в себя устоявшиеся законы. Эти законы не естественны, а условны, потому что они являются частью общественного согласия, на котором основана государственная власть. Естественные или религиозные законы чужды концепции человеческого понимания Локка, поэтому он двигался к консенсуальной основе права, разрывая классические философские и религиозные основы права, подобно тому, как он разрывал эти основы для государственной власти в целом. Локк также осознал необходимость в независимых судьях. Эти судьи должны быть могущественными, но они не должны стремиться взять на себя властные полномочия исполнительной и

законодательной власти. Судьи выполняют функции посредников, которые разрешают споры, дабы избежать применения силы.

Локк рассматривал и осознал ведущую роль законодательной власти. После «славной революции» 1688 года парламент стал законодательным органом, получившим значительную власть. Это явилось важнейшим событием, поскольку до этого времени в мире не существовало такого мощного и наделенного столь широкими полномочиями законодательного органа. Королевская власть, как правило, доминировала в предыдущих парламентах в истории Великобритании. Для Локка действенное разделение властей и защита гражданских прав требовали наличия действенной законодательной ветви власти, способной уравновесить сильную исполнительную власть. Законодательная власть – это единственный сдерживающий фактор для исполнительной власти, который не позволяет ей стать полновластным диктатором.

Государственная власть, разработчиком и сторонником которой выступал Локк в своих произведениях, основана на согласии, а согласие – это всегда правление большинства. К сожалению, правительства, созданные по согласию, сталкиваются с проблемами, обычно связанными с реальным распределением властных функций. В естественном состоянии не все согласятся отказаться от своих прав на формирование власти, которая будет гарантировать одни права, но ограничивать другие. Для Локка достаточно того, что большинство хочет войти в правительство, а остальные люди обеспечивают то, что он называет молчаливым согласием. Основная масса людей соглашается на управление государством посредством простого участия. Но это оставляет нерешенной проблему прав меньшинств в правительстве большинства.

Решение Локком проблемы прав меньшинств предполагает ведущую роль государственной власти в сохранении равенства в обществе. Локк утверждает, что люди в естественном состоянии по своей сути равны. Поэтому, чтобы защитить интересы меньшинств, правительство должно поддерживать равенство, присущее естественному состоянию. Несколько расплывчатое решение, но единственное, которое обосновывает в своих трудах Локк. Он подразумевает, что если правительство поддерживает равенство, то защита меньшинств становится менее важной, поскольку меньшинства будут пользоваться равным отношением к себе в соответствии с законом. Кроме того, меньшинства также будут защищены, поскольку законы должны быть справедливыми.

Таким образом, у Локка есть своего рода первоначальное представление как о теории, так и о практике возможных политических процессов. Государство, по Локку, обладает властью издавать законы (законодательная власть) и заставлять граждан исполнять и следить за выполнением этих законов (исполнительная власть). Пределы власти государства положены именно теми правами граждан, для защиты которых оно и было создано. Именно поэтому граждане могут восставать против власти государства, если оно не обеспечивает их интересов. Ведь правители государства несут ответственность перед народом.

Понятие ответственности у Локка тесно связано с **проблемой собственности как основой для эффективного государственного управления**. Учение Локка о собственности отличает его от воззрений Гоббса и Руссо, двух других известных мыслителей, которые начинают рассмотрение проблем государственной власти с размышлений о естественном состоянии. В более общем плане, сочинения Локка о собственности делают его фигуру уникальной, отделяя мыслителя как от его современников, так и от религиозных и философских традиций античности.

Во втором трактате Локка больше всего интересовала частная собственность и связанные с ней потребности. Экономика, частная собственность, деньги и связанные с ними социальные проблемы лежат в основе того, что Локк считал основой политики. Взгляды Локка отличаются от абстрактных идей политической добродетели, которыми руководствовались многие другие политические философы.

Доминирование экономических вопросов в политической философии Локка – это отход конечных целей общества от идеалистических задач античности. Однако во многих отношениях это сделало конечные цели общества более доступными. Делая эти конечные цели реальными и понятными, Локк выступает в качестве одного из основоположников современной политической экономии.

Локк связал экономику и политику, потому что сам экономический успех связан с Общественным договором. Он считал, что частная собственность является способом стабилизации человеческого существования, поскольку люди, имеющие собственные источники богатства, способны позаботиться о себе сами. Для того чтобы любая система работала, она должна обеспечивать индивидов механизмом защиты собственности и, следовательно, гарантировать достигнутый ими уровень богатства и благосостояния.

В естественном состоянии, по Локку, каждый человек сам себе судья. Тем не менее, чисто индивидуальное суждение и личные интересы не всегда будут соответствовать интересам коммерческих организаций.

Коммерческие интересы и их реализация порой расходятся с интересами частных лиц. Если же речь идет об интересах государственной власти, то личные интересы должны отходить на второй план.

Государственная власть устанавливает правила, в соответствии с которыми суды рассматривают конкретные дела, в том числе устанавливая правила, согласно которым определяется, имеют ли отдельные лица право подавать иски, когда их права находятся под угрозой. Власть также устанавливает правила исполнения и реализации заключенных контрактов. Кроме того, Локк считал, что для того, чтобы люди приобретали и защищали частную собственность, правительство должно гарантировать исполнение сложившихся законов.

Эти исторически сложившиеся законы являются законами, созданными обществом, плодом коллективной воли и договоренности людей между собой. Для защиты частной собственности крайне важно следовать букве закона. Беспристрастные судьи призваны обеспечивать необходимую справедливость для принятия взвешенных решений, рассматривая конкурирующие мнения и позиции. Беспристрастные судьи особенно важны, по мнению Локка, потому что земельные и имущественные споры – это такая проблема, которая может явиться причиной агрессивного поведения людей.

Локк считал, что частная собственность и труд неразрывно связаны друг с другом [24]. Эффективный труд приводит к приумножению личной собственности индивида. Когда люди обрабатывают землю, они что-то строят на ней, создавая новую реальность. Однако их работа является лично значимой только в том случае, если люди имеют право собственности на свою землю, и только государственная власть может предоставить средства для придания этим правам защищенного законами и постоянного статуса. Эти правовые гарантии делают право собственности на землю и защиту этой земли государственным интересом. Если правительство поддерживает отдельных людей, то эти люди больше не должны просто защищать свою землю грубой силой, как это было бы необходимо ранее в естественном состоянии. Собственность защищена законами, изданными государственной властью. Труд человека, работающего на земле, привнесит в социальное бытие своего рода постоянство, которое не обеспечивало ранее простое естественное состояние.

Согласно Локку, деньги меняют все существовавшие ранее человеческие отношения. Деньги как универсальная мера стоимости условны, но, в то же время, и реальны. Когда экономика функционировала в виде натурального хозяйства, на сельскохозяйственной бартерной системе, люди не могли накопить

больше, чем они могли использовать из-за естественной порчи продуктов. Но деньги позволяют людям накапливать больше, чем им нужно. Накопление богатства – это причина, по которой Локк считал, что люди переходят от естественного состояния к созданию государственной власти, чтобы власть могла регулировать необузданный характер накопления денег.

Локк неодобрительно относится к человеческой жадности, имея в виду неограниченное приобретение богатства как самоцель. Он считал, что жадность может привести к возникновению общества, в котором люди используют все богатство для себя лично и не оставляют ничего для общего блага. Однако Локк считал, что попытка приобрести неограниченное богатство ограничивается тремя сдерживающими факторами.

Во-первых, люди ограничены накоплением собственности, если они живут исключительно своим собственным трудом. Этот лимит резко сократит объем накопленного богатства, но современные методы инвестирования делают производительный труд одним из наименее прибыльных способов заработать деньги. Промышленная революция, добывание денег игрой на бирже и финансовые спекуляции сделали возможным неограниченное накопление, и поэтому первый сдерживающий фактор Локка больше не актуален.

Вторым сдерживающим фактором является идея порчи, которую Локк разработал на основе изучения сельскохозяйственной экономики. В сельском хозяйстве, если кто-то пытается накопить слишком много продукции, она сгниет, поэтому существует естественный предел, ограничивающий количество продукции, которое человек может использовать без отходов. Локк использует понятие порчи как предел накопления, даже когда в экономику вводятся деньги, и он подразумевает, что индивиды должны накапливать только то, что им нужно. Первые два ограничения Локка – накопление только того количества собственности, которое люди могут использовать сами себе во благо.

Третьим сдерживающим фактором для приобретения богатства у Локка является его идея о том, что после накопления индивидуального богатства человеку нужно позаботиться об общем благе. Этот фактор в большинстве случаев больше невозможен в мире, который все более принадлежит частным лицам. Последствия для организационного поведения заключаются в том, что общие пространства, парки и другие территории общего пользования должны быть сохранены для общественных нужд. Кроме того, ограничения на строительство на

территориях общего пользования явно соответствуют границам накопленного богатства, о которых говорил Локк.

Обсуждение Локком пределов накопленного богатства хорошо согласуется с его концепцией равенства, но Локк не был сторонником искусственного уравнивания доходов [25]. Его концепция пределов накопленного богатства сделала его любимцем среди поколения американских «отцов-основателей», но он не был бы так популярен, если бы основатели полностью понимали его идеи. Основатели, по-видимому, не понимали, что его ограничения на накопленное богатство не работали в должной мере в денежной экономике.

Локк верил в социальный оптимизм, и он был убежден, что общее благосостояние страны увеличивается, когда увеличивается частное богатство. Локк писал: «Тот, кто своим трудом присваивает себе землю, не уменьшает, а увеличивает общее достояние человечества» [26]. Идеи Локка об общем благе частного богатства делают его ограничения на частное богатство менее значимыми, потому что Локк полагал, что если мешать частному бизнесу, то общее благо также пострадает.

Для Локка капитализм и частная собственность непосредственно связаны с трудом. Если общество не поощряет или запрещает частную собственность, оно разрушает стимулы к труду. Однако Локк идет дальше простой идеи блага частной собственности, создавая своего рода этику ответственного капитализма, актуальность которой стала очевидной в XX столетии, наполненном социальными катаклизмами.

Вся инициированная Локком дискуссия о границах накопленного богатства является аргументом в пользу ограничения влияния частной собственности на благо всего общества. Очевидно, что в теории Локка можно найти призывы к созданию активной государственной бюрократии для защиты общего блага. Локк верил, что нации, которые слили капитализм с идеей общего блага, будут успешными. Этим его воззрения отличаются от последующих идей Карла Маркса, что капитализм является бессердечной системой, созданной ранней промышленной революцией и эпохой первоначального накопления капитала, и развратил общество в пользу тех немногих индивидов, кто имел богатство [27]. Хотя сам Локк не создал учения о бедных или о благосостоянии, его либеральные преемники оказали глубокое воздействие на создание концепции современного государства всеобщего благосостояния. Кроме того, эти сдерживающие факторы, о которых писал Локк, в большей степени, чем любая государственная власть в истории, заставляют задуматься над социальными проблемами, в том числе **о влиянии Локка на теорию организации и социальную психологию.**

Воздействие Локка на теорию организации и социальную психологию связано с его обширным и широким влиянием на «отцов-основателей» Соединенных Штатов и на те принципы, на которых была основана эта страна. Хотя современная теория и практика государственного управления имеют крепкие французские и немецкие корни, в основном, это – идеи, реализованные на практике в новом государстве в Северной Америке, которые повлияли на другие страны и распространились по всему миру [28].

В своих трудах Локк сделал остающийся до сих пор актуальным акцент на идее конституционализма, который отчасти и по сей день определяет отношения между политической системой и бюрократией. Локк был одним из создателей идеи разделения властей, которая делает государственную бюрократию уникальной, поскольку она должна уравнивать часто конфликтующие требования исполнительной и законодательной ветвей власти. Работы Локка явились важной вехой в развитии современной исполнительной и законодательной власти. Джон Рор пишет, что происхождение современных идей государственного управления можно проследить до Фрэнка Гуднау (1859-1939 гг.), который заявил в работе «Политика и государственное управление» (1900 г.), что «включение судебной власти в состав исполнительной власти находит явную поддержку у Джона Локка» [19].

Локк также оказал влияние на современную теорию образования, хотя и не в такой степени, как Жан-Жак Руссо. Этика Локка и его концепция гедонизма оказали большое влияние на современность.

Теории Локка особенно действенны, когда речь заходит о собственности, деньгах, дефиците и общественном процветании. Локк ясно дает понять, что государственная власть должна защищать частную собственность и бизнес. Эта защита – то, что общественные организации осуществляют через планирование. Многие другие регулирующие функции административного государства связаны с регулированием богатства, которое напоминает введенное Локком ограничение на приобретение или, по крайней мере, некоторое регулирование безудержного стремления отдельных индивидов к богатству.

Административное государство также регулирует благосостояние людей, что является естественным продолжением идей Локка об общем благе. Процветание широкого среднего класса напрямую связано с идеями Локка о частной собственности. Труды Локка проливают некоторый свет на конфликт между теми, кто считает, что экономика – это игра с нулевой суммой, и теми, кто считает, что экономика должна развиваться и решать возникающие реальные проблемы. Очевидно, Локк

верит в рост экономики. Для Локка увеличение индивидуального богатства было связано с верой в то, что общее увеличение богатства в обществе ведет к росту общего блага.

Локк понимал важность поддержания порядка внутри страны. Следуя учению Локка в области государственного управления, поддержание порядка с использованием полицейской власти, особенно из-за многочисленных конкурирующих требований в обществе, должно быть первым пунктом повестки дня для эффективной государственной власти. Государственный аппарат имеет исключительное значение для успешного поддержания мира внутри страны, поэтому вопросы безопасности в государственном управлении жизненно необходимы для процветания общества.

Политическая структура, лежащая в основе современного административного государства, восходит к работам Локка. Ставшее классическим различие Вудро Вильсона между управлением и политикой, очевидно, является ошибкой, которую Локк без труда усмотрел бы, потому что административное государство лишь обеспечивает поддержку, необходимую политической структуре для обеспечения прав, собственности и равенства в обществе [29].

Наконец, либерализм Локка повлиял на складывание концепции либерализма при основании Соединенных Штатов Америки. Однако он отличается от современной версии либерализма, потому что Локк считал, что государственная власть была потенциально разрушительной силой, в то время как современный либерализм обычно рассматривает власть и правительство как средство для решения большинства возникающих проблем. Таким образом, современный либерализм имеет большее влияние на государственное управление и поддерживает рост административного государства. Очевидно, Локк не доверял правительственной власти, поэтому он вряд ли бы отождествлял себя с сегодняшними либералами. Для Локка, на наш взгляд, были свойственны чувство меры и здравый смысл в политике, которого, к сожалению, лишаются многие его последователи.

Главную роль в теории познания Локка, ориентированной сугубо практически, играет понятие опыта и проблема происхождения человеческих идей. Внимательное изучение исторической эпохи, в которой жил Локк, делает понятными причины, по которым мыслитель так подробно остановился на разработке именно этих проблем. Именно во второй половине XVII столетия, когда в Англии жизнь складывалась согласно новым, послереволюционным реалиям, требовалась новая система образования, могущая сформировать образованного

джентльмена, способного управлять складывающейся Британской империей.

Старая схоластическая система просто не выдерживала испытания временем. Новое время требовало создания нового человека. Антропологическим образцом для новой эпохи становился деловой человек, человек дела – businessman. Отсюда и педагогическая система должна была претерпеть существенные изменения. Из схоластической системы ей предстояло стать системой, ориентированной на практику, дающей необходимые для жизни знания. Именно подобную систему, ориентированную на эффективное государственное управление, стремился создать Джон Локк.

Джон Локк, один из самых влиятельных мыслителей в истории, глубоко повлиял на принципы, на которых была основана государственная власть Соединенных Штатов Америки. Хотя сам Джон Локк был сугубо британским философом с имперским складом мышления. Как и все мыслители «туманного Альбиона», он интересовался не достижением всеобщего блага человечества (что занимало французов, немцев и в особенности русских Любомудров), но прежде всего проблемой, как британцу – вне зависимости от того, англосакс он, ирландец или шотландец, – эффективнее править миром в условиях формирующейся гигантской Британской империи.

На наш взгляд, для любого патриотически настроенного отечественного интеллектуала приемлема следующая оценка Сергея Кара-Мурзы: «Приняв с энтузиазмом идею свободной личности, русская интеллигенция не могла согласиться с антропологией западного гражданского общества, которая представляла человека как конкурирующего индивида, вынужденного непрерывно наносить ущерб ближнему в борьбе за существование. Тем, кто был воспитан на Пушкине, Толстом и Достоевском, было невозможно принять в целом рационализм философа гражданского общества Джона Локка, согласно которому разъединение людей оправдано, ибо «никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому» [30]. Впрочем, сам Локк справедливо постулировал в «Опыте о человеческом разумении»: «Нет истин, которые бы пользовались признанием всего человечества» [13].

Тем не менее, для большинства стран западной цивилизации все составные части философского наследия Локка гармонично вписываются в теорию эффективного государственного управления. Мыслитель оставил в наследство теорию человеческого понимания, учение о веротерпимости в религии, разработанные концепции экономики и политики, которые до сих пор влияют на структуру и функционирование современного государственного управления во многих странах мира.

Библиографический список

1. *Marshall J.* John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. Cambridge University Press, 2006. 767 p.
2. *Baracskey D.* Scope and Theory of Public Administration: The Shaping Influences of Interdisciplinary Discourse. Lexington Books, 2016. 284 p.
3. *Chandler J.A.* Comparative Public Administration. Routledge, 2014. 254 p.
4. *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. 503 с.
5. *Гоббс Т.* Левиафан; О человеке (психология); О государстве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 1902. 57 с.
6. *Макиавелли Н.* О военном искусстве. М.: Абрис, 2019. 454 с.
7. *Монтень М.* Опыты: судьбы и нравы. СПб.: Азбука Азбука-Аттикус, 2012. 283 с.
8. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1971-1972. 2 т.
9. *Декарт Р.* Рассуждение о методе для руководства разума и отыскания истины в науках. М.: Новая Москва, 1925. 113 с.
10. *Hooker R.* Tractates and sermons. London: Belknap press of Harvard univ. press, 1990. 926 p.
11. *Filmer R.* Patriarcha, Or, The Natural Power of Kings. R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. 178 p.
12. *Locke J.* Two treatises of government: in the former the false principles and foundation of Sir Robert Filmer, and his followers, are detected and overthrown: The latter is an essay concerning the true original, extent, and end of civil-government. London: Printed for A. and J. Churchill, 1694. 358 p.
13. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding. T. Tegg and Son, 1836. 566 p.
14. *Локк Д.* Мысли о воспитании. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1890. 246 с.
15. *Locke J.* A letter concerning toleration. Indianapolis, IN: Hackett, cop. 1983. 62 p.
16. *Локк Д.* Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум, 2014. 480 с.
17. *Джефферсон Т.* Томас Джефферсон о демократии: Сборник. СПб.: Рес Гумана Лениздат, 1992. 334 с.
18. *Swanson M-E.* John Locke: Philosopher of American Liberty: why Our Founders Fought for «life, Liberty, and Property». Nordskog Publishing, Incorporated, 2012. 432 p.

19. *Rohr J.* Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values, Second Edition. Routledge, 2017. 354 p.
20. *Локк Д.* Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985.
21. *Горохов П.А., Кеудия К.З.* Некоторые аспекты истории проблемы «самости» в философском контексте проблемы самоидентификации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. с. 53.
22. *Горохов П.А.* Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 2003.
23. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. М.: Книга по требованию, 2013. 706 с.
24. *Ward L.* John Locke and Modern Life. Cambridge University Press, 2010. 311 p.
25. *Kramer M.H.* John Locke and the Origins of Private Property: Philosophical Explorations of Individualism, Community, and Equality. Cambridge University Press, 2004. 364 p.
26. *Forster G.* John Locke's Politics of Moral Consensus. Cambridge University Press, 2005. 310 p.
27. *Hahn B.* Technology in the Industrial Revolution. Cambridge University Press, 2020. 236 p.
28. *Вартумян А.А., Чажаев М.И.* Теория и механизмы современного государственного управления: учебник. Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. 151 с.
29. *Вильсон В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. Санкт-Петербург: издание Н.Ф. Мертца, 1906. 186 с.
30. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2008. 1200 с.

Западные ученые о региональном и глобальном управлении: исследование соотношений и связей*

Введение

С конца XX столетия в мире планомерно и целенаправленно осуществляются процессы, получившие название глобализации. Суть их – в унифицировании экономической, политической и социокультурной ситуаций в большей части стран мира под стандарты Соединенных Штатов Америки. Патриотически-ориентированные ученые (А. Дугин, С. Кара-Мурза, С. Глазьев, Л. Ивашов, Н. Стариков, а также другие политологи и публицисты) крайне негативно оценивают глобализацию, приведшую к резкому обострению международных отношений, росту напряженности и всплеску деятельности разнообразных террористических организаций, в том числе и на государственном уровне. Профессор П.А. Горохов оценивает глобализацию как «всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему, совпадающий, по сути дела, с Третьей мировой войной, которая ведется развитыми странами Запада против остального мира» [1]. Глобализация, по его мнению, приводит к уничтожению национальных культур, аннигиляции традиционных ценностей и «антропному коллапсу» [2].

Отечественные либералы, начиная с распада Советского Союза, следуют в фарватере западной интеллектуальной парадигмы, оценивая США как «рай земной», в который должны непременно стремиться попасть все страны мира. Для них, именно глобализация должна привести все страны мира к реализации единого либерального проекта – даже в тех регионах, где демократия как феномен, рожденный в недрах исключительно западноевропейской цивилизации, немислима в принципе.

Видимо, оба крайних подхода имеют право на существование, и каждый исследователь вправе или же принять их, или отринуть, или же попытаться выработать, следуя аристотелевскому правилу «золотой середины», некую интегрирующую позицию. Следует отметить, что не все западные ученые безоговорочно признают благодетельность глобализации как экономического и социокультурного процесса, в

* Ковалев А.А., Щербакова Е.Е. Западные ученые о региональном и глобальном управлении: исследование соотношений и связей // Вопросы управления. – 2019. – №5. – С. 89-103.

полной мере видя сложности, возникающие в процессе соотнесения так называемого глобального управления с механизмами регионального управления. Изучение некоторых ключевых моментов в подходах западных ученых к рассмотрению глобального и регионального управления будет, на наш взгляд, актуально хотя бы потому, во-первых, что нужно знать взгляды западных коллег и оппонентов. И, во-вторых, в условиях перманентно изменяющейся политической ситуации изучение западной практики, скажем, в реальной ситуации стран Латинской Америки с нестабильной экономикой будет бесполезным для принятия важных управленческих решений в нашей стране, экономика которой до сих пор находится в кризисном положении.

Цель этой статьи – рассмотреть концепции современных западных ученых, выявляющие возможные связи между региональным управлением и целостным глобальным управлением. По мнению многих западных ученых, региональные механизмы могут порой не вписываться в существующие глобальные механизмы, но они также не являются некими «островками», целиком изолированными от более широкого контекста глобального управления. Целостное изучение регионов непосредственно связано с регионально-глобальной связью, т.е. возможными связями между региональным и глобальным управлением. Современное глобальное управление включает в себя региональное управление в качестве важнейшего элемента, хотя и не обязательно самого действенного.

При написании этой работы применяются методы макроэкономического, политологического и социологического анализа, а также используется компаративистский подход.

Основная цель этой статьи достигается в процессе рассмотрения двух вопросов. Во-первых, каковы возможные связи между практикой регионального управления и общими рамками глобального управления? Во-вторых, что представляют эти конкретные связи? Чтобы ответить на эти вопросы, мы постараемся раскрыть типологию связей между региональным и глобальным управлением, которая включает в себя: (1) несоответствие стремлений и позиций; (2) конфликт; (3) сотрудничество; (4) гармонию. Кроме того, на основе исследованной литературы, мы предлагаем объяснения, которые не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга, чтобы понять эти связи как функцию: 1) объяснение характера проблемной области регионального и глобального управления; 2) объяснение роли ведущих государств; (3) объяснение важности идеологических и программных факторов и распространения ключевых норм.

Порой современный мир совершенно условно и нестрого разделяют на богатый Север и слаборазвитый и нищий Юг. С этой точки зрения Северная Корея – Юг, а Южная Корея – Север. Россия – нищий Юг для стран Западной Европы, но Север для полуфеодалных Узбекистана, Киргизии или Туркмении. С конца 1980-х и начала 1990-х годов мы наблюдаем активизацию различных форм регионального сотрудничества на международном уровне. Региональная деятельность была особенно интенсивной на глобальном Юге, где возникло несколько дублирующих друг друга двусторонних, субрегиональных и региональных механизмов в области экономики и безопасности. В таких сложных реалиях нет четкой иерархии между глобальным пространством (обычно занимаемым многосторонними организациями, такими как ООН), национальным пространством (занимаемым суверенными государствами) и региональным уровнем (представлен через международные организации) [3], [4].

1. Определение ключевых концепций соотношения регионального и глобального управления

Власть и глобальное управление

Управление включает различные способы, с помощью которых организации, учреждения, предприятия и правительства достигают намеченных целей. Управление является осознанным и целенаправленным действием, включающим в себя применение правил и положений, а также обычаев и практики, этических стандартов и норм и порой характеризуется фрагментацией политической власти. Структура управления позволяет нам теоретизировать не только в области государственного управления, ибо оно включает множество акторов различного типа, а также разнообразные неиерархические способы управления и выработки политики. Таким образом, управление включает различные институционализованные способы социальной координации, направленные на создание и осуществление коллективно обязательных правил и положений, обеспечивающих коллективные блага в конкретных проблемных областях.

Аналогичным образом, мы можем определить глобальное управление как возможное регулирование глобальной сферы и множественности сфер власти и характера субъектов, как государственных, так и частных, участвующих в регулируемом процессе и производстве глобальных общественных благ, в попытке решить насущные общие проблемы, которые не поддаются решению каким-либо одним национальным правительством. Примеры глобального управления включают в себя деятельность так называемых глобальных международных институтов, таких как Всемирный банк,

Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация, а также группу 20 (G-20), как союз богатых и развивающихся экономических держав, занимающихся глобальными экономическими вопросами.

Регионы, регионализм и регионализация

В практике регионального и глобального управления потенциально пользуются общей профессиональной терминологией. Существует не только четкое указание на то, что регионы следует рассматривать на соответствующем уровне анализа для организации управления (т.е. регионального управления), но и различия в структурах управления также актуализируют вопрос о том, как параллельные, но неравномерные региональные преобразования могут повлиять на глобальное управление в конкретных проблемных областях [5], [6], [7].

Регионализм в целом относится к процессам региональной интеграции, а также к более инклюзивному процессу регионализации. Это может также относиться более конкретно к идеологии регионального строительства как особого политического проекта. Регионализм также связан со склонностью правительств и народов двух или более государств создавать добровольные ассоциации и объединять ресурсы для создания общих функциональных и институциональных механизмов. Таким образом, регионализм концептуализируется как более широкий проект управления, в то время как власть и легитимность осуществляются в ограниченных, но взаимосвязанных политических и социокультурных пространствах.

Аналогичным образом, регионализация может пониматься как рост социальной интеграции в рамках данного региона, включая неориентированные и спонтанные процессы социально-экономического взаимодействия между единицами. В качестве динамичного процесса регионализацию лучше всего понимать как непрерывный процесс формирования регионов в качестве геополитических единиц, как организованное политическое сотрудничество внутри конкретной группы государств. Регионализм и регионализация находят свое выражение в основном в областях экономики и безопасности, включая конвергентные мотивации к безопасности и экономическим формам региональной интеграции и регионального управления, наряду с нормативными или идеологическими культурными областями.

Региональное управление: актуальность и проблемные области

На региональном уровне теория управления активно используется главным образом с середины 1990-х годов для описания сложных, многоуровневых и многосторонних процессов принятия решений [8]. Под региональным управлением исследователи понимают

институционализированные способы социальной координации для выработки обязательных правил или общественных благ и услуг в одной или нескольких проблемных областях на региональном уровне. Региональное управление понимается как региональный процесс установления правил, применяемых региональными организациями в данном географическом пространстве [9]. Таким образом, региональная структура управления интегрирует в единое целое как выработанную государством стратегию регионализма и принципы гражданского общества, так и рыночные отношения.

Европейский Союз является проявлением парадигмы регионального управления, хотя существуют и альтернативы регионального управления, которые можно проследить в разных регионах мира, включая Латинскую Америку и Карибский бассейн, Юго-Восточную Азию и Африку. Конкретику регионального управления исследователи обычно рассматривают через их всеобъемлющие многоцелевые региональные организации, которые могут воспользоваться побочными эффектами и связями между экономическими, политическими областями и областями безопасности, развивая более высокую и более соответствующую изменяющимся условиям степень активности [10].

Управление региональной безопасностью

Наряду с расширением дискуссии об управлении как механизме, создающем и гарантирующем некий порядок, особенно в государственном управлении, развивается концепция управления безопасностью, которая влечет за собой расширение понимания понятия безопасности.

Проблема «мир и безопасность» охватывает одну из важнейших концептуальных областей глобального и регионального управления. Региональные державы и региональные организации становятся все более значимыми субъектами в некоторых проблемных областях обеспечения мира и безопасности, включая вопросы разоружения, нераспространения ядерного оружия, поддержания мира и борьбу с терроризмом [11]. Ведутся важные политические дебаты о том, является ли регион в рамках регионально-глобальной связи просто промежуточным субъектом (между национальными государствами и глобальным сообществом), который выполняет задачи в области безопасности, определенные на глобальном уровне. Согласно этому взгляду, управление региональной безопасностью должно способствовать действенному функционированию многосторонней системы, в которой доминирует и осуществляет контрольные функции Совет Безопасности ООН [12].

Однако современные реалии политики управления глобальной безопасностью отражают неиерархический порядок, при котором регионы играют более значимую роль, чем предполагает традиционный иерархический подход. Ряд региональных субъектов, включая ЕС, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и другие организации разработали институционализированные механизмы управления безопасностью и урегулирования конфликтов, которые исходят не сверху, а изнутри или снизу. Например, регионы могут лучше справляться со своими собственными конфликтами, чем находящаяся в США и иногда ограниченная в своих реальных действиях ООН [13].

Экономическое региональное управление: торговля, инвестиции и развитие

С точки зрения экономического регионального управления, регионализация и регионализм относятся к экономическим процессам, в которых торговля и инвестиции в пределах данного региона растут быстрее, чем торговля и инвестиции этого региона с остальным миром. В то же время вопросы регионального экономического управления следует рассматривать как политические процессы, неразрывно связанные с преобладающими в регионе властными структурами и методами осуществления власти.

Современные схемы экономического регионального управления являются следствием взаимодействия экзогенных и эндогенных сил, а также процессов, в которых доминируют как связи «сверху вниз», так и «снизу вверх». Управление в глобальной политизированной экономике характеризуется транснационализацией, созданием за пределами государства дополнительных формальных и неформальных структур власти и суверенитета. Таким образом, экономическое региональное управление может осуществляться транснациональными корпорациями, тогда как политика региональной интеграции и сотрудничества может пониматься как сближение интересов между государственными элитами и компаниями в ответ на изменения в международной экономической структуре.

С середины 1980-х годов наблюдается резкий рост числа региональных торговых соглашений. Это включает распространение двусторонних, а также региональных и даже межрегиональных или трансрегиональных торговых соглашений по всему миру, особенно в Северной и Южной Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Даже если многостороннюю торговую систему можно считать довольно успешной в историческом плане, то схема глобального экономического управления, разработанная Генеральным соглашением по тарифам и торговле и Всемирной торговой организацией, оказалась совершенно неэффективной в решении текущих проблем глобального экономического рынка. В последние годы региональные державы стали главными торговыми партнерами и ведущими осями экономических сетей, присоединившись к Соединенным Штатам, Европе и Японии. Помимо Бразилии и Индии, Китай и Россия присоединились к ВТО, увеличив рычаги влияния этих экономически и политически растущих держав в мировой экономике.

Политическое региональное управление

Регионализм и эффективное региональное управление – это не просто ответ на назревшие потребности в области безопасности и подлинной функциональности экономики. Регионализм – это, в основном, политическая деятельность, которая осуществляется на фоне конфликтов и сотрудничества, причем в демократических странах граждане должны быть также осведомлены о политических аспектах регионального управления [14].

Очевидно, что в таких регионах, как Европа, Африка, в некоторых странах Азии и Америки, все региональные системы управления нацелены на совместное стремление к управлению, которое можно считать не только эффективным, но и демократическим, инклюзивным и законным. Хотя демократия западноевропейского образца не является ни необходимым, ни достаточным условием интеграции и регионального управления, цель предотвращения ее возможной отмены лежит в основе решений многих демократизирующихся режимов, намеренных действительно сотрудничать со своими соседями – несмотря на существующие разногласия. В этом смысле мы можем утверждать, что мир и стабильность способствуют развитию демократии, а не наоборот, тогда как региональное сотрудничество, интеграция и схемы регионального управления могут рассматриваться как ключевые образцы для регионального мира [15], [16], [17].

2. Взаимосвязь между региональной системой управления и глобальным управлением

Интенсификация процессов глобализации, а также развитие регионализма являются двумя ключевыми факторами в развитии и совершенствовании современного мирового порядка. Напряженность между исторически обоснованной территориальной системой политической организации в виде государств и современной динамикой глобализации, стремящейся разрушить вековые границы и воплощающей

рыночные принципы, создает явственный диссонанс в управлении – как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Эффективность регионального управления напрямую связана с характером взаимодействия между схемами регионального управления и глобального управления. Под эффективностью мы понимаем реальное выполнение заявленных целей, уровень институционализации регионального управления, степень мира и стабильности в регионе.

Связь между региональным и глобальным управлением

Имеется несколько точек зрения на существующую связь между региональным и глобальным управлением. С одной стороны, регионализм рассматривается как государственный проект, способствующий реализации неолиберальной идеологии. Другой взгляд, более похожий на подход, в основе которого лежат отношения зависимости, рассматривает схемы регионального управления как преднамеренный оборонительный и ревизионистский ответ на экономическое и конкурентное давление, создаваемое экономической глобализацией и появлением глобального управления. В других случаях, региональная интеграция, сотрудничество и региональное управление могут рассматриваться как промежуточный совместный шаг в направлении полноправного участия в глобальной экономике и в глобальном управлении. Наконец, региональное управление можно также интерпретировать как попытку предоставить менее развитым, даже маргинализованным странам жизнеспособную альтернативу и возможность противостоять глобальному многостороннему воздействию. Ведь такое противостояние основано на конкретном, образовавшемся веками историческом фоне и сложившейся политической культуре [18].

В нормативном плане была оживленная дискуссия о том, каким должно быть наиболее желательное разделение труда между региональным и глобальным управлениями. Например, в отношении того, что касается международного мира и безопасности, Глава VIII Устава ООН четко устанавливает верховенство Совета Безопасности над всеми региональными механизмами, организациями и учреждениями. Некоторые ученые подчеркивают преимущества более горизонтального, эгалитарного и сбалансированного сочетания региональных и глобальных институтов для содействия глобальному управлению безопасностью [10], [19]. Возможные связи между региональным и глобальным управлением расположены внутри политической среды, состоящей из следующих элементов: (1) несоответствие стремлений и позиций; (2) конфликт; (3) сотрудничество; (4) гармония. Рассмотрим эти элементы.

Несоответствие стремлений и позиций. Расширение глобального управления может существенно ограничить региональное управление, делая его все в большей степени излишним. Согласно этой логике, когда глобальные схемы управления предлагают удовлетворительные меры и учитывают реальные закономерности, например, в проблемной области торговли через регулирование ВТО, тогда нет большого стимула для создания новых или развития существующих региональных схем управления. Страны данного региона могут предпочесть устанавливать прямые связи с существующими схемами глобального управления, а не разрабатывать или укреплять региональные схемы самостоятельно.

Специалисты отмечают, что когда в 2008-2009 гг. разразился всемирный экономический кризис, глобальные системы управления были недостаточно развиты, поскольку рынки считались стабильными [13]. Учитывая слабость глобального управления в условиях трансформирующейся международной экономики, был достигнут на удивление мизерный успех с точки зрения международного сотрудничества на глобальном уровне. Реформы глобального управления включали обязательства по усилению влияния крупнейших развивающихся экономик «Большой двадцатки», МВФ и Всемирного банка [20]. Интересно отметить, что параллельные действия не предпринимались на уровне регионального управления – возможно, лишь за исключением Европейского Союза.

С другой стороны, исследователи утверждают, что не только глобальное управление может развиваться с относительно небольшим количеством региональных связей, но и можно наблюдать эффективное развитие регионального управления с небольшим количеством глобальных связей [21]. Подобно двум кораблям, которые проходят друг мимо друга ночью, не устанавливая контакта, существуют региональные общества, которые разработали схемы регионального управления без существенных связей с более широкими схемами глобального управления.

Конфликт. В конфликтной ситуации импульс к региональному управлению может быть вызван реакцией на издержки глобализации и быть во многих странах вызовом аморфным, недемократическим и неумолимым экономическим правилами глобализации и сопутствующим им механизмам глобального управления. Эта реакция может быть мотивирована либо националистическими, либо гуманистическими соображениями, либо, в некоторых случаях, одновременно обоими мотивами. Она включает попытки создания автаркических региональных регулирующих институтов, которые ослабят зависимость от схем глобального управления. Следовательно, логика регионального

управления в конфликтной ситуации противоречит логике глобального управления.

Во-первых, создавая схемы регионального управления в виде торговых блоков и интеграционных рамок, основанных на меркантильных предпосылках, схемы регионального управления как бы противостоят всячески перевозносимой неолиберальной «гармонии интересов» в мировой экономике, отдавая предпочтение вместо этого национальным и региональным конструкциям. Более того, стремление к формированию регионов и оформлению регионального управления может быть мотивировано как отрицанием единой универсальной космополитической культуры, так и продвижением альтернативных форм общественно-политических организаций на региональном уровне, имеющих специфические местные и националистические черты, основанные на общей региональной идентичности.

Ряд ученых уделяет особое внимание построению механизмов регионального управления как выражению осознанного сопротивления глобальным процессам и механизмам [22]. В этом контексте есть основания утверждать, что, по крайней мере, в развивающемся мире понятие регионализма как сопротивления не является новой идеей, а скорее выступает хорошо известным историческим сюжетом со времен окончания Второй мировой войны в форме деколонизации и противостояния империализму и неокOLONIALИЗМУ [23]. Большая часть региональной деятельности связана с передачей власти региону и властным оформлением необходимых пространств, которые глобальные управленческие структуры не хотят или не могут выполнить. Таким образом, поощрение регионального сотрудничества и создание схем регионального управления представляется рациональным политическим выбором для развивающихся стран именно как способ продемонстрировать большую независимость и самодостаточность.

Сотрудничество. Третья возможная связь заключается в том, что региональное управление и глобальное управление могут действовать как пересекающиеся процессы в двух важнейших проблемных областях: безопасности и экономики. В соответствии с этой логикой задача заключается в создании практически осуществимых механизмов, в которых эти схемы частично перекрывают друг друга. Это возможно достигнуть с помощью межрегиональных и трансрегиональных механизмов, поддерживающих принципы и ценности, связанные с концепцией многосторонности. Данный тип отношений должен быть сосредоточен на инструментальных и утилитарных связях, таких как внешняя проекция воздействия региональных держав на существующие форумы глобального управления через региональные группировки.

В соответствии с этой логикой, региональные и глобальные схемы управления вовлечены в процесс постоянного взаимодействия, они являются взаимозависимыми и коэволюционными системами. Становится очевидным, что глобальные и региональные подходы потенциально могут быть конкурирующими структурами власти. Следовательно, задача здесь заключается в создании институциональных механизмов, в которых эти две логики могут сотрудничать и дополнять друг друга. Взаимодополняемость, дублирование и сотрудничество между региональным и глобальным управлением напоминают нам о механизме делегирования, применяя который национальные государства готовы делегировать определенные задачи и обязанности международным организациям, а не действовать в одностороннем порядке или сотрудничать напрямую [24].

Когда говорят о проблемах мировой экономики, обычно определяют параллельные процессы регионального и глобального управления по нескольким измерениям, таким как торговля, инвестиции, миграционные режимы, развитие и регулирование многонациональных корпораций. Например, в вопросах международной торговли региональное и глобальное управление могут взаимодействовать разнообразными сложными способами. Многосторонние принципы и правила ВТО могли бы поставить первоначальные условия и установить правила для региональных торговых соглашений. В то же время, если эти правила в рамках региональных торговых соглашений совпадают с общими многосторонними правилами ВТО, и они могут также способствовать укреплению этой многосторонней системы.

В отличие от этого, на международной арене в целом представляется более сложной оценка совместного существования региональных сообществ безопасности, управления региональной безопасностью и комплексов безопасности с более широкими аспектами глобальной безопасности из-за различий в понимании национальной и региональной безопасности. В то же время ООН и региональные организации нуждаются друг в друге, и они должны взять на себя общую ответственность за решение общих проблем безопасности. Поэтому есть возможности для сотрудничества между существующими парадигмами регионального и глобального управления [4]. Примером такого сосуществования может служить функционирование миротворческих сил – таких, как миссия ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ), многоплановая работа в рамках совместного сотрудничества Аргентины, Бразилии и Чили. Кроме того, в области ядерной проблемы осуществляется плодотворное сотрудничество между региональным Агентством по ядерному сотрудничеству (в мирных целях), бразильско-

аргентинским Агентством по учету и контролю над ядерными отходами (АБАКК) и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ).

Гармоничные отношения. С точки зрения достижения возможной гармонии, схемы регионального управления рассматриваются как компонент целого, как некое подмножество. Следовательно, региональное управление можно рассматривать как элемент и как желательную и необходимую часть любой архитектуры глобального управления [25]. С этой точки зрения, помогая национальным экономикам стать конкурентоспособными на мировом рынке, региональная интеграция и другие схемы регионального управления могут привести к многостороннему сотрудничеству в глобальном масштабе, к принятию либеральных предпосылок и вовлечению местных экономик в механизм глобализации. Таким образом, парадигмы регионального управления становятся неотъемлемой частью механизмов либерального международного экономического порядка, воплощенных в схемах глобального управления.

Аргумент о том, что региональное управление является компонентом глобального управления, напоминает принцип субсидиарности (от латинского слова *subsidiarius* – вспомогательный), который был центральным в проекте европейской интеграции. В соответствии с этим принципом субсидиарности, деятельность в области управления осуществляется «снизу вверх» и на наиболее эффективном уровне – местном, национальном, региональном или глобальном. Например, соответствующее региональное подразделение в более широком контексте глобального управления будет обеспечивать общественные блага, имеющие отношение к региону. Что касается регулирования процесса глобализации, то Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации выступает за то, чтобы региональная интеграция стала необходимым шагом на пути к глобальному управлению [26]. Равным образом, согласно Программе развития ООН, поставлена «задача ... обеспечить «согласованный плюрализм», с тем чтобы институты на всех уровнях работали в широкой координации» [27].

Согласно этому типу отношений, мы являемся свидетелями симбиотических отношений между стратегиями регионального и глобального управлений, в то время как глобализация ведет к регионализму, а регионализм, способствуя вхождению стран в мировую экономику, еще больше способствует глобализации, обеспечивая и допуская ее логику. Поэтому целью должно быть многоуровневое и многостороннее управление, основанное на гармоничных отношениях между различными уровнями и категориями субъектов.

По мере того как управленческие парадигмы развиваются на местном, региональном и глобальном уровнях, мы находим на этих различных уровнях повторяющееся либеральное видение потенциального гармоничного партнерства. Идея делегирования полномочий является довольно распространенной в проблемном поле достижения безопасности, предполагая в качестве *sine qua non*, неперемного условия, что региональные органы могут работать лучше, чем чрезмерно перегруженная ООН, обеспечивая большую легитимность в регионе (например, при развертывании миротворческих сил) и служа одним и тем же общим глобальным интересам гармоничным образом.

При каких условиях мы станем свидетелями различных типов связей между региональным и глобальным управлением? Тип связи может быть объяснен и рассмотрен по разным основаниям, включая характер проблемной области, роль ключевых государств на пересечении регионального и глобального управления, а также с учетом потока и распространения существующих идей и норм между регионами и между региональным и глобальным уровнями.

Характер проблемной области. Тип связи между региональным и глобальным управлениями может быть функцией конкретной проблемной области. Например, представляется, что на различных уровнях существует больше гармонии в чисто функциональных, а не в политических вопросах. Аналогичным образом, сотрудничество на различных уровнях, как представляется, осуществляется в областях, связанных с экономическими вопросами, а не с вопросами безопасности, хотя это не всегда так.

Учет различий между проблемными областями может быть сосредоточен на распределении власти, взаимозависимости и внутренней политике как важных доминирующих приоритетов современных государств. Взаимодополняющие интересы в одной проблемной области (например, торговля и развитие, окружающая среда и общество) могут контрастировать с конфликтующими интересами в другой проблемной области (например, вопросы безопасности).

Традиционный взгляд на регионально-глобальные отношения в вопросах безопасности предполагает своего рода симбиотические отношения, тогда как доминирующая ООН делегирует часть своих задач подчиненным региональным институтам, превращая схемы регионального управления в промежуточный субъект, подчиняющийся глобальному уровню [4]. Тем не менее, между регионами имеются значительные различия в организации управления безопасностью. Например, хотя существует глобальная тенденция к международному поддержанию мира, региональная разбивка данных показывает, что на

Африку приходится почти 55 процентов миротворческой деятельности, в то время как Латинская Америка и Азия существенно не затронуты этой тенденцией. Аналогичным образом, ядерное нераспространение является важным политическим вопросом для обсуждения в Восточной Азии и на Ближнем Востоке, но уже не в Африке или Латинской Америке, где преобладают зоны, целиком свободные от ядерного оружия.

Аналогичным образом, существует тенденция к региональному управлению правами человека и достижению демократической стабильности, но эта тенденция широко варьируется в разных регионах, затрагивая в меньшей степени Ближний Восток и Восточную Азию, чем другие регионы мира. В области политических проблем мы могли бы найти исторические примеры пробелов и несоответствий между региональным и глобальным управлением (как в случае Латинской Америки), конфликтами и конфронтацией (Восточная Азия против Запада) и смешанными случаями сотрудничества (в других регионах мира).

Наконец, в экономической сфере либеральная парадигма заключается в гармонии интересов между региональным и глобальным управлением, сформулированной в терминах региональных и глобальных международных обществ. В то же время, хотя экономическая проблематика в наш век глобализации исключает возможность самодостаточности и автаркии, мы можем наблюдать появление региональных структур экономического регионального управления как формы сопротивления глобальному экономическому управлению.

Роль ведущих государств. Перспективы установления значительных связей между региональным и глобальным управлением зависят от того, как поведут себя региональные субъекты, прежде всего ведущие государства. Их действия способствуют тому, развивается ли региональное и глобальное управление в несвязанных, нулевых, перекрывающихся и кооперативных или же гармоничных направлениях с положительным результатом. Таким образом, региональные проекты и региональные державы, которые их продвигают, являются важными двигателями регионального сотрудничества и интеграции и, как следствие, важными детерминантами типов связей между региональным и глобальным управлением. Стремясь к усилению глобального влияния, эти региональные державы одной ногой стоят в региональной политике, а другой – в глобальной. Их региональное превосходство, как представляется, является важным условием для повышения их авторитета и легитимности на глобальном уровне, позволяя им проецировать свою региональную власть на пространства под глобальным управлением [5], [28].

Региональные державы, видимо, заинтересованы не только в формировании глобальной «повестки дня» (через механизмы глобального управления), но прежде всего в разработке региональной «повестки дня» через региональное сотрудничество в своих соответствующих районах (через механизмы регионального управления). Например, конкретная политика региональных держав, такая как участие Бразилии в МЕРКОСУР и УНАСУР в Южной Америке или участие Китая в АСЕАН в Юго-Восточной Азии, отражает их стремление гарантировать стабильные и мирные региональные условия для дальнейшего растущего присутствия этих стран в глобальной экономике. Региональные власти являются основными устроителями и гарантами регионального порядка и регионального управления по определению, одновременно участвуя в существующих схемах глобального управления. Стратегически расположенные на пересечении региональной и глобальной сфер, центральные региональные государства играют важную роль в построении связей между региональным и глобальным управлением, где сталкиваются самые многочисленные факторы.

Под региональными связями подразумеваются процессы управления, осуществляемые и контролируемые региональными субъектами, которые исходят из реалий регионального уровня и устанавливают схемы регионального управления. Кроме того, глобальные связи проецируют политическое влияние региональных держав на схемы глобального управления. Мы также можем выделить поперечные связи, где эти региональные державы намеренно связывают региональные и глобальные процессы управления. В то же время одним из главных их интересов является трансформация региональной мощи и регионального потенциала в глобальную мощь, получение международного признания в качестве глобального игрока. Следовательно, они также должны активно участвовать в глобальном управлении. Региональные державы одновременно формируют международные институты на региональном и глобальном уровнях, ориентируясь на взаимосвязь между ними.

Создание и продвижение региональных организаций могло бы помочь обосновать растущие притязания государственной власти отдельных стран на усиление роли в глобальном лидерстве. Членство в этих региональных организациях могло бы обеспечить региональным державам поддержку в процессах принятия решений в глобальных институтах, таких как ООН и ВТО, или в новых важнейших глобальных форумах по принятию решений, таких как «Группа двадцати», которые участвуют в глобальном управлении [28].

Идеационные факторы. Идеационные факторы, включая общие региональные и глобальные нормы и цивилизационную идентичность, играют важную роль в определении типа и качества связей между региональным и глобальным управлением. Идеи, институциональные рамки, режимы и нормы распространяются от региона к региону, от глобальных схем к региональным и даже от одной проблемной области к другой через особые механизмы распространения [21]. Когда мы исследуем региональные и глобальные преобразования, включая схемы управления, мы не можем предположить, что эти различные системы управления возникают независимо друг от друга, а должны скорее принять более горизонтальную перспективу, которая фокусируется на случаях взаимозависимости, добровольного и несогласованного принятия решений.

Если существует нормативная конвергенция между региональным и глобальным уровнями или если региональная идентичность вписывается в более широкие рамки космополитической идентичности в соответствии с нормативным взаимодействием сверху вниз от глобального к региональному уровням, то можно ожидать более сильных и более позитивных связей между региональным и глобальным управлениями в форме кооперативных или даже гармонических связей. И, наоборот, если глобально-космополитическая идентичность воспринимается как угроза бытийственной безопасности региональных государств, держав и региональных структур как таковых, то региональная идентичность и нормы могут расходиться с глобальной, усиливая антагонистические отношения между схемами регионального и глобального управления, порой целиком сводя их к нулю.

Идеационные факторы, включая нормы и идентичность, связаны с динамическими явлениями социокультурной диффузии по всему миру, между регионами, между схемами регионального управления, от регионального к глобальному управлению и обратно. В этом контексте существуют два объяснения регионального сотрудничества и интеграции: 1) независимое принятие решений в рамках конкретного региона или 2) взаимозависимость между регионами посредством распространения политики глобализации и институциональных моделей [21]. Распространение ведущих идей и норм может быть важным определяющим фактором в типе связей между региональным и глобальным управлением.

Вывод

В этой статье мы рассмотрели основные теоретические подходы западных исследователей по возможным связям между парадигмами регионального управления и общими рамками глобального управления.

На основе анализа работ западных авторов нами представлена типология возможных связей между региональным и глобальным управлением, которые включают в себя: (1) несоответствие стремлений и позиций; (2) конфликт; (3) сотрудничество; (4) гармонию. Кроме того, нами предложены альтернативные объяснения типа связи как функции: (1) рассматриваемой проблемной области; (2) роли региональных держав в региональном и глобальном управлениях; (3) идеационных факторов – таких, как распространение общих норм.

Сегодня существует ярко выраженная аналитическая и эмпирическая потребность в оценке возможных связей между схемами регионального и глобального управления. Это крайне важно с теоретической точки зрения, но также необходимо с эмпирической и политической точек зрения, чтобы понять международные и транснациональные отношения регионов в развивающемся мире. Понимание регионализма и регионализации в этом контексте требует понимания их взаимосвязи с глобализацией и глобальным управлением.

Таким образом, связь между региональным и глобальным управлением остается во многом неизведанной территорией – как в теоретическом, так и в эмпирическом плане. В этой статье мы попытались в определенной мере устранить этот важный пробел, что послужит материалом и опорой для дальнейших изысканий в этом направлении.

Библиографический список

1. *Горохов П.А.* Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник ОГУ. 2007. № 7. С. 44.
2. *Горохов П.А.* Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте. Дис. на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 2003. 363 с.
3. *Gomez M.L.* How 'New' is the 'New Regionalism' in the Americas? The Case of MERCOSUR // Journal of International Relations and Development. 2008. №11. p. 279-308.
4. *Hettne B., Söderbaum F.* The UN and Regional Organizations in Global Security: Competing or Complementary Logics? // Global Governance. 2006. №12. p. 227-232.
5. *Nolte D.* Latin America's New Regional Architecture: Segmented Regionalism or Cooperative Regional Governance? Доклад, представленный на XXXI Международном конгрессе Ассоциации латиноамериканских исследований. Вашингтон, Май-Июнь 2013 года.

6. *Hurrell A.* One World? Many Worlds? The Place of Regions in the Study of International Society // *International Affairs*. 2007. №83 (1). p. 127-146.
7. *Thakur R., Van Langenhove L.* Enhancing global governance through regional integration // *Regionalisation and Global Governance*. 2006. №12 (3). p. 233-240.
8. *Krahmann E.* National, Regional and Global Governance: One Phenomenon or Many? // *Global Governance*. 2003. №9. p. 323-346.
9. *Огарков А.А., Иванова Т.Б., Субочев Н.С.* Региональное управление: учебник. Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017. 183 с.
10. *Söderbaum F.* Rethinking Regions and Regionalism // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2013. №14 (2). p. 9-18.
11. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Оппозиция «Мир – Война» как явление гибридной политической реальности // *Политика и Общество*. 2018. № 7. С. 25-39.
12. *Brunetta G., Caldarice O., Tollin N., Rosas-Casals M., Morató J.* Urban Resilience for Risk and Adaptation Governance: Theory and Practice. Springer, 2018. 304 p.
13. *Hough P.* Understanding Global Security. Routledge, 2018. 320 p.
14. *Зеленцова С.Ю., Ищенко О.В., Ключова Т.В.* Региональное и муниципальное управление: опыт, инновации, проблемы взаимодействия: монография. Сургут: Издательский центр СурГУ, 2017. 237 с.
15. *Higgott R.* The theory and practice of global and regional governance. Accommodating American exceptionalism and European pluralism // *European Foreign Affairs*. 2005. №10 (4). p. 575-594.
16. *Malamud A.* Latin American regionalism and EU studies// *Journal of European Integration*. 2010. № 32(6). p. 637-657.
17. *Fawcett L.* Regionalism in Historical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
18. *Pease Kelly-Kate S.* International Organizations: Perspectives on Global Governance. Routledge, 2018. 346 p.
19. *Hettne B., Söderbaum F.* The UN and Regional Organizations in Global Security: Competing or Complementary Logics? // *Global Governance*. 2006. №12. p. 227-232.
20. *Kahler M.* Economic Crisis and Global Governance: The Stability of a Globalized World // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. №77. p. 55-64.

21. *Börzel Tanja A., Risse Thomas.* The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 560 p.

22. *Артемов А.С., Власов А.В., Жакевич А.Г.* Государственное управление региональным развитием Российской Федерации: монография. М.: Изд-во МИЭП, 2016. 206 с.

23. *Багаева А.В.* Закономерности и противоречия регионализации: монография. М.: Этносоциум, 2018. 250 с.

24. *Darren G. Hawkins, David A. Lake, Daniel L. Nielson, Michael J. Tierney.* Delegation and Agency in International Organizations. Cambridge University Press, 2006. 426 p.

25. *Барановский В.Г., Иванова Н.И., Косолапов Н.А.* Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 314 с.

26. World Commission on the Social Dimension of Globalization, A Fair Globalization: Creating Opportunities for All [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---integration/documents/publication/wcms_079151.pdf.

27. UN Development Programme, Human Development Report 2013: The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World.

28. *Hurrell A.* Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? // International affairs. 2006. №82 (1). p. 1-19.

Иеремия Бентам о теории организации, принятии управленческих решений, государственном управлении и политике: история и современность*

Введение

Историки давно поняли, что история пишется или переписывается каждым новым поколением заново. Более века назад историк Уильям Слоун, работавший в Колумбийском университете, отмечал, что «каждая эпоха требует истории, написанной с ее собственной точки зрения, со ссылкой на ее собственные социальные условия, ее мысли [и] ее убеждения» [28]. С одной стороны о любой минувшей исторической эпохе следует писать с точки зрения ее идеалов, а не самого историка, но чаще всего любое новое исследование прошлого неизбежно привносит дух собственной современности. В реальности каждая социальная и

* Ковалев А.А., Князева Е.Ю. Иеремия Бентам о теории организации, принятии управленческих решений, государственном управлении и политике: история и современность // Вопросы управления. – 2020. – №3. – С. 6-19.

гуманитарная дисциплина, включая организационную теорию и поведение, должна помнить об этом обстоятельстве.

Идеи, теории и личности, отвергнутые как устаревшие, основанные на социальных условиях, мыслях и верованиях одного поколения, имеют любопытное свойство возрождаться с обновленной жизненностью в последующих поколениях. Исторической личностью, которая, возможно, заслуживает переоценки новым поколением, является британский философ, социолог и моралист Иеремия Бентам (1748-1832 гг.). Если когда-либо и существовал исторический персонаж, чьи идеи и труды были переосмыслены и неверно истолкованы, то это именно Иеремия Бентам. Посмертная слава Бентама, чье имя всегда будет ассоциироваться с утилитаризмом и принципом «наибольшего блага для наибольшего числа людей», не слишком блистала на протяжении многих последующих поколений ученых и широкой образованной публики.

Видимо это объясняется тем, что Бентама мало заботило то, что можно назвать формальной систематизацией собственного наследия. Две его наиболее известные работы – «Введение в основание нравственности и законодательства» и фрагмент «О правительстве» – были опубликованы в неполном виде. В законченном виде существует труд «Деонтология, или наука о морали». То, что сегодня широко известно о творчестве Иеремии Бентаме, или, вернее, то, что считается известным, основано главным образом на его собрании сочинений, организованном и опубликованном в 1843 году душеприказчиком его имущества Джоном Бауэрингом. Бауэринг взял на себя значительную вольность в своей роли редактора Бентама, последовательно удаляя все, что он считал оскорбительным для английских правящих кругов той эпохи.

Один из самых больших вопросов, оставшихся без ответа относительно Иеремии Бентама и утилитаризма на протяжении последующих поколений, заключается в том, как либеральная, фактически революционная теория XVIII века о принятии нравственно-общественных и организационных решений была интерпретирована, переосмыслена и неправильно истолкована – до такой степени, чтобы быть трактуемой именно в качестве консервативной и неэгалитарной теории в конце XX века. Вспомним, например, что в разгар французской революции в 1792 году (едва ли это был самый консервативный период в мировой истории) Бентам был провозглашен Национальным собранием почетным гражданином Франции. Французы признавали в Иеремии Бентаме и отстаиваемом им утилитаризме родственные духовные интенции, прежде всего, дух свободы, равенства, братства. На наш взгляд, можно провести генетическую связь, которая начинается с идей и работ Бентама и идет к Джону Миллю. А затем – к

его более известному сыну Джону Стюарту Миллю, к идеям фабианского социализма, которое выражало основанное в 1845 году общество, видными членами которого в разное время были Сидни и Беатрис Вебб, Бернард Шоу, Герберт Уэллс и Бертран Рассел.

Наконец, генетическая связь с идеями Бентама прослеживается в идеалах и практической деятельности Лейбористской партии, созданной в 1945 году и идейным основам современного британского государства всеобщего благосостояния. Талькотт Парсонс утверждал, что Бентам является «интеллектуальным отцом британского социализма [и] сторонником использования государственной власти как инструмента социальных реформ» [26].

Бентама справедливо можно считать приемным сыном французской революции и интеллектуальными духовным крестным отцом британского государства всеобщего благосостояния. Поэтому странно, что этот мыслитель был отвергнут как консервативный и неэгалитарный создатель устаревшей и неосуществимой теории принятия правительственных, общественных и организационных решений. Это обстоятельство вполне может считаться одной из самых необычных интерпретаций мыслителя последующими поколениями, ложных переосмыслений и неверной интерпретации, которое когда-либо предпринималось в духовной истории человечества.

В нашей стране наследию Бентама особенно «не повезло», ибо в общей оценке этого мыслителя доминировали хлесткие и несправедливые слова Карла Маркса, который заклеил его «...гением буржуазной глупости» [9]. В советское время труды Бентама не переиздавались, хотя на исходе советской эпохи был выпущен ряд работ, рассматривавших различные аспекты его наследия. Можно назвать работы Е.Ю. Барловой [1], И.Н. Грязина [6], был выпущен альманах «Наука о морали. Бентам и Россия» [14].

Но в основном Бентам лишь упоминается в работах исследователей, хотя и довольно часто, когда рассматриваются различные философские учения рубежа XVIII-XIX веков и самые различные проблемы и вопросы, связанные с этими концепциями. Это работы И.И. Гарина [3], К.С. Гаджиева [2], П.А. Горохова [5], Е.В. Дегтярева [7], С.Г. Кара-Мурзы [8] и многих других ученых.

В этой статье рассматриваются идеи и труды Иеремии Бентама как основателя утилитаризма. Эта работа направлена на достижение трех целей. Во-первых, теория утилитаризма пересматривается с намерением продемонстрировать, что она далеко не является консервативной неэгалитарной теорией, ее акцент на личности и ценности личности по-прежнему является столь же радикальной доктриной сегодня, как и тогда,

когда она была впервые предложена. Во-вторых, рассматриваются идеи Бентама, легшие в основу анализа государственной политики. Мы отстаиваем здесь тезис о том, что Бентам может рассматриваться как прототип современного аналитика публичной политики и что его идеи по теории реализации управленческих концепций в практике государственного управления предвосхищают современную озабоченность этим аспектом изучения публичной политики. В-третьих, рассматриваются идеи и деятельность Бентама в области административного управления. Отмечается, что многие идеи Бентама предшествуют тому, что сегодня считается современными теориями управления. Однако прежде чем приступить непосредственно к решению этих трех основных задач, приведем краткий биографический очерк Иеремии Бентама.

Иеремия Бентам: его жизнь и творческое наследие

Иеремия Бентам родился в 1748 году. Его отец был адвокатом, и предполагалось, что он пойдет по стопам отца. Он был не по годам развитым ребенком, который, по слухам, знал алфавит еще до того, как научился говорить, и к трем годам прочитал восьмитомную историю Англии Поля де Рапена [27]. Он получил свое начальное образование в Вестминстерской школе, где он преуспел в греческом и латинском языках. В 1760 году, в возрасте 12 лет, он поступил в Королевский колледж Оксфорда, окончив его в 1764 году. Затем он продолжил изучать право, и был принят в коллегия адвокатов в 1767 году. Хотя у него был непреодолимый интерес к юриспруденции, и он много писал на эту тему, он никогда не практиковал как юрист.

Бентам получил значительное семейное наследство, которое обеспечило ему независимый доход и, таким образом, много времени и свободы для размышлений и написания собственных работ. В 1770 году он совершил поездку в Париж. После этой поездки им был анонимно опубликован перевод на английский язык книги Вольтера «Le Taureau Blanc» («Белый Бык»). В 1776 году, вскоре после принятия американской Декларации независимости, Джон Линд вместе с Бентамом в качестве анонимного соавтора опубликовали небольшую работу под названием «Реакция на Декларацию независимости американского Конгресса» [18]. Линд и Бентам критиковали декларацию, утверждая, среди прочего, что люди обладают «неотчуждаемыми правами», среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью.

В этой работе Линд и Бентам указывали на логические проблемы, связанные с утверждением неотчуждаемых прав. Они также утверждали, что порой правительства вынуждены обязательно отнимать жизнь, ограничивать свободу и ограничивать индивидуальное стремление к

счастью. Несмотря на отвращение Бентама к доктрине неотчуждаемых прав или любой доктрине, основанной на концепции естественных прав или прав человека, он все же в конечном итоге провозгласил, что американская демократия была «лучшим правительством, которое есть или когда-либо было» [20].

Бентам опубликовал свою первую крупную работу – фрагмент «О Правительстве» в 1776 году. Работа была выпущена анонимно в Англии и вызвала значительный интерес как к ее содержанию, так и к ее авторству [22]. Книга привлекла внимание лорда Шелбурна, который заинтересовался идеями Бентама. Через лорда Шелбурна Бентам был представлен французской эмигрантской общине, проживающей в Англии. Эти связи впоследствии должны были помочь распространению идей Бентама во Франции. Впоследствии лорд Шелбурн недолго занимал пост премьер-министра с 1782 по 1783 год.

С 1785 по 1788 год Бентам посещал Россию. Находясь в нашей стране, он подготовил большую часть рукописи, которая в конечном итоге была опубликована как защита ростовщичества. Эта книга должна была прочно утвердить Бентама как сторонника невмешательства в экономику. В 1789 году Бентам опубликовал вторую из своих главных работ – «Введение в основание нравственности и законодательства», в которой он представил миру концепцию утилитаризма.

В 1809 году Бентам взялся разрабатывать концепцию тюремной реформы. В течение нескольких лет он усердно лоббировал свою концепцию образцовой тюрьмы, называемой «паноптикум». Его усилия ни к чему не привели. В последние годы своей жизни Бентам был вовлечен в революционные движения в Испании, Португалии, Греции и Южной Америке. Он написал Конституционный кодекс, третий из своих основных трудов, по приглашению португальского Кортеса (парламента). Он переписывался с главами Греции, Аргентины и Колумбии и разослал им копии Конституционного кодекса. Он также состоял в личной переписке с Симоном Боливаром, президентом Колумбии в 1819-1830 гг.

Иеремия Бентам умер в возрасте 84 лет. Вскоре после его смерти, в окружении его последователей, называемых «философскими радикалами», было вскрыто тело Иеремии Бентама. Будучи всегда утилитарным, Бентам знал, что медицинские школы испытывали трудности с приобретением тел для анатомического изучения из-за суеверий XVIII века. Он пришел к выводу, что больше счастья принесет то, что его тело будет изучено, а не просто похоронено. После вскрытия тело Бентама было забальзамировано и помещено в вертикальное

положение прямо в старом административном здании Университетского колледжа Лондона, где его можно увидеть и по сей день.

Основные духовные связи

Основное воздействие на мышление Бентама оказали Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Дэвид Юм, Джон Локк, Чезаре Беккариа, Джозеф Пристли, Клод Гельвеций и Жан Д'Аламбер. Бентам заимствовал свой эмпиризм у Бэкона, свою эпистемологию у Локка в его работе о человеческом разумении, а свою методологию в том числе свое стремление к ясным определениям, комментариям и языку – частично у Локка и частично у Д'Аламбера. Бентам почерпнул свои представления о государственном суверенитете из трудов Гоббса. Бентам был твердым противником концепции «естественных прав». Он считал, что люди имеют только те права, которые им дает правительство. Из-за его сильного неприятия «естественных прав» или любых других прав, основанных на том, что Бентам назвал апелляцией к эмоциям, а не к разуму, утилитаризм Бентама обычно считается «нелиберальным».

Бентам развил свой взгляд на утилитаризм главным образом из работ Беккариа, Пристли, Юма и Гельвеция. Бентам прочитал трактат «О преступлениях и наказаниях» Беккариа (1764 г.) и «Очерк о первых принципах управления» Пристли (1768 г.), оба из которых содержали принципы утилитаризма. Сам Бентам никогда не был уверен, из какого источника он впервые узнал о «великой истине» принципа утилитаризма. В конце концов, он пришел к тому, чтобы признать отождествление Юмом ценности с полезностью «как практической философской основы, на которой можно было бы построить простую, но основательную программу рационализации права и морали» [16]. Труды Юма также научили Бентама применять принцип полезности к индивидуальному поведению. Однако именно от Пристли Бентам научился применять этот принцип к целям государственного устройства [24]. От изучения трудов Гельвеция Бентам пришел к пониманию того, что «закон возвышается над всем, что делают люди», и таким образом дал руководство к синтезу мыслей Юма и Пристли.

Основные произведения Бентама

В той мере, в какой Иеремия Бентам известен сегодня не понаслышке, обычно это происходит через две его работы: фрагмент «О Правительстве» (1776 г.) и «Введение в основание нравственности и законодательства» (1789 г.). Его третья крупная работа, «Конституционный кодекс», едва ли когда-либо читается сегодня. Это – прискорбная ситуация, потому что она содержит многие идеи Бентама об анализе государственной политики и государственном управлении.

Фрагмент «О Правительстве» – это работа о суверенитете. Дискуссия о суверенитете, однако, почти вторична по отношению к реальным целям Бентама, направленным на критику плачевного состояния английской юриспруденции. Бентам стремился применить собственный утилитарный принцип к действиям правительства и особенно к законодательству. Начав изучать право, Бентам обнаружил права и обязанности различных классов человечества, смешанные в одну огромную и нерасчлененную кучу: «люди разорены за то, что не знают того, что им не дано и не дозволено узнать; и вся ткань юриспруденции есть лабиринт без единого просвета» [22].

Бентам рассматривал английскую Конституцию как «лоскутное одеяло и устаревший продукт случайных случайностей, противоречивых компромиссов, поспешных поправок и преходящего вдохновения, не связанного никакой логикой и не укорененного ни в каком принципе». Вместо того чтобы внести свой вклад в то, что Бентам называл существующей «кучей», он предпочел реформировать закон, а не применять его бездумно на практике.

Бентам начинает свое «Введение в основание нравственности и законодательства» так: «Природа поставила человечество под управление двух суверенных хозяев: боли и удовольствия. Только они должны указывать нам, что мы должны делать, а также определять, что мы будем делать» [4]. Бентам затем приступает к полному изложению и защите идеи полезности как первого принципа морали, законодательства и принятия управленческих решений. Сопоставляя фрагмент «О Правительстве» и «Введение в основание нравственности и законодательства», первый представляет собой первоначальную попытку Бентама применить принцип полезности к правительственному, общественному и организационному принятию решений. В последнем случае Бентам представляет принцип полезности как полномасштабную моральную философию.

«Введение в основание нравственности и законодательства» было задумано как введение в гораздо более обширную работу, но в своей истинной манере Бентам так и не завершил рукопись. Это сочинение получило значительное внимание как в Англии, так и во Франции – хотя и разного по своей сути характера. В Англии члены партии тори критиковали эту работу как «непатриотичную, нехристианскую и материалистическую» [29]. Тем не менее, эта работа выдвинула утилитаризм на первый план в Англии и заставила его быть принятым в качестве одной из сторон многих дебатов о государственной политике. Во Франции эта работа была хорошо принята и оценена как написанная в духе Вольтера и идей европейского Просвещения.

«Конституционный кодекс» (1830 г.) был еще одним сочинением Бентама, которое было опубликовано в неполном виде. Эта почти нечитабельная работа появилась в конце жизни Бентама, всего за два года до его смерти. Извилистый текст, несомненно, объясняет, почему к этой работе сегодня редко обращаются. Несмотря на проблемы с читаемостью, Конституционный кодекс представляет собой кульминацию мышления Бентама, которое значительно эволюционировало за эти годы. Эта работа была задумана как типовая Конституция, то есть не как Конституция для конкретной страны, а скорее как «идеальный кодекс для идеальной республики» [23]. Кодекс Бентама, однако, был разработан для значительно более сложной единицы управления – национального государства.

Бентам об организационной теории и принятии решений

С точки зрения организационной теории и принятия управленческих решений наибольший интерес представляют идеи Бентама и его работы по утилитаризму. Бентам считал, что он открыл единственную моральную основу, на которой должны приниматься правительственные, общественные и организационные решения. Такие решения должны быть основаны на наибольшем благе для наибольшего числа людей. В современной терминологии принимаемые решения должны быть максимально полезными.

На первой странице предисловия к фрагменту «О Правительстве» Бентам вводит утилитарный принцип: «величайшее счастье наибольшего числа людей есть мера добра и зла» [22]. Критика Бентамом плачевного состояния британской юриспруденции по существу является способом показать, что утилитаризм является высшим принципом, на котором должно базироваться право и на котором следует принимать правительственные, общественные и организационные решения по сравнению с «особыми местными традициями власти».

Бентам утверждает, что правительственное, общественное и организационное принятие решений должно основываться на принципе полезности. Согласно Бентаму, применение принципа полезности к законам, постановлениям, государственной политике и принятию организационных решений в целом требует, чтобы именно принцип «величайшего счастья» был путеводным светом.

Критика утилитаризма

Три основных критических замечания обычно высказываются против утилитаризма как ведущего подхода к принятию правительственных, общественных и организационных решений. Во-первых, это обвинение в том, что утилитаризм является консервативной и неэгалитарной доктриной и, следовательно, не является подходящей

основой для принятия широких правительственных, общественных и организационных решений. Во-вторых, это обвинение в том, что утилитаризм неосуществим из-за невозможности определения индивидуальных функций полезности. В-третьих, это обвинение в том, что утилитаризм является телеологической этической системой, где цели оправдывают средства.

Утилитаризм – это консервативная и неэгалитарная доктрина

Основная критика утилитаризма в современной литературе заключается в том, что он не дает «адекватного представления об индивидуальных правах и привилегиях и поэтому не обеспечивает должного уважения к людям» [15]. В конечном счете, как утверждает, утилитаризм имеет дело только с максимизацией полезности, а не с ее распределительными эффектами. Пожалуй, наиболее влиятельной критикой утилитаризма является критика Джона Ролза в его книге «Теория справедливости», опубликованной впервые в 1971 году. Ролз утверждает, что исчисление, основанное просто на общей полезности, изначально несправедливо по отношению к наименее преуспевающим группам в обществе [13].

Отвечая на первое обвинение, мы должны прежде всего вспомнить, что Бентам был продуктом своего времени и, следовательно, пытался поместить утилитаризм в контекст этой эпохи. В социально стратифицированной Англии XVIII века утилитаристский принцип «величайшее благо для наибольшего числа людей» был радикальной, если не революционной концепцией. Утилитаристский принцип был лишен каких-либо социальных классовых различий в том смысле, что он относился к каждому индивиду одинаково. В утилитарном исчислении каждому индивиду присваивалось значение 1 независимо от его социального класса. Король и простолудин одинаково ценились в этом отношении.

Двигаясь вперед к современной эпохе, утверждение о том, что отношение ко всем одинаково (присвоение каждому человеку значения 1) каким-то образом не обеспечивает должного уважения к отдельным людям, является просто непослдовательным. Каким образом, например, равное обращение с каждым человеком не обеспечивает должного уважения к нему? Рассмотрим, что происходит, когда имеет место обратное, когда все люди не рассматриваются как равные (присвоено значение 1). В качестве примера можно привести историю Соединенных Штатов. Например, американским индейцам одно время по существу присваивалось значение 0, во-первых, из-за политики США по истреблению коренного населения и, во-вторых, из-за их статуса как подопечных федерального правительства.

Обвинение в том, что утилитаризм является консервативной неравновесной доктриной, основано не на самом утилитарном подходе, а скорее на том факте, что Бентам не разделял концепцию индивидуальных прав или, как принято говорить сегодня, прав человека. Интересным моментом для рассмотрения является то, что если бы Бентам принял понятие индивидуальных прав и использовал его в качестве основы для своего утилитарного подхода, то эта дискуссия, вероятно, не имела бы места.

Утилитаризм является неработоспособной системой из-за невозможности определения индивидуальных функций полезности

Отвечая на второе обвинение, полезно напомнить, что проблемы, связанные с операционализацией утилитаризма в реальных ситуациях принятия управленческих решений, были известны в течение некоторого времени. Например, философ и теолог Уильям Уэвэлл в своих лекциях по истории моральной философии (1845) указывает, что «определение нравственности поступков по количеству счастья [полезности], которое они производят, не может быть выполнено ... [потому что] мы не можем вычислить все удовольствие и боль, возникающие в результате какого-либо одного действия» [30].

Философы обычно различают утилитаризм действия и утилитаризм правила.

Утилитаризм действия утверждает, что каждый индивидуальный поступок должен оцениваться по его последствиям. Используя современный язык анализа затрат и выгод – одно из наиболее известных применений концепции утилитаризма – любое действие (или государственная политика) должно включать в себя расчет как его затрат, так и выгод (т.е. последствий). Выгоды от любого действия или публичной политики должны превышать его издержки, иначе это действие вообще не должно предприниматься [19].

Утилитаризм правил считает, что должно быть изучено именно применение норм права к отдельным случаям, а не применение индивидуального восприятия или личного исчисления к индивидуальному действию.

Джон Стюарт Милль отстаивал утилитаризм правил, достаточно естественно апеллируя к утилитарному принципу: «правило предпочтительнее, если его последствия лучше, чем отсутствие правила» [12].

Утилитаризм – это телеологическая этическая система, где цели оправдывают средства.

С этим третьим обвинением можно справиться быстро. Современные философы, пытающиеся классифицировать

этические теории, остановились на дихотомических категориях деонтологических этических теорий и телеологических этических теорий. Из-за подхода «величайшее благо для наибольшего числа», возможно, понятно, почему утилитаризм был классифицирован как телеологическая этическая система. Тем не менее, утилитарное исчисление предполагает, что каждому индивиду присваивается значение 1. Другими словами, Бентам и утилитаризм озабочены не только последствиями правительственных, общественных и организационных решений, но и тем, как они достигаются. Этот факт может быть недостаточным для того, чтобы квалифицировать утилитаризм как деонтологическую этическую систему, но он представляется достаточным для того, чтобы дисквалифицировать его как телеологическую этическую систему. Возможно, эта дискуссия больше говорит о проблемах дихотомических этических классификационных систем, чем об идеях и работах самого Иеремии Бентама.

Утилитаризм вышел из моды после 1960-х годов, потому что он не основан на доктрине естественных прав или прав человека. Можно также утверждать, что утилитаризм был еще в большей степени отвергнут из-за отсутствия у него «групповой» перспективы. Начиная с 1960-х годов, групповая перспектива затмила индивидуальные приоритеты перспектив. С точки зрения группы, индивиды менее важны, чем совокупность индивидов. Например, показательны в этом отношении продолжающиеся прения по вопросу о позитивных действиях, которые основываются на групповой перспективе, а не на заслугах, которые основываются на индивидуальной перспективе. Для сторонников групповой перспективы решение не пренебрегать и не отвергать Бентама и утилитаризм был бы молчаливым принятием исчисления, основанного на индивидуальной перспективе. Если этот феномен представляет собой истинный маятниковый поворот в сторону от групповой перспективы, то Бентам, утилитаризм и ценность могут стать более приемлемыми в качестве подхода к принятию правительственных, общественных и организационных решений. В конечном счете, однако, возможно, что практика уже сказала победное слово в поединке с теорией. И это видно, когда речь заходит о принятии правительственных, общественных и организационных решений. Теория общественного выбора, теория рационального выбора, теория игр, анализ затрат и выгод и наука о принятии решений – в целом все они имеют свои корни в наследии Бентама и утилитаризме.

Бентам об анализе государственной политики

Иеремия Бентам никогда не занимал государственных должностей. Тем не менее, ему приписывают влияние на

многочисленные британские правительственные реформы. Поскольку он был финансово независим, он мог взяться за перо и высказаться по любому вопросу государственной политики того времени, не опасаясь неблагоприятных экономических последствий для себя лично.

Бентам был эмпириком, который выступал за использование количественных методов в социальном наблюдении и развитие свободного от определенных ценностей языка, лишённого эмоциональных и двусмысленных терминов. Бентам был очарован тем, что он считал способностью языка запутывать и мистифицировать обыденное. В этой связи он особо критиковал право и законы.

Бентам наиболее определенно понимал необходимость того, что сегодня называется «прозрачностью» в правительстве. Больше всего на свете Бентам хотел развить науку о человеческом поведении, основанную на количественном подходе к применению утилитарного правила в теории и практике управления. Возможно, он был чрезмерно озабочен количественной оценкой и измерением, что заставило Джона Стюарта Милля заметить, что ценность достижений Бентама заключается «не в его мнениях, а в его методе» [17]. Хотя комментарий Милля может преувеличивать этот фактор, Бентам, тем не менее, посвятил себя тому, что можно назвать «исчерпывающим аналитическим методом», который, по его мнению, должен составлять основу анализа государственной политики.

Если использовать термины публичной политики, утилитаризм был концептуализацией Бентамом «общественного интереса», и он был готов использовать применение утилитаризма для работы над любым вопросом публичной политики того времени. Его объемистые труды, хотя и не законченные и не систематизированные, по существу стали законодательными справочниками для его последователей.

Среди многих вопросов государственной политики, которые изучал Бентам, можно назвать следующие: национальная система государственного образования, национальная служба здравоохранения, национализация социального обеспечения, отмена смертной казни, национальная перепись населения, реорганизация лондонской полиции, проведение ежегодных выборов, избирательные округа равного размера, расширение избирательного права и тайное голосование. В своей независимости, в сфере охвата и широте своего анализа государственной политики, а также в своем акценте на использовании анализа для разработки более совершенных законов Бентам вполне может претендовать на то, чтобы быть прототипом современного мозгового центра государственной политики, хотя и единоличным мозговым центром.

То, что Бентам был озабочен улучшением государственной политики, – это реальный факт, но еще больше он был озабочен тем обстоятельством, как эта политика реализуется. Следовательно, Бентам не только предписал политику, но и пошел на многое, чтобы предписать конкретные процедуры для того, как эта политика должна осуществляться.

По мнению Бентама, частью совершенствования процесса принятия правительственных, общественных и организационных решений является обеспечение надлежащего выполнения принятых решений. Бентама особенно интересовало то, что сегодня называют «теорией реализации». Этот аспект анализа государственной политики, как правило, предполагается имеющим место, начиная с 1970-х годов и плодотворной работы Вильдавского и Прессмана [21]. Примером того, что сегодня мы бы назвали «нисходящим» подходом Бентама к осуществлению политики, являются его идеи и труды об отправлении правосудия, выраженные в Конституционном кодексе. Бентам считал, что правосудие должно осуществляться быстро. Для обеспечения этого он выступал за проведение судебных заседаний по вечерам и в выходные дни. Переходя от разработки политики к ее осуществлению, Бентам предписал, что судьи могут спать, когда они не заняты другими делами. Однако судья «должен спать в кровати ногами к входу. С каждой стороны и у подножия кровати поднимаются доски, по которым может скользить другая доска, оснащенная бумагой и другими материалами. – Чтобы исполнить свою функцию, тот ... судье стоит только сесть в постели» [23].

На наш взгляд, это внимание Бентама или, возможно, даже чрезмерное внимание к детальным процедурам осуществления государственной политики отличает его от большинства других мыслителей XVIII века. Эмпиризм Бентама, вероятно, и стал причиной его столь пристального внимания к процедурам, хотя сегодня они и способны порой вызвать улыбку. Он хотел продемонстрировать, что его альтернативная политика была на самом деле реалистичной и осуществимой.

Бентам о государственном управлении

Бентам также был озабочен объяснением того, как различные правительственные учреждения должны были работать фактически, а также квалификацией, обязанностями и ответственностью отдельных лиц, которые должны были трудиться в этих учреждениях. Почти 80 процентов объема его «Конституционного кодекса» практически посвящено тому, что можно было бы назвать бюрократическими проблемами и административными вопросами. Следовательно, эту

работу можно также рассматривать как трактат по государственному управлению. С этой точки зрения Конституционный кодекс был назван «последовательной и полностью разработанной теорией управления». Особенно интересным аспектом кодекса Бентама является то, что в нем представлены организационные теории и концепции управления, которые, как принято считать, были сформулированы только в начале XX века [10], [11].

Глава VIII «Конституционного кодекса» Бентама посвящена должности премьер-министра, главы исполнительной власти идеальной республики Бентама. В этой главе Бентам определяет то, что он считает функциями исполнительной ветви власти, или то, что сегодня можно было бы назвать различными областями административного управления. В кодексе определены около 17 отдельно идентифицируемых административных функций. Некоторые из наиболее заметных административных функций: планирование и руководство; контроль; кадровая функция; надзор (инспекция, мониторинг и оценка); закупки; ведение архивов; а также сбор, отчетность и публикация национальных статистических данных и докладов. Рассматривая административные функции, предложенные Бентамом, мы почти не сомневаемся, что он имеет дело с «управленческой наукой».

Джей Хьюм в своей книге «Бентам и бюрократия» сопоставляет список административных функций Бентама с перечнем функций двух теоретиков административного управления XX века: Анри Файоля и Лютера Гулика. Юм приходит к выводу, что все 14 принципов управления Файоля можно найти у Бентама, а также во всех мероприятиях Гулика (планирование, организация, укомплектование штатов, руководство, координация, отчетность и бюджетирование), за исключением координации [25].

Что касается кадровых вопросов, то Бентам считал, что юридически-рациональный подход к государственному управлению может быть достигнут только путем создания «бюрократического административного аппарата». Бентам также полагал, что правительство может служить утилитарному принципу только тогда, когда две противоположности – «предпочтение самому себе» и «покровительство» – являются ограниченными.

Учитывая эти озабоченности, он уделяет значительное внимание набору государственных служащих. Основными требованиями к государственной службе, согласно Бентаму, были моральные, интеллектуальные и активные способности. Эти требования и ныне трудно оспорить.

Бентам определяет политику и процедуры, регулирующие набор, отбор, обучение, продвижение по службе, перевод, понижение в должности, увольнение и другие кадровые перестановки государственных служащих. Отбор, например, должен основываться на открытом конкурсном экзамене для привлечения и закрепления наиболее способных талантов. Ведь и петровская «Табель о рангах» в России, и британская система рыцарского титулования, и деятельность Отто фон Бисмарка по созданию эффективной государственной бюрократии в Пруссии и затем в Германской империи, были основаны на привлечении к государственной службе не только знатных по происхождению, но и одаренных от природы людей. Без фактического использования современного термина, Бентам по существу описывает использование системы заслуг. Цель системы заслуг Бентама выражена его фразой «максимизация способностей, минимизация расходов». Здесь он явно говорит о доктрине эффективности и поиске эффективности в правительстве.

Бентам заложил основы того, что он считал «эффективным и доброжелательным» правительством. Когда Бентам опубликовал Конституционный кодекс в 1830 году, британское правительство не было ни эффективным, ни благожелательным. Однако в течение 20 лет после опубликования Кодекса рекомендации Бентама можно было увидеть в создании национальных Министерств образования, социального обеспечения и здравоохранения. Они появились в результате принятия британским парламентом соответственно закона «Об образовании» 1833 года, Закона «О бедных» 1834 года и Закона «О здравоохранении» 1848 года. Эти и другие законы, включая Закон «О фабриках» 1833 года, закон «О муниципальной реформе» 1834 года и Закон «О железных дорогах» 1840 года, были разработаны и в некоторых случаях приняты последователями Бентама, имевшими доступ к реальному государственному управлению.

Эти законы были чрезвычайно важны для становления современного государственного управления, в том числе на громадных колониальных территориях. Профессор Е.В. Дегтярев справедливо отмечает: «Однако рост колоний требовал всё большего вложения средств для развития их инфраструктуры и содержания военных баз. В результате обнаруживается нижеследующий парадокс в развитии британского империализма как воплощения английского экспансионизма. Доходы от колоний в основной своей массе уходили на их собственное обустройство и содержание соответствующих вооруженных сил (для поддержания порядка среди местного населения и охлаждения «пыла» других держав). В результате собственное население

британских островов не процветает в материальном отношении, а скорее бедствует (вспомним Ч. Диккенса и других английских авторов этого периода)» [7].

Но именно для процветания коренного населения империи, по преимуществу, и была нацелена утилитаристская концепция Иереми Бентама, стремящаяся сгладить наличные противоречия и не допустить возникновения новых.

Заключение

Данное исследование начиналось с тезиса о том, что каждое новое поколение нуждается в переоценке исторических идей, теорий и личностей, которые были истолкованы, переосмыслены и неверно истолкованы предыдущими поколениями. Статья была написана, так как в начале XXI столетия возникла явственная необходимость пересмотреть идеи и труды Иереми Бентама. Несмотря на то, что он был отвергнут как устаревший мыслитель поколением после 1960-х годов, в этой статье утверждается, что Иереми Бентам и утилитаризм все еще могут многое сказать современному человечеству и научить тому, что актуально именно сегодня.

В работе были рассмотрены идеи Бентама и его работа в трех областях: организационная теория и принятие решений, анализ государственной политики и административное управление. Была предпринята попытка продемонстрировать, что утилитаризм по-прежнему является актуальным подходом к принятию правительственных, общественных и организационных решений. Кроме того, были сформулированы некоторые идеи Бентама об анализе государственной политики и административном управлении, которые, как считалось, возникли только в XX веке.

По этим и другим причинам, которые все еще ждут своего переосмысления, Иереми Бентам вполне заслуживает современной переоценки, более сообразной его подлинным заслугам. Доказательством этого утверждения, мы надеемся, и служит данная статья.

Библиографический список

1. *Барлова Ю.Е.* «Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иереми Бентама // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 166-186.
2. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. М.: Экономика, 1999.
3. *Гарин И.И.* Что такое философия?; Запад и Восток; Что такое истина?. М.: ТЕРРА, 2001.

4. *Гельвеций К.А.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М.: Соцэкгиз, 1938.
5. *Горохов П.А.* Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 2003.
6. *Грязин И.Н.* Иеремия Бентам: (1748-1832). Таллинн: Олион, 1990.
7. *Дегтярев Е.В., Сеничев Е.В.* Парадоксальность британского экспансионизма: некоторые аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 1. С. 137-141.
8. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Том 23. М.: Госполитиздат, 1960.
10. *Маршев В.И.* История управленческой мысли: учебник. М.: Макс Пресс, 2010.
11. *Кильсеев Е.И., Кайнова Е.В., Тутко А.В.* История государственного управления России: термины, понятия, персоналии (IX-XXI вв.). Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013.
12. *Милль Д.С.* Размышления о представительном правлении. Санкт-Петербург: Яковлев, 1863.
13. *Ролз Д.* Теория справедливости. М.: URSS ЛЕНАНД, 2017.
14. Философский век. Альманах. Выпуск. 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия / Ответственные редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 1999.
15. *Хэзлитт Г.* Основания морали. М.: Мысль, 2018.
16. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М.: Эксмо, 2019.
17. *Bain A.* James Mill: A Biography. Cambridge University Press, 2011.
18. *Long D.G.* Bentham on Liberty: Jeremy Bentham's Idea of Liberty in Relation to His Utilitarianism. University of Toronto Press, 1977.
19. *Scarre G.* Utilitarianism. Routledge, 2002.
20. *Hart H.L.A.* Essays on Bentham: studies in jurisprudence and political theory. Clarendon Press, 1982.
21. *Pressman J.L., Wildavsky A.* Implementation: How Great Expectations in Washington Are Dashed in Oakland; Or, Why It's Amazing that Federal Programs Work at All, This Being a Saga of the Economic Development Administration as Told by Two Sympathetic Observers Who Seek to Build Morals on a Foundation. University of California Press, 1984.
22. *Bentham J.* A Fragment on Government. The Lawbook Exchange, Ltd., 2001.

23. *Bentham J.* The Collected Works of Jeremy Bentham: Constitutional Code. Clarendon Press, 1983.
24. *Priestley J.* An Essay on the First Principles of Government: And on the Nature of Political, Civil, and Religious Liberty. J. Johnson, 1771.
25. *Hume L.J.* Bentham and Bureaucracy. Cambridge University Press, 2004.
26. *Talcott P.* Social System. Routledge, 2013.
27. *Rapin-Thoyras P.* The History of England. James, John and Paul Knapton, 1732.
28. *McCaughey R.* Stand, Columbia: A History of Columbia University. Columbia University Press, 2003.
29. *Leslie S.* The English Utilitarians: Jeremy Bentham, James Mill and John Stuart Mill (Complete). Library of Alexandria, 2015.
30. *Whewell W.* Lectures on the History of Moral Philosophy in England: Additional Lectures on the History of Moral Philosophy. Routledge/Thoemmes, 1997.

К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния*

ВВЕДЕНИЕ

За последние три десятка лет мир пришел к состоянию, которое большинством политиков, ученых-обществоведов и деятелей культуры оценивается как катастрофическое. Безопасность человечества как никогда ранее в человеческой истории становится аморфным понятием, а создание однополярного мира после распада СССР, насильственно инициируемые глобализационные процессы и попытки возрождения России как самостоятельной геополитической сущности привели к состоянию противостояния цивилизаций. Это противостояние в любой момент может вылиться в крупномасштабный военный конфликт.

Цель этой статьи – исследовать и систематизировать основные практические подходы к проблеме обеспечения экономической безопасности на примере ведущих стран мировой экономики. Из цели исследования вытекают задачи: 1) выявления и оценки тех форм и

* Ковалев А.А. К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Управленческое консультирование. – 2019. – №7. – С. 56-68.

средств, с помощью которых развитые капиталистические страны решают важнейшие вопросы собственной экономической безопасности; 2) выявления вклада этих стран в создание комплексной системы международной экономической безопасности.

В предыдущих работах мы обращались к проблеме концептуализации экономической безопасности и теоретическим аспектам проблемы международной экономической безопасности в эпоху противостояния цивилизаций [2]. Поэтому лишь отметим здесь, что, с одной стороны, международная экономическая безопасность – системно-структурное качество, не сводимое к простой количественной совокупности составляющих эту систему элементов. С другой стороны, целесообразно рассмотреть реальную практику обеспечения экономической безопасности в развитых капиталистических странах, являющихся на сегодняшний день двигателями мировой экономики. Если исследовать экономическую безопасность в контексте мировой политики и международных отношений, то именно уровень экономической безопасности отражает реальную способность национального государства следовать выбранной политике развития национальной экономики. Такого рода исследование будет актуальным и своевременным хотя бы в плане изучения накопленного опыта.

Цель и задачи исследования обуславливают его **методологию**, в которой преобладают методы политологического, социологического и культурологического анализа, а также используется компаративистский подход.

Эпоха глобализации до предела обострила имевшиеся и породила новые цивилизационные противоречия, из которых экономические являются самыми острыми и трудно разрешаемыми. Глобализация, во многом направляемая искусственным образом, привела к однополярному миру, в котором на сегодняшний день именно Соединенные Штаты Америки как оплот западной либеральной парадигмы и Европейский Союз, вынужденный следовать в фарватере международной политики США, объективно оказались главнейшими международно-политическими акторами Старого и Нового Света.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

Особенности современных взаимоотношений США и ведущих стран Европейского Союза не только оказывают существенное воздействие на качественные и количественные показатели международно-политического, социокультурного и экономического развития евроатлантического пространства, но и во многом формируют международный политический климат. Именно США как единственная сверхдержава в глобализирующемся мире и развитые страны

Европейского Союза влияют судьбоносным образом на наличные текущие процессы во всей системе международных отношений. Европа, некогда породившая современную североамериканскую цивилизацию, оказалась под мощным военно-политическим и экономическим диктатом США. Ныне старейшие европейские демократии оказались встроенными в мировую систему безопасности как базисные элементы американской геополитической стратегии.

Соединенные Штаты Америки как самая мощная в экономическом и политическом отношении страна капиталистического мира, главный вдохновитель и проводник глобализационных процессов, уделяет повышенное внимание проблемам своей комплексной безопасности в целом и экономической безопасности – в частности.

Незадолго после окончания Второй мировой войны в США в 1947 году был принят ключевой Закон о национальной безопасности. Этот Закон юридически установил объединение Министерства армии и Военно-морского министерства в единое Министерство обороны. Историки оценивают этот Закон как один из ведущих документов, способствовавших Холодной войне, но благодаря этому документу в США была осуществлена еще более, нежели ранее, четкая корреляция политики, экономики, экономической и военной безопасности. По сути, этот документ анонсировал продолжение военного противостояния не только двух государств СССР и США, но и двух общественно-экономических формаций, двух цивилизационных систем. Теоретическое обоснование такого противостояния было дано еще в речи У. Черчилля 5 марта 1946 года в Фултоне, в которой он заявил о необходимости объединения англоговорящих стран против коммунистической опасности в лице Советского Союза и зарождающегося коммунистического блока.

Видимо, сам термин «национальная экономическая безопасность» впервые был использован в США во времена очередного экономического кризиса в 1970 году, когда страна заявила о своем желании победить в гонке вооружений и стремлении стать мировым экономическим лидером.

Представляется, что приоритетными направлениями политики США в сфере обеспечения экономической безопасности являются следующие факторы:

- 1) рост конкурентоспособности товаров местного производства;
- 2) развитие сотрудничества в торгово-экономических сферах;
- 3) уменьшение количества иностранных займов.

Следует отметить, что демократическая смена власти в США, которые по Конституции 1776 года являются президентской республикой со значительными по объему полномочиями главы государства, не

приводит к радикальной смене политического курса. Разумеется, с высоты исторического обзора можно говорить об «удачных» и «неудачных» президентах, но все они, по мере своих сил и способностей, уделяли внимание экономической безопасности страны.

Вспомним недавнюю историю. Билл Клинтон, занимавший пост Президента два срока с 1992 по 2000 гг., полностью избавил экономику страны от внешнего долга, а его преемник Джордж Буш-младший (два срока с 2000 по 2008 гг.) не только до предела обострил международные отношения, но и подверг экономику страны тяжелым испытаниям. На данный момент общий государственный долг Соединённых Штатов превысил огромную сумму в 21 триллион долларов, что психологически весьма сложно принять американским гражданам, тем более что эта сумма постоянно и стремительно растет. Но задолженность зарубежным кредиторам составляет лишь около 34 процентов этой гигантской суммы.

Самой первой программой в США, целенаправленно обращенной на обеспечение экономической безопасности, можно назвать Меморандум 1990 года. Данный документ базируется на мерах по отстаиванию лидирующих позиций США в технологических сферах и сохранению экономической развитости страны на мировой арене. Он был принят в то время, когда СССР как лидер мировой системы социализма все более и более сдавал свои лидирующие позиции, и аналитикам было ясно, что сами лидеры гигантской социалистической сверхдержавы ведут ее к всеобъемлющему, в том числе экономическому, краху.

Впоследствии для разработки скоординированной политики экономической безопасности страны в США была создана Межведомственная рабочая группа, разработавшая основной механизм управления системой экономической безопасности. По результатам были приняты новые нормативно-правовые акты и осуществлена переподготовка кадров. Эта рабочая группа определила основные угрозы экономической безопасности страны и создала документ под названием «Каталог угроз экономической безопасности и их оценка». Роль этого документа в методологическом плане остается высокой и по сей день. Разумеется, за исторический период, прошедший со времени составления этого документа, появились новые угрозы экономической безопасности, которые составители просто не могли предусмотреть, в частности, несказанно возросшая опасность международного терроризма и обострения межрелигиозных и геополитических противоречий. Но общие подходы к проблематике, содержащиеся в этом документе, применимы и поныне.

Экономическая безопасность США обеспечивается как на уровне страны, так и в рамках отдельных штатов. Например, в 1972 году

Законодательное собрание штата Аризона сформировало Департамент экономической безопасности с миссией содействовать «безопасности, благополучию и самодостаточности детей, взрослых и семей». Работа Департамента экономической безопасности тесно связана с такими структурами, как Департамент безопасности занятости населения, Департамент общественного благосостояния, Отдел профессиональной реабилитации, Государственное управление по экономическим возможностям, Совет по ученичеству, Государственное управление по планированию трудовых ресурсов и даже Государственный департамент по умственной отсталости, который в наши абсурдные политкорректные времена переименован в Отдел по проблемам развития (законопроект № 2213).

Департамент экономической безопасности Миннесоты был сформирован в 1977 году из Департамента служб занятости и профессиональной реабилитации, Управления кадров губернатора и Управления экономических возможностей, которые руководили программами по борьбе с бедностью. В 1985 году в этот отдел была включена даже Государственная служба для слепых. В 2003 году Министерство экономики штата Миннесота и Министерство торговли и экономического развития штата Миннесота были объединены в Министерство занятости и экономического развития Миннесоты.

В соседней с США **Канаде** среди ведущих угроз общей экономической безопасности страны называется экономический шпионаж, который является «незаконной, тайной или принудительной деятельностью иностранного правительства с целью получения несанкционированного доступа к экономической разведке, такой как конфиденциальная информация или технологии, для получения экономического преимущества» [5, p. 478].

Как свидетельствуют данные Центра безопасности коммуникаций Канады, созданного в 1946 году, важнейшей задачей руководства страны в сфере обеспечения экономической безопасности является создание и поддержание благоприятной среды, в которой мог бы происходить долгосрочный рост производительности труда и увеличение реального капитала, а, следовательно, и увеличиваться жизненный уровень населения [5]. Само понятие «жизненный уровень» связано с такой социологической категорией, как «качество жизни». Уровень жизни, помимо прочих важных факторов, включает также деловую среду – надежную и способную к позитивным изменениям. Именно такая деловая среда в эпоху информационного общества способствует внедрению интеллектуальных разработок и использованию наукоемких технологий, разнообразных инноваций, привлечению внутренних и

внешних инвестиций. Все это вместе взятое должно привести и на деле приводит Канаду к перманентному экономическому росту.

Следует отметить, что иммиграционная политика Канады является намного более жесткой, чем в США. Канада обладает всеобщей репутацией высокоразвитой и мирной страны, в основном свободной от этнических проблем и связанных с ними конфликтов. Рост иммиграции в страну растет, но это не всегда способствует росту ее экономической безопасности. Иммигранты из Азии и Африки, приток которых стремятся ограничить, заполняют весь мир, в том числе и ранее спокойную Канаду. Вместе с ними приходят экзотические болезни, социальные конфликты и политическая нестабильность.

Ныне Канада начинает испытывать те же проблемы, что и США. Согласно прогнозу статистического управления Канады, к 2031 году почти половина населения в возрасте старше 15 лет будет иностранного происхождения. Количество видимых меньшинств увеличится в два раза и составит большинство населения крупных городов в Канаде.

Европейский Союз экономически и политически зависит от США, прежде всего, вследствие партнерства в Североатлантическом блоке. В современную эпоху зависимость экономики от политических решений принимает порой абсурдную форму. На мировую экономическую безопасность значительное воздействие оказывают трансатлантические отношения, поэтому изучение этих отношений и их эволюции на рубеже XX-XXI веков стало особенно актуальным в связи с усилением противоречий в лагере союзников.

Обострение этих противоречий объективно выгодно России как основному цивилизационному противнику Западного мира. Такого рода противоречия обострились еще со времен Джорджа Буша-младшего, который принял новую внешнеполитическую доктрину противостояния международному терроризму. Эта доктрина была связана с навязыванием американских экономических, культурных и политических ценностей странам с совершенно иными историческими и социокультурными традициями – прежде всего странам исламской культуры. Вслед за этим, как известно, последовала всемерная радикализация внешней политики США, которая привела к усилению противоречий между Америкой и Европейским Союзом в различных областях двухсторонних отношений.

Высшей точкой трансатлантических противоречий стала развязанная США, ничем не оправданная грабительская война в Ираке (2003-2011 гг.). Сама операция осуществлялась на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 687 и 1441, но без получения дополнительной санкции ООН.

Нефтяной клан Бушей, уже давно инкорпорированный в большую политику, решил собственные экономические проблемы уничтожением суверенного государства и лицемерным убийством его лидера Саддама Хусейна. Но затянувшееся завершение этой войны принудило администрацию Джорджа Буша-младшего взять курс на сближение с Европейским союзом для предотвращения международной изоляции. Был начат совместный проект по восстановлению экономики Ирака.

Первый трансатлантический кризис середины первого десятилетия XXI века был разрешен. Это событие можно считать переломным моментом в истории объединения межатлантического пространства, базисной концепцией которого стала идея создания трансатлантического рынка. Эта идея оказалась жизнеспособной, хотя и была подвергнута ряду испытаний – начиная с вспыхнувшего осенью 2008 года мирового экономического кризиса.

В результате, из длительного периода многообразных трансформаций последних десяти лет трансатлантический союз вышел мощной и по-прежнему жизнеспособной системой, которая способна влиять организующим образом на глобальную политику. Это показали события «арабской весны» начала 2011 года, когда судьбоносные или значительные изменения произошли в Египте, Тунисе, Йемене, Ливии. На мировую экономическую и целостную безопасность «арабская весна» повлияла катастрофическим образом, ибо изменилась экономическая конъюнктура цен на нефть, и в Европу хлынул поток совершенно неуправляемых азиатских и африканских беженцев, грозящих стереть с лица земли достижения европейской цивилизации. В связи с этим, целостным образом современную ситуацию в Европейском Союзе можно описать как кризисную.

Власти европейских государств, зараженные вирусом политкорректности и одержимые демоном толерантности, приносят в жертву экономические, политические и экзистенциальные интересы своих граждан. В реальности ситуация с комплексной безопасностью граждан в большинстве европейских государств выглядит удручающе, хотя в большинстве из них существует соответствующая правовая база, позволяющая обеспечить безопасность страны, в том числе ее экономическую составляющую. Обратимся к рассмотрению документов, призванных быть основой для обеспечения экономической безопасности в странах Европейского Союза.

Ситуация с обеспечением экономической безопасности сложилась в Европейском Союзе несколько по-иному, чем в Новом Свете. Прежде всего, понятие экономической безопасности позиционирует ЕС в мировой экономической системе таким образом, что основной задачей

Евросоюза является интеграция стран Европы с целью достижения высокой конкурентоспособности на мировой арене. Страны Европы, пережившие две страшные мировые войны, во второй половине XX столетия приобрели репутацию стран с высоким уровнем индивидуальной и общественной безопасности.

Созданный на основе Маастрихтского договора 1992 года Европейский Союз включает ныне **28 европейских государств**, девятнадцать из которых ввели единую евровалюту, создав еврозону. Был создан общий европейский рынок, хотя это решение имело как положительные, так и отрицательные последствия для традиционных экономик европейских государств. Решение по объединению европейских стран было принято в связи с тем, что по отдельности у стран ЕС намного меньше природных ресурсов и трудоспособного населения в сравнении с США.

В самом Европейском Союзе существует ряд проблем, препятствующих достижению должного уровня экономической безопасности. Эти проблемы, как правило, возникают вследствие противоречий между развитыми государствами, вынужденными тащить за собой экономику слаборазвитых государств. Например, Германия и Франция вынуждены вносить немалый вклад в экономическое развитие Болгарии, Румынии и прибалтийских государств – бывших республик СССР.

Население Европейского Союза насчитывает на конец 2018 года пятьсот миллионов жителей. В целом, доля ЕС в мировом валовом внутреннем продукте составляла в 2018 году приблизительно 23 % (21,6 триллионов долларов) по паритету покупательной способности и по номинальному значению около 19 % (16,1 триллионов долларов).

В развитых странах Европы со сложившейся рыночной экономикой понятие экономической безопасности страны часто является синонимом понятия экономической политики, важной функцией от принятого государством политического и экономического курса. Так, в **Германии** под экономической безопасностью, как правило, понимают устойчивость экономического роста.

Германия как единое целое вошла в европейскую историю лишь в 1871 году, после объединения немецких земель «железом и кровью» под эгидой Пруссии и великого канцлера Отто фон Бисмарка. Пережив две мировые войны, опыт тоталитарного государства при фюрере (1933-1945 гг.), расчленение на два государства после поражения во Второй мировой войне и последующее воссоединение (1990 г.), Германия вступила в XX столетие как мощная в экономическом отношении страна, являющаяся одним из локомотивов Европейского Союза.

В современной Германии отсутствует специальный закон о национальной безопасности, подобный французскому закону 1964 года. Но важнейшие стратегические интересы страны в сфере национальной безопасности, в том числе и ее экономической составляющей, концептуально представлены в особой официальной директиве Министерства обороны Федеративной Республики. Пережившая Веймарскую республику, эпоху национального социализма и тотальную разруху, современная Германия видит обеспечение собственной экономической безопасности в действенной и всесторонней поддержке экономического и социального прогресса как на международно-политическом уровне, так и внутри страны. Федеративная Республика как один из локомотивов Европейского Союза стремится действительно обеспечивать процесс демократизации в Европе. В стране – как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных земель – принимаются значительные меры по защите от возможного экономического шантажа, который в эпоху глобализации особенно часто осуществляется именно с политической подоплекой. В рамках справедливой мировой экономической системы Германия стремится к обеспечению свободы торговли и доступу к сырьевым ресурсам и рынкам.

Хотя современная Германия является одним из крупнейших потребителей импортного сырья, это обстоятельство не рассматривается политиками и законодателями в качестве угрозы для экономической безопасности страны. Высокие уникальные технологии, среди создателей которых неизменно оказываются немецкие ученые, обеспечивают стране одно из первых мест на мировом экономическом Олимпе и гарантируют ее экономическую безопасность. При сохранении достигнутого уровня потребления энергоресурсов в Германии успешно решается задача неуклонного роста промышленного производства и повышения цен на немецкий экспорт.

В стране принят Закон «О поддержке устойчивости и роста экономики», часто называемый стабилизационным законом. Этот закон был принят после масштабного послевоенного циклического кризиса 1966-1967 гг. Согласно этому документу, «государство должно проводить такую экономическую политику, чтобы в рамках выбранной модели рыночной экономики она содействовала одновременно стабильности цен, высокому уровню занятости и внешнеэкономическому равновесию при соразмерных постоянных темпах экономического роста» [3, с. 75]. Видимо, именно этот документ можно считать своеобразным законом об обеспечении экономической безопасности Германии.

Правительство, согласно этому Закону, должно проводить действенную конъюнктурную и структурную экономическую политику,

основной целью которой является предупреждение разнообразных негативных явлений, которые в условиях глобальной экономики становятся все более угрожающими. Главная задача федерального правительства Германии – обеспечение роста экономического развития. Закон в качестве важнейших мер предусматривал планирование государственного бюджета в общих важнейших чертах и вложение государственных средств в экономику страны. В Законе была прописана необходимость создания особого «Фонда выравнивания конъюнктуры». Налицо было влияние социалистической плановой экономики, применение основных черт которой не раз помогало капиталистическому миру выбираться из кризисов перепроизводства.

Правительство обязано проводить антициклическую бюджетную политику. Такого рода политика в качестве важнейших мер для оживления спроса при общем ухудшении экономической конъюнктуры предусматривает увеличение государственных расходов для оживления и лечения экономики страны. В свою очередь, следует уменьшать такие расходы в условиях экономического роста. На наш взгляд, принятие этого закона свидетельствует о начатом в стране концептуальном переходе от идеи неконтролируемого свободного рыночного хозяйства, с использованием элементов теории социального рыночного хозяйства, к концепции рыночного хозяйства с глобальным регулированием. Эта концепция, по сути, представляла собой своеобразный синтез идей немца Вальтера Ойкена (1891-1950 гг.), высказанных им в книгах «Основы национальной экономики» и «Основные принципы экономической политики», и работ создателя макроэкономики, англичанина Джона Мейнарда Кейнса (1883-1946 гг.).

Отметим, что в этом Законе были прописаны меры, которые необходимо предпринимать в области экономической политики при наступлении внутренних и внешних угроз для устойчивого социально-экономического развития. К таковым отнесены: отрицательное воздействие внешнеэкономических факторов, различные просчеты экономической политики, которые выразились в чрезмерном ускорении или замедлении развития экономики, а также в расширении спроса, превышающего наличную продуктивность национального хозяйства.

Отметим, что вопросы экономической безопасности страны занимаются не только Министерство обороны и Bundesnachrichtendienst (разведывательная служба страны), но и активно используются независимые и частные детективные и охранные агентства.

В целом, при решении проблем экономической безопасности Германия преимущественно сосредоточена на повышении эффективности экономики и одновременно поддерживает существующий

уровень личной экономической безопасности своих граждан. Такого рода политика включает следующие меры:

- действия по поддержанию цивилизованного характера рыночных отношений;

- создание равных условий для конкуренции;

- недопущение монополизации в отдельных отраслях;

- поддержание стабильности национальной валюты [4, с. 46-54].

Большое внимание в стране уделяется незаконному использованию мигрантов на предприятиях. Сейчас становится все более очевидным, что мусульманские мигранты из Азии и Африки – не столько дешевая рабочая сила, сколько чуждое всей европейской культуре зло – главная угроза для безопасности всей европейской общности. Поэтому перед Германией, как и перед всей Европой, стоят сложные и трудно решаемые на сегодняшний день проблемы.

Во **Франции** основным государственным документом, в котором затрагиваются отдельные положения обеспечения экономической безопасности, является Закон о национальной безопасности 1964 года. Как известно, эта страна отличается богатыми демократическими традициями и бурной историей, которая включает несколько кровавых, но весьма действенных революций – начиная с Великой революции 1789-1799 гг. Любая революция, помимо того, что приносит народу кровь и слезы, выполняет оздоровительные функции, разрушая старые и отжившие социальные и экономические структуры.

Роль законодательных актов Наполеона Бонапарта для экономики Франции и обеспечения ее безопасности на мировой арене, в том числе и при экономических и торговых операциях, трудно переоценить. Даже отделившая двумя столетиями от той славной эпохи, существующая с 1958 года Пятая республика – единственная из всех предыдущих французских республик, которая не явилась результатом национальной революции или интервенции, а, напротив, легитимированной на конституционной основе – базируется на базисных идеях великого Бонапарта, в том числе и идеях экономических.

К сожалению, современная Франция не имеет политиков хотя бы масштаба племянника великого Наполеона – президента Второй республики (1848-1852 гг.), а затем императора Второй империи (1852-1870 гг.) Луи Наполеона Третьего. В ее распоряжении имеются лишь жалкие и комичные фигуры наподобие Николя Саркози, Франсуа Олланда или Жака Ширака, которые не в состоянии вернуть Франции былое величие. Тем не менее, эта страна и по сей день, наряду с Германией, выступает движущей экономической силой Европейского

Союза, – так велика сила исторической инерции и мощь экономических и социокультурных потенций.

В современную эпоху при рассмотрении вопросов экономической безопасности во Франции используются следующие критерии: уменьшение до возможного минимума внешних рисков; устранение всевозможных барьеров для субъектов предпринимательства; независимость от внешних факторов, способных повлиять на развитие ведущих и приоритетных отраслей экономики.

В **Великобритании**, по сути, отсутствуют основополагающие законодательные документы по обеспечению экономической безопасности. Эта страна является для многих по праву символом европейской демократии, хотя сами подданные Британской империи не считают себя европейцами. Начиная со времен короля Иоанна Безземельного, издавшего в 1215 году Великую хартию вольностей, в стране начала складываться парламентская демократия и оформляться демократические свободы, в том числе и свободы экономические.

Экономическое могущество Британской империи было создано кровью и потом миллионов ее подданных, которые воистину рабским трудом создавали могущественную капиталистическую державу, имперский расцвет которой пришелся на долгое правление королевы Виктории (1837-1901 гг.). Именно в викторианскую эпоху были заложены основы современной политики экономической безопасности страны, суть которой, как и квинтэссенция международной политики Великобритании, заключается в известной формуле (1858 г.) премьер-министра Генри Палмерстона: «У Англии нет вечных союзников, как и постоянных врагов, но зато вечны и постоянны ее интересы».

Экономическая безопасность Великобритании включена в национальную систему безопасности и рассматривается как защита общих интересов народа в целом. Главными элементами политики экономической безопасности можно считать всемерную поддержку предпринимательской деятельности, создание единой сети «институты – правительство – бизнес», прогнозирование и защита от экономических угроз. Британское правительство принимает ряд антикризисных мер, призванных укрепить экономическую безопасность страны, хотя некоторые специалисты оценивают эти меры как неэффективные [1].

В Великобритании традиционно велика роль научных исследований, связанных с обеспечением экономической безопасности. Именно британские ученые предсказали, что экономический рост в этой стране, наблюдавшийся целое десятилетие с 1997 по 2007 год, заканчивается. Возможный глобальный экономический кризис был

предсказан учеными, но эти предсказания были проигнорированы политиками.

Испания среди европейских стран отличается богатейшей историей, особенно славной в эпоху Великих географических открытий. Заморская империя Испании рухнула вследствие утраты пассионарности, но память о былом величии и могуществе осталась в народной ментальности. В XX столетии Испания, как и Германия и Италия, пережила опыт тоталитаризма, но диктатура Франко (1939-1975 гг.) коренным образом отличалась от нацистского и фашистского режимов соответственно в Германии и Италии, что и позволило генералиссимусу Франко сохранить власть до самой смерти в 1975 году. При довольно жестком политическом режиме были сохранены и развивались основные экономические свободы, свойственные капитализму в целом. Это позволило Испании весьма плавно перейти от тоталитаризма к конституционной монархии под эгидой короля Хуана Карлоса I.

Современная Испания приняла специальную Концепцию экономической безопасности, которая отличается сильной и хорошо проработанной нормативно-правовой базой. К основным достоинствам этой Концепции относятся динамичная структура ответственных государственных органов и создание специальных органов контроля со стороны государства. Компетенции государственных органов в Испании довольно четко разделены, дабы не допустить бюрократической и организационной путаницы. Основными направлениями в обеспечении экономической безопасности Испании можно считать инвестиционный и валютный мониторинг, всестороннее развитие промышленного производства и разработку работоспособной нормативно-правовой базы для бизнеса.

В **Италии**, также пережившей опыт тоталитаризма в форме фашистского корпоративного государства под руководством дуче Бенито Муссолини (1922-1943 гг.), современная государственная власть довольно действительно защищает местных производителей на международной арене. Но при этом наблюдается полное отсутствие каких-либо специальных регулирующих документов. Большое внимание со стороны государства уделяется международному сотрудничеству и внешнеторговым операциям с зарубежными партнерами. Определяющими факторами в обеспечении экономической безопасности Италии считаются внедрение кооперативов в промышленности и защита итальянских производителей и предпринимателей.

Япония отличается сложной и интересной историей приспособления к европейским ценностям и действенного их использования на благо развития страны и ее экономической

безопасности. Лишь во второй половине XIX столетия, после революции Мэйдзи 1868-1889 гг., началась постепенная интеграция этой страны в европейский мир, которая не всегда проходила гладко и безболезненно. Эпоха Мэйдзи, в чем-то схожая с реформами Петра I, отличалась ломкой японского традиционного образа жизни и ускоренным внедрением в стране достижений западной цивилизации и ее базисных ценностей, в том числе и понимания экономических процессов.

В XX веке страна оказалась союзницей Германии и Италии, потерпела поражение во Второй мировой войне и была подвергнута варварской атомной бомбардировке. Но американская оккупация в большей степени позитивно отразилась на экономическом развитии страны и процессе ее приобщения к западным ценностям. Анализ японской модели национальной безопасности показывает тесную взаимосвязь и взаимозависимость с американской моделью именно вследствие послевоенной оккупации, которая позже довольно гармонично трансформировалась в союзнические отношения Японии и США.

Современная трансформация традиционной трактовки безопасности в военно-политическом смысле в широкое комплексное толкование понятия безопасности произошел в Японии в начале 70-х годов XX века. Тогда довольно отчетливо обозначились признаки окончания эпохи бесконтрольного экономического превосходства США на глобальном уровне и в отдельных регионах, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основными документами Японии по обеспечению национальной безопасности можно считать доктрину Сигэру Ёсида (1878-1967 гг.), который пять сроков был премьер-министром Японии, и доктрину Комплексного обеспечения национальной безопасности. Эти важнейшие документы были приняты в середине XX века. Они базируются на послевоенной политике национальной безопасности и направлены на динамичное развитие японской экономики, инкорпорирующейся в мировую хозяйственную систему. Именно вследствие ограниченных природных ресурсов в Японии стали уделять первоочередное внимание развитию образования и науки, а также было принято решение перейти на научно-техническое и торговое сотрудничество с другими странами.

Результаты не заставили долго себя ждать. В своем классическом виде – концентрации на задачах экономического роста – «доктрина Ёсида» действовала до начала 70-х годов. Благодаря данной доктрине Япония уже в 1968 году вошла в двадцатку лучших стран по объему промышленного производства. Экономические успехи позволили стать основой для политики национальной безопасности Японии, которая

основана на приоритете человеческого интеллекта и всемерного уважения к нему.

Современные активные меры в политике экономической безопасности Японии ассоциируются со стремлением этой страны к повышению собственной роли страны в конструировании современной системы международных отношений. Для этого в полной мере используется ее мощь как ведущей экономической державы. Но основной проблемой является отсутствие полезных ископаемых и иных природных богатств в стране, что приводит к внешней зависимости Японии от ресурсов, которая достигает приблизительно 80%.

Учитывая все эти обстоятельства, политические теоретики и практики выявили приоритетное направление в обеспечении национальной безопасности Японии. Такой парадигмой стало опережающее экономическое развитие страны, важнейшим составным элементом которого выступает международное сотрудничество – прежде всего, в сфере науки, высоких технологий и взаимовыгодной торговли. Именно тогда под национальной экономической безопасностью в Японии стали понимать способность экономики страны действительно и эффективно бороться с любой внешней угрозой.

В заключение рассмотрим одну страну арабского мира, не относящуюся к Западной цивилизации, но сверхбыстрое развитие которой часто сравнивают с экономическим чудом. **Объединенные Арабские Эмираты** – страна арабского мира и мусульманской культуры, которая ныне демонстрирует потрясающие результаты в экономическом развитии, опережая по основным показателям, в том числе и по уровню жизни, как США, так и самые развитые страны Европейского Союза. Эта страна сумела синтезировать лучшее из культур Востока и Запада, причем решение экономических проблем осуществляется там с привлечением лучших экономических умов Европы и США.

Ставшая независимой от Великобритании лишь в 1971 году и состоящая из 7 абсолютных монархий, страна проводит уникальную экономическую и социальную политику, направленную, прежде всего, на поддержку благосостояния своих подданных и его неуклонное повышение. Благодаря гигантской прибыли от нефти и эффективному вложению средств в развитие промышленности и сельского хозяйства, а также образованию многочисленных свободных экономических зон Арабские Эмираты в самые короткие исторические сроки смогли достичь высокой степени экономического процветания. Уже в 80-е годы XX века получили значительный стимул для развития сфера туризма и финансов.

Стать гражданином этой страны практически невозможно. Это – один из краеугольных камней политики экономической безопасности

страны. Из населения в 9 миллионов человек лишь приблизительно 1 миллион имеет гражданство страны со всеми вытекающими отсюда правами поистине фантастического для всего остального мира социального обеспечения. Но именно работающие во всех сферах экономики иностранцы составляют основу экономического благополучия семи эмиратов, из которых лишь Абу-Даби может похвастаться богатыми нефтяными месторождениями.

В последнее время в Эмиратах доля доходов от добычи и переработки нефти в общем объеме валового внутреннего продукта снижается. Это связано с инициативами правительства по диверсификации экономики. Но одновременно увеличивается роль других секторов экономики в структуре валового национального продукта, в том числе туризма, строительства, торговли и сельского хозяйства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Подведем основные итоги. Итак, основной стратегической целью стран Западной цивилизации, к которой целесообразно относить не только Европу, США, Канаду, но и Японию, в области защиты национальных экономических интересов является обеспечение устойчивого экономического роста этих стран и реформирование экономики в соответствии с условиями конкурентной борьбы на мировом рынке.

Видимо, главное внимание страны Европейского Союза уделяют обеспечению национальной безопасности через целостный процесс достижения европейской безопасности. В целом, руководство Европейского Союза не всегда в состоянии обеспечить целостную безопасность входящих в него стран. Страшные события в Греции в 2011-2012 гг., которая стала первой жертвой хлынувшего в Европу потока мигрантов после уничтожения законной власти в Ливии, служат этому печальным примером.

Не внушают оптимизма и события в Германии, гражданки которой постоянно подвергаются жесткому сексуальному насилию со стороны мигрантов, а федеральный канцлер хранит смущенное и политкорректное молчание. Разумеется, насилие над личностью лишь косвенно связано с проблемами экономической безопасности, но такая связь есть, и она будет очевидной, если из той же Германии начнется отток квалифицированной рабочей силы и специалистов с высшим образованием. Такое развитие событий вполне возможно, если власти и далее не будут уделять внимания проблеме целостной безопасности своих граждан.

В целом, ведущие европейские державы не уделяют такого важного внимания собственным возможностям по обеспечению экономической безопасности – в отличие от бывших постсоветских государств или стран, некогда входивших в социалистическое содружество. Например, в рассмотренной выше директиве Министерства обороны Германии совершенно верно подчеркивается, что «проблемы нашего сложного мира можно эффективнейшим образом решить с помощью международной дискуссии и стремления к компромиссам, отсюда – германская политика безопасности акцентирует приоритетное внимание на международных отношениях и наднациональных институтах» [3, s. 76].

Итак, в странах Западной цивилизации после интеграционных процессов последних трех десятилетий экономическая безопасность развитой капиталистической страны, в идеале, рассматривается не как состояние полной независимости от остального мира, а как состояние стабильного и устойчивого социально-экономического развития страны, которое можно достигнуть на основе тесного политического и экономического сотрудничества. Но о возможно более полной независимости как национальной экономики, так и внутренней и внешней политики, в развитых странах Западной цивилизации вспоминают в периоды обострения кризисов.

Разразившийся в 2008 году глобальный экономический кризис привел во многих странах мира, в том числе и в развитых государствах Западной цивилизации, к системно-структурным проблемам, решить которые на сегодняшний день не представляется возможным. Их внимательный анализ показал, что целостной системы международной экономической безопасности, которая учитывала бы интересы хотя бы развитых стран Западной цивилизации, не существует. Каждая страна с большей или меньшей степенью успеха решает проблемы обеспечения экономической безопасности, но говорить о полной гармонии между Европейским Союзом, США или Японией говорить не приходится. Более того, о такой гармонии пока можно только мечтать и в рамках самого Европейского Союза, который в экономическом отношении весьма противоречив и неоднороден. Разнообразные противоречия внутри самого Западного мира усугубляются противоречиями, возникающими вследствие всеобъемлющего противостояния цивилизаций и цивилизационных типов, что отнюдь не способствует достижению экономической безопасности в мировом масштабе.

Библиографический список

1. *Гордиенко Д.В.* Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Великобритании // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. №25. С. 50-64.
2. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общ. ред. В.А. Шамахова. СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2019. 302 с.
3. *Conze Eckart.* Die Suche nach Sicherheit. Eine Geschichte der Bundesrepublik von 1949 bis in die Gegenwart. Siedler, München 2009. 1071 s.
4. *Graf Margarete.* Schnellkurs Deutschland. Köln: DuMont. 2007. 192 s.
5. *Rudner Martin.* Canada's Communications Security Establishment, Signals Intelligence and Counter-Terrorism // Intelligence and National Security. 2007. 22(4).

К вопросу истории обеспечения международной экономической безопасности: логика и основные этапы*

ВВЕДЕНИЕ

Международная экономическая безопасность в праксиологическом аспекте представляет собой состояние мировой экономики, при котором происходит значительный и устойчивый рост экономических показателей и наблюдается эффективное удовлетворение не только потребностей ведущих государств и их граждан, но экзистенциальные надежды и экономические интересы народов развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Достижение и сохранение состояния экономической безопасности может действительно способствовать снижению остроты цивилизационного противостояния в современную эпоху.

Без тщательного понимания прошлого и анализа совершенных политических ошибок нет ни осознания настоящего, ни предвидения

* Ковалев А.А. К вопросу истории обеспечения международной экономической безопасности: логика и основные этапы // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 1. – С. 38-52.

будущего. Корни многих современных глобальных проблем человечества коренятся в истории, а нерешенные вопросы имеют обыкновение передаваться по наследству следующим поколениям, становясь при этом еще более острыми. Поэтому разностороннее изучение актуальных современных аспектов международной экономической безопасности неизбежно включает в себя рефлексию над опытом прошлых лет, беспристрастную оценку достижений и ошибок. Объект настоящего исследования – международная экономическая безопасность, а предметом выступают основные этапы истории ее обеспечения. Разумеется, проблема эта чрезвычайно обширна, поэтому целью этой статьи является рассмотрение лишь некоторых аспектов истории обеспечения международной экономической безопасности. Эта цель достигается в работе решением следующих задач: 1) выявить и рассмотреть в историко-логическом аспекте этапы международно-правового обеспечения экономической безопасности; 2) дать характеристику и обозначить ключевые события этих этапов; 3) оценить действенность существующих механизмов международно-правового обеспечения экономической безопасности.

Цель и задачи исследования обуславливают его методологию, в которой преобладают методы сравнительно-исторического, политологического и культурологического анализа, а также используется компаративистский подход. Следует отметить, что специальных работ, посвященных истории обеспечения международной экономической безопасности, фактически нет в отечественной научной литературе, хотя многие концептуальные аспекты международной экономической безопасности рассматривались как в научной [4; 5], так и в учебной литературе [3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В самом дальнем приближении о международной экономической безопасности и попытках ее системного оформления и регулирования можно говорить еще применительно к временам Александра Македонского (356-323 гг. до н.э.), пытавшегося создать первую мировую империю в рамках тогдашней греческой ойкумены. Экономические и политические меры теснейшим образом переплетались с военной и оккупационной политикой великого полководца, империя которого распалась сразу же после его смерти. Судьба империи Александра Македонского явилась типичной для громадных и аморфных разноплеменных образований, скрепленных воедино лишь военной силой [6, 189].

Разумеется, теми вопросами, которые мы сейчас относим к разряду международной экономической безопасности, напрямую занимались в

Римской республике, а затем в империи, где были во многом унифицированы не только военное дело, государственное управление и политика, но и экономика. Собственно, именно решению экономических проблем были подчинена логика развития военных и политических событий – например, эпопея с Карфагеном, разрушенном римлянами в 146 году до н.э. Этот крупнейший финикийский город был самым значимым и серьезным противником Рима в области тогдашней мировой экономики, а потому «должен был быть разрушен». Эти слова сенатора Катона стали крылатым выражением, означающим неизбежность борьбы с врагом и его уничтожения.

Но подлинное, уже близкое к современному, регулирование вопросов международной экономической безопасности началось лишь в начале XIX века, когда Наполеон пытался создать единую европейскую политическую общность. По сути, именно эта неудавшаяся попытка может считаться первой глобализацией [2]. Сравнивая глобализационные процессы прошлого и современности, П.А. Горохов отмечает: «Если глобализация начала XIX века проходила под эгидой гениального человека и была лично им вдохновляема, то насильственные интеграционные процессы, происходящие в мире после распада СССР, совершенно внеличностны, являясь результатом стремлений мирового финансового капитала» [2, с. 231].

Именно Наполеон своим великим Гражданским кодексом 1804 года заложил не только первые гражданско-правовые основы будущей Европы, но и дал абрис будущей системы европейской экономической безопасности, которая испытывалась этим великим государственным деятелем на полигоне борьбы с Британской империей. В 1808 году Наполеон опубликовал коммерческий кодекс, который регулировал торговые и промышленные отношения не только во Франции, но и в подвластных Империи территориях.

Современную историю постановки проблемы международно-правового обеспечения экономической безопасности можно чисто условно разделить на несколько этапов. Любая периодизация условна и необходима, скорее, в дидактических целях. Но, тем не менее, в мировой истории есть события судьбоносного для всего человечества значения, могущие играть роль столбовых вех во всяком концептуально-логическом членении всемирно-исторического процесса. К таким событиям относятся революционные события в России в начале XX столетия, избежать рассмотрение которых или умолчать о которых невозможно даже для самого предвзятого исследователя.

Именно Великая Октябрьская революция положила начало коренным изменениям в мировой экономической системе. Первый

этап охватывает период 20-30-х годов XX столетия – время мирового экономического кризиса (1929-1933 гг.), создания и укрепления экономики социализма в СССР (1929-1935 гг.) и прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера (1933 г.), государство которого многие политики на Западе рассматривали в качестве социально-экономической и политической альтернативы советской государственной модели. Этот период характеризуется также многосторонними усилиями Советского Союза по борьбе с проявлениями экономической агрессии, проявляемой с разных сторон.

Само создание таких международных организаций, как Лига Наций, а затем Организации Объединенных Наций как ставшей во многих отношениях правопреемницей Лиги явились событиями небывалыми ранее в практике международных отношений и сыграли важную роль в процессе концептуализации понятия международной безопасности, в том числе, ее экономической составляющей. Во многом реализовались идеи великого Иммануила Канта, высказанные им в трактате «К вечному миру». Философ верил, что неизбежно придет время, когда разноплеменному человечеству придется договариваться – дабы сохранить самую жизнь на земле.

Помимо сугубо политического значения, создание этих международных организаций стало символом наступления новой эры в развитии мировой экономики, которая становилась все более целостной. Глобальные экономические кризисы, разражаясь в самых развитых странах капитализма, неизбежно затрагивали весь земной шар и порой уничтожали или сотрясали казавшиеся прочными политические структуры. Это не могли не принимать в расчет разнообразные международные экономические организации.

Отметим, что деятельность международных организаций поставила сами международные отношения на качественно новый уровень. Международное сотрудничество государств изменилось не только в количественном отношении, но именно качественным образом. Были созданы постоянно действующие органы управления, которые руководствовались в своей деятельности совместно выработанными решениями заинтересованных государств. Эти решения стремились принимать с учетом принципов, предписывающих в качестве *sine qua non*, «без гнева и пристрастия», признание и уважение прав – как отдельного человека, так и всех цивилизованных народов.

Лига Наций и ООН не были первыми в истории мирового сообщества международными организациями, занимавшимися, в том числе, проблемами экономической безопасности. Объединение стран мира для краткосрочного или перманентного решения экономических и

прочих задач известно со второй половины XIX века. Например, существующий и в настоящее время Международный союз электросвязи ведет свою историю с 1865 года, а в 1874 году был образован Всемирный почтовый союз. Но лишь XX столетие обозначило необходимость решения проблемы международной экономической безопасности в качестве судьбоносной для человечества задачи.

Лига Наций стремилась решать целый комплекс вопросов, относящихся к международной безопасности, в том числе и экономические проблемы. Основными органами Лиги Наций являлись Ассамблея – ежегодное собрание представителей всех членов организации и Совет Лиги Наций – в составе постоянных и периодически избиравшихся Ассамблеей непостоянных членов. Постоянными членами Совета были Великобритания, Франция, Италия, Япония, Германия и СССР – страны, наиболее развитые в экономическом отношении и имеющие наибольший политический вес в ту историческую эпоху. Ассамблея и Совет собирались в Женеве – швейцарском городе, который в будущем даст прибежище руководству ВТО.

Круг вопросов, интересовавших Лигу Наций, был довольно широк, включая экономические и политические проблемы в их диалектической взаимосвязи. В период с 1920 по 1946 год в общей сложности 63 страны стали членами Лиги Наций. Пакт Лиги Наций был включён в состав Версальского договора и вступил в силу 10 января 1920 год, хотя реальные действия и значение Лиги Наций оказались сведены к нулю уже 1 сентября 1939 года. Эта организация не смогла предотвратить Вторую мировую войну, хотя Лига Наций добилась положительных результатов в социальной и гуманитарной области, причем деятельность эта была в многих отношениях первопроходческой.

Следует отметить, что Лига достигла существенных позитивных изменений в сфере международной экономической политики и выступила инициатором некоторых инноваций в сфере финансового регулирования, международных перевозок и сообщений и системы транзита. Деятельность Лиги способствовала улучшению системы здравоохранения во многих странах мира, в том числе и там, где здравоохранения не было ранее вообще. Были достигнуты успехи на поприще научного сотрудничества, которое к тому времени становилось все более интенсивным в связи с превращением науки в производительную силу общества. Лига способствовала кодификации международного права, а также содействовала подготовке различных конференций по разоружению и вела интенсивную работу в других социальных и гуманитарных областях.

Деятельность Лиги Наций не канула в лету. Чем больше проходит времени с той исторической эпохи, которая проходила под знаменем этой организации, тем в большей степени становится понятной важная роль этой организации в деле создания основы всеобщей безопасности, в том числе ее экономической составляющей. Сами ошибки, допущенные в работе этой организации, в дальнейшем послужили благом для человечества, ибо их осознание стало уроком для последующей работы международных организаций по укреплению и сохранению мира.

Уже 1 января 1942 года представители 26 государств заявили о поддержке Атлантической хартии, подписав «Декларацию Объединенных Наций». Это стало первым шагом на пути оформления новой международной организации, призванной способствовать установлению и поддержанию длительного мира и устойчивой всеобщей безопасности – в том числе экономической. И по сей день, начиная с 24 октября 1945 года, Организация Объединенных Наций остается главной организацией, занимающейся международной безопасностью как целостной проблемой, включающей в себя и разнообразные экономические аспекты.

Второй этап – время всеобъемлющего, в том числе экономического, противостояния СССР и Западного мира. Победа Советского Союза во Второй мировой войне привела к складыванию мировой системы социализма. Военная мощь государств и вся сила государственных механизмов служили распространению экономических приоритетов, мировоззрения, стиля жизни и собственной легитимности двух противоборствующих сверхдержав (СССР и США) с различным общественно-политическим строем и военно-политических блоков (НАТО и Варшавский договор).

Экономически сотрудничество стран социалистического блока и вопросы экономической безопасности решались в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), созданного в 1949 году и работавшего вплоть до распада СССР в 1991 году. Капиталистический мир решал проблемы экономической безопасности на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле, заключенного в 1947 году, и выполнявшего функции международной организации.

Еще в 1953 году СССР поставил вопрос об экономической агрессии при обсуждении определения агрессии и понятия «сила» в различных структурах Организации Объединенных Наций. На наш взгляд, само начало дискуссии об экономической агрессии явилось важным событием, предвосхитившим многие грядущие социально-экономические и социокультурные коллизии. К сожалению, экономические средства использовались в сочетании с политическими,

военными и идеологическими для победы в начатой холодной войне. Запад, активно используя либеральную риторику, делал все возможное, чтобы ослабить экономику социалистических стран в гонке вооружений. С другой стороны, такой импульсивный лидер СССР, как Н.С. Хрущев, обещал с самых высоких трибун «похоронить капитализм» – не только экономическими, но и – при удобном случае – военными методами. Все это не могло способствовать мирному существованию и всемирной экономической безопасности.

Тем не менее, противостояние двух общественно-политических систем не переросло в полномасштабный цивилизационный военный конфликт. Президенту Джону Кеннеди и Первому Секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву хватило политической воли выйти из Карибского кризиса. Именно это событие положило начало окончанию политических эксцессов в США («охота на ведьм» и прочие акции) и увеличению масштабов экономического сотрудничества СССР и США. К сожалению, сельское хозяйство СССР оказалось подорванным именно вследствие неумной и неумной реформаторской деятельности Н.С. Хрущева, а потому СССР с середины 60-х годов XX века пришлось закупать американское зерно в огромных масштабах. Если в 1954-1958 годах средняя урожайность пшеницы в СССР достигала 7,3 центнера с гектара, то к 1962 году она снизилась до 6,1 центнера [1, с. 667]. Речь шла о продовольственной безопасности страны – важнейшей части экономической безопасности как таковой.

Если в декабре 1963 года советское правительство было вынуждено закупить в США партию зерна в 12 миллионов тонн, то в 70-е годы импорт зерновых стал обычным делом, поставленным на поток. Бизнес есть бизнес, и в обмен на перманентные поставки зерна американские политики, тесно связанные с бизнесом, по сути дела, принуждали СССР продавать по заниженным ценам нефть в США, которые законсервировали свои нефтяные месторождения. СССР и США подписывают 20 октября 1975 года долгосрочный договор, согласно которому СССР обязывался ежегодно закупать в США 6 миллионов тонн зерна на сумму не менее миллиона долларов. Наша страна получала также право фактически без ограничения увеличивать объем закупок.

Но политика вмешивается в экономику, и интересы бизнеса, тем самым, часто приносятся в жертву. Это было общепринятой практикой на протяжении всего XX века, это происходит и в эпоху современного цивилизационного противостояния. Президент Джимми Картер в начале 1980 года, когда советские закупки зерна достигли уже 16 миллионов тонн, ввел торговое эмбарго из-за ввода советских войск в Афганистан. Геополитические интересы вновь возобладали над экономическими.

Теперь СССР был вынужден увеличить объем закупок зерновых из Канады, Аргентины, Австралии. К 1984 году доля советских закупок охватывала 46 миллионов тонн – более 15% мирового импорта зерна. Поэтому серьезные проблемы социалистическая экономика имела уже задолго до прихода к власти М.С. Горбачева, деятельность которого привела к гибели великой страны.

Существенное влияние на комплексное развитие социалистических стран оказал мировой энергетический кризис 1973-1974 годов, отразившийся, прежде всего, в росте цен на нефть. Следует отметить, что ведущие страны Запада, в своем стремлении ослабить собственную зависимость от импорта сырья и топлива, мобильно и своевременно осуществили перестройку экономических структур в направлении интенсивного, а не экстенсивного развития с помощью внедрения ресурсо- и энергосберегающих технологий (например, создание и массовое – а не только для военных нужд – производство микропроцессоров) и биотехнологий. Это в несказанной степени способствовало укреплению экономической мощи капиталистического мира и увеличению его «запаса прочности».

В то же время руководство социалистического блока упустило момент подлинной перестройки экономики и переход на интенсивные пути развития. Запасы ресурсов лишь в одном Советском Союзе казались в те времена неисчерпаемыми, но именно эта вера в неистощимость сырья оказалась роковой для экономики стран СЭВ. Сама комплексная безопасность социалистического лагеря оказалась в тесной зависимости от экономических процессов, над которыми во многом был утрачен контроль.

Подчеркнем, что на экономические процессы внутри стран Варшавского договора не могли не оказывать влияния негативные политические процессы, происходившие в странах социалистического лагеря, прежде всего, события в Венгрии 1956 года и в Чехословакии в 1968 году. Тогда на государственное и национальное самоопределение этих стран было оказано жесткое давление, в том числе и военными средствами. Попытки либерализации экономики были пресечены, и возможности создания альтернативной модели социалистического развития не были реализованы.

Проблему обостряла весьма косная и инертная система ценообразования во взаимной торговле между социалистическими странами. Все это лишало страны СЭВ побудительных мотивов к всевозможным экономическим реформам и новациям. Поэтому целый комплекс негативных факторов стал причиной серьезнейшего отставания

на магистральных направлениях экономического развития и научно-технического прогресса.

Сущностные проблемы, вставшие перед экономиками социалистических стран и перед Советом экономической взаимопомощи, требовали изменения форм деятельности как СЭВ, так и других экономических организаций социалистического блока. Тем более что страны Запада планомерно двигались к координации экономической деятельности на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле. Социалистические страны приняли в 1971 году «Комплексную программу социалистической экономической интеграции», где были поставлены задачи, выходящие на развитие высших форм экономической интеграции. Их всеобъемлющая реализация способствовала бы достижению высшего уровня экономической безопасности стран социалистического содружества. Были предусмотрены меры по производственной кооперации и специализации, комплексному научно-техническому сотрудничеству, координации планов целостного экономического развития и совместной инвестиционной деятельности.

В октябре 1974 года Совет экономической взаимопомощи как международная организация получил статус наблюдателя в Организации Объединенных Наций, что способствовало повышению международной значимости этой экономико-политической организации. Применительно к СЭВ не следует говорить о всеобъемлющем диктате Советского Союза в этой организации, как об этом говорится порой в западной литературе [7, 243]. Органы СЭВ принимали разнообразные решения и давали рекомендации по различным экономическим и научно-техническим вопросам, но эти решения не обладали обязательной юридической силой. Они принимались лишь с согласия заинтересованных стран-членов СЭВ и не распространялись на те страны, которые высказались о своей незаинтересованности в данном вопросе.

В целом, деятельность СЭВ как международной организации привела к важным позитивным результатам. В социалистических странах, являвшихся членами этой организации, создавалась развитая индустрия, осуществлялось гражданское строительство, велось научно-техническое сотрудничество. Все это делалось с помощью других членов СЭВ и вело к экономической безопасности стран. Поэтому СЭВ действительно способствовал интеграции экономических систем стран-участников, их прогрессу в экономическом и техническом развитии. В 1975 году на долю социалистических стран, входивших в СЭВ, приходилась треть мирового промышленного производства. В целом, хозяйственный потенциал этих государств вырос с 1949 года в несколько раз.

В 1973 году произошел резкий скачок цен на нефть. С одной стороны, в социалистическую экономику пошел мощный поток живых денег. Но, в целом, нефтяной бум привёл к усилению роли сырьевого сектора в экономике. Любое государство, экономика которого базируется на продаже сырья, рано или поздно столкнется с проблемами собственной безопасности – особенно в наступивший век высоких технологий.

Пережившая американскую оккупацию и взявшая все самое лучшее от европейских технологий Япония окончательно взяла курс на сотрудничество с Западом. Эта маленькая, но экономически мощная страна, практически не имеющая никаких полезных ископаемых и сырьевых ресурсов, продемонстрировала потрясающие всесторонние результаты именно в то время, когда СССР времен Л.И. Брежнева почивал на лаврах нефтяного благополучия. В «золотые» брежневские годы (период с 1970 по 1975 год) оборот внешней торговли СССР вырос в 2,3 раза, но при этом экспорт топлива, составлявший в 1970 году 15,6 %, возрос к 1987 году (уже при Горбачеве) уже до 46,5 % [1, 690].

Фактически, половина экономики позднего СССР была сырьевой. Если в 1970 году доля машин и оборудования в экспорте составляла 21,5 %, то к 1987 году она сократилась до 15,5 %. В целом, по странам СЭВ: если доля энергоресурсов в их экспорте составляла в 1971-1975 годах 14,5 %, то к 1979 году она уже возросла до 58,8 % [1, 690]. Это был уже не первый «звонок» для сверхдержавы, который прослышали ее руководители – опасность превращения страны в сырьевой придаток Запада.

Следует отметить, что СССР и его партнёры реагировали на развитие негативных явлений во взаимной торговле, ибо был принят комплекс «многосторонних программ» в целях оживления и интенсификации сотрудничества. В 1987 году было принято решение создать единый социалистический рынок, в идее которого содержался весомый политический и экономический потенциал.

Именно решению проблем экономической безопасности и связанным с ними стремлением не допустить отставания от стран Запада была продиктована встреча в столице Болгарии Софии осенью 1985 года. На этой встрече советская сторона предложила разработать и принять комплексную программу научно-технического прогресса стран, входящих в СЭВ, для уменьшения и последующего устранения отставания социалистических стран в ведущих научно-технических отраслях, которые начали определять экономическую мощь и безопасность современных государств. Но настали другие времена – прежде всего в самом СССР. Инициированная М.С. Горбачевым

«перестройка» привела к распаду великой страны, гибели социалистического лагеря и его всестороннему – в том числе экономическому – поражению в холодной войне. Об этом не без удовлетворения пишут некоторые западные ученые [8, 12].

Сама политика «перестройки» во многом привела к нулевой степени защищенности социалистической экономики, полной капитуляции перед западными экономическими моделями. Поэтому реформирование системы внешнеэкономических связей при сохранении в прежнем виде экономики социалистических стран оказалось нереальной задачей. Продолжал шириться кризис взаимного экономического сотрудничества стран СЭВ, что привело к краху всей экономической системы социалистического лагеря. Эти трагические события еще раз показали теснейшую связь политики и экономики, а также ведущую роль личности в человеческой истории, когда была осуществлена «революция сверху» – по сути, заговор верхушки КПСС против всей 19-миллионной партии и великой страны, приведший к гибели всей исторической России.

Разумеется, после смены власти в восточноевропейских странах в конце 1980-х их новые правительства подвергли коренному пересмотру все свои экономические и политические интересы. Все экономические преобразования были направлены на максимально быстрое включение бывших социалистических национальных экономик в мировую экономическую систему, прежде всего в западноевропейские интеграционные процессы.

После гибели мировой системы социализма начался третий этап международно-правового обеспечения экономической безопасности, продолжающийся и по сей день. Он связан с созданием однополярного мира и процессами глобализации. Правовые основы международной экономической безопасности начали складываться с учетом новых реалий – установления нового международного экономического порядка и последующим рассмотрением в ООН вопросов международной экономической безопасности.

В целом, холодная война была соревнованием на выживаемость и эффективность между противоборствующими политическими и экономическими системами. Социализм и капитализм были действительно не только двумя несовместимыми идеологиями, но и образами жизни.

Советский Союз открыл линию социальной эволюции, качественно отличную от той, которую выбрал некогда Западный мир. Историческая Россия в форме Советского Союза продемонстрировала потрясающие успехи – как в техногенном, так и в духовном плане

социокультурного развития. Западная цивилизация не может свернуть с той дороги исторического развития, которая представляется западным политикам столбовой и которая признаётся необходимым условием самого выживания западной цивилизации. Советский Союз некогда был образцом для подражания и идеалом для сотен миллионов людей, не относящихся к западной цивилизации.

Поражение СССР в холодной войне нанесло сильнейший удар по социалистической линии социальной эволюции, но не уничтожило ее окончательно. Ведь развивается и процветает Китай. С точки зрения западных стратегов, Россия еще не уничтожена полностью. Есть опасность ее возрождения, ибо наша страна еще вызывает страх и злобу в Западном мире, что и показывают события современной политической и социокультурной реальности.

Итак, в начале 90-х гг. XX столетия комплексная работа над разработкой взаимовыгодной концепции международной экономической безопасности была приостановлена вследствие создания однополярного мира и глобализационных процессов. Но все же налицо была существенная поддержка, которую в большинстве стран получила сама идея обеспечения экономической безопасности государств посредством международного права. Существующие и возникающие проблемы целесообразно решать исключительно в международно-правовом поле.

Двойственное впечатление производит практика применения разнообразных экономических санкций, которую осуществляет ООН. С одной стороны, санкции порой необходимы, но насилие и принуждение в экономической сфере применяются неоправданно часто и в ущерб подлинным интересам участников конфликта. Но само существование однополярного мира свидетельствует о новом этапе создания международно-правовой базы для обеспечения экономической безопасности современных государств.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день мы видим глубочайшие разногласия в понимании сути и международно-правовых путей достижения экономической безопасности в развитых и развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой. Разумеется, такое положение, обусловленное разницей в векторах геополитических намерений и понимания концептуальной сути международной безопасности, оказывает негативное влияние особенно в эпоху противостояния цивилизаций. Развитые страны Европы не только стремятся сохранить собственную экономическую независимость от США, но и обрести контроль над ресурсами и полезными ископаемыми, без которых любая национальная экономика не сможет нормально функционировать и развиваться. Жизненно необходимо также создать

благоприятные условия для сбыта производимой продукции. Отсюда возникает проблема контроля над рынками, который осуществляется порой не очень чистоплотными и отнюдь не правовыми средствами. Но на словах развитые страны Запада декларируют приверженность международному праву, концепциям «устойчивого развития» и прочей либеральной риторике.

С одной стороны, в реальности экономика используется для решения чисто политических целей – например, современная политика санкций против России, губительная для многих европейских производителей. На словах провозглашается отказ от применения жестких норм в международной экономике, но на деле применяется политика «мягкой силы», которая при всех своих положительных моментах, может также привести к обострению международной обстановки. Любое экономическое давление с политической подоплекой воспринимается как насилие.

Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой выступают для развитых стран Запада, прежде всего, источником ресурсов и рынками сбыта готовой продукции. По сути, дела, это – колониализм в обновленной форме, хотя этот модифицированный колониализм прикрывается принципами международного права. Поэтому подлинное использование на всеобщее дело обеспечения экономической безопасности государств всех правовых нормативных и организационных институтов – дело будущего – видимо, неблизкого.

Действенность существующих механизмов международно-правового обеспечения экономической безопасности будет определяться их способностью гарантировать безопасность государств в случае воздействия на национальную экономику негативных факторов как объективного характера (климатические, экологические, сейсмические катастрофы) так и субъективного характера (революции, заговоры, военные перевороты). В первом случае будет необходима действенная нормативная база, на основе которой будет проводиться согласование индивидуальных и коллективных действий государств и международных организаций по оказанию помощи пострадавшему государству или группе государств. Хорошим примером служат согласованные действия мирового сообщества по оказанию помощи населению Гаити после землетрясения 12 января 2010 года.

Во втором случае потребуется система, обеспечивающая построение международной экономической организации на демократической основе, ограничивающей, а в идеале и запрещающей, применение средств экономического принуждения, в рамках которой существует система мирного урегулирования споров, вызванных

различиями в национальных интересах государств-участниц международной экономической организации. К сожалению, эта система все еще остается во многом желаемым проектом, а не действительным фактором международно-политической реальности.

Во времена цивилизационного противостояния очень сложно достигнуть консенсуса по большинству ключевых вопросов международной экономической безопасности. Трактовка роли системы международного права в обеспечении экономической безопасности государств возможна двояко – как в широком, так и в более узком аспектах. В первом случае система международно-правового обеспечения экономической безопасности охватывает практически все отрасли международного права, ибо отношения, являющиеся предметом регулирования различных отраслей международного права способны повлиять – в большей или же в меньшей степени – на формирование и предотвращение угроз экономической безопасности любого государства.

Для создания действенной системы международной экономической безопасности в современную эпоху, если подходить к проблеме широко и комплексно, требуется тщательно проанализировать различные отрасли международного права и выявить их недостатки, исходя из требований современности. Конечно, право в целом – более статичная форма общественного сознания, чем политика. Трудно подгонять правовые нормы под постоянно меняющуюся политическую реальность. Тем не менее, необходимо тщательно проанализировать на предмет соответствия фактическому положению дел нормы права международной безопасности и международного морского права. Требуется тщательно изучить комплекс разнообразных норм, который регулирует вопросы международно-правовой ответственности и мирного урегулирования международных споров, а также приспособить к современности нормы, возникшие и зафиксированные в рамках межгосударственного сотрудничества по борьбе с преступностью – в особенности с организованной экономической преступностью. Следовательно, устранение разрыва между юридическим и фактическим в международно-правовых документах, относящихся к экономической безопасности, является первоочередной задачей для обеспечения мира в современную эпоху.

Если рассматривать международно-правовое обеспечение экономической безопасности государств в более узком аспекте, то тогда общие принципы международного права и специальные принципы международного экономического права необходимо свести в целостную структуру, необходимую для успешного решения конкретных проблем и задач. Системно-структурный подход позволит выделить нормативные и

организационные группы гарантий, позволяющих оперативно решать назревшие проблемы обеспечения экономической безопасности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Международная экономическая безопасность является важнейшей частью комплексной безопасности. В праксиологическом аспекте ее можно понимать как состояние мировой экономики, при котором происходит значительный и устойчивый рост экономических показателей и наблюдается эффективное удовлетворение не только потребностей ведущих государств и их граждан, но экзистенциальные надежды и экономические интересы народов развивающихся стран. Достижение и сохранение состояния экономической безопасности может действительно способствовать снижению остроты цивилизационного противостояния в современную эпоху.

Проблема международной экономической безопасности особенно актуализировалась в XX столетии, хотя в самом дальнем приближении о попытках системного оформления и регулирования этой проблемы можно говорить еще применительно к временам Александра Македонского. Но образ, близкий к современному, эта проблема начала обретать лишь в XIX столетии, во время и после бурной наполеоновской эпохи.

В статье обеспечение международной экономической безопасности было рассмотрено в историко-логическом аспекте. Автором было выделено три этапа этого процесса. Первый этап охватывает промежуток между двумя мировыми войнами, когда человечество впервые осознанно поставило задачу обеспечить комплексную безопасность, в том числе и безопасность экономическую как важнейший экзистенциальный фактор. Именно в 20-30-е годы произошли такое знаковое событие, как создание и деятельность Лиги Наций, которая своей деятельностью стремилась не только предотвратить Вторую мировую войну, но и содействовать международной экономической безопасности.

Экономические проблемы были тесно связаны с политическими на протяжении всей истории XX столетия, поэтому создание мировой системы социализма и ее борьба с капиталистическим миром, которая велась и как соревнование за экономическую эффективность двух общественно-экономических формаций, составили содержание второго этапа истории обеспечения международной экономической безопасности. Помимо сугубо политического значения, создание Лиги Наций и ООН стало символом наступления новой эры в развитии мировой экономики, которая становилась все более целостной. Глобальные экономические кризисы, разражаясь в самых развитых странах капитализма, неизбежно

затрагивали весь земной шар. Это не могли не принимать в расчет разнообразные международные экономические организации, деятельность которых поставила сами международные отношения на качественно новый уровень. Международное сотрудничество государств изменилось не только в количественном отношении, но именно качественным образом.

Если второй период, несмотря на все присущие ему многочисленные кризисы и проблемы, характеризовался относительной устойчивостью и геополитическим равновесием, достигаемым наличием в мире двух общественно-экономических формаций – двух полюсов социального развития, то наступивший после распада СССР и мировой системы социализма третий период – крайне противоречивый и неустойчивый – продолжается и по сей день. Создание однополярного мира, в котором доминируют США, инициировавшие глобализационные процессы, привело к противостоянию цивилизаций – состоянию, грозящему перерасти в масштабный цивилизационный конфликт, ведущийся военными средствами. Экономические интересы как никогда прежде в человеческой истории приносятся в жертву политическим амбициям.

Можно сделать общий вывод. Вся история международных экономических отношений в XX столетии определялась не столько экономической конкуренцией, сколько политическим противоборством общественно-экономических формаций или цивилизационных образований. Это препятствовало созданию такой системы международной экономической безопасности, которая учитывала бы в полной мере интересы как можно большего числа стран, а не только ведущих политических акторов. На современном этапе цивилизационного противостояния очень сложно достигнуть консенсуса по большинству ключевых вопросов международной экономической безопасности. Ведь трактовка роли системы международного права в обеспечении экономической безопасности государств возможна двояко – как в широком, так и в более узком аспектах. В первом случае система международно-правового обеспечения экономической безопасности охватывает практически все отрасли международного права, которые необходимо пересмотреть с учетом императивов сегодняшнего дня, преодолеть современный разрыв между юридическим и фактическим, должным и сущим.

Отношения, являющиеся предметом регулирования различных отраслей международного права способны повлиять на формирование и предотвращение угроз экономической безопасности любого государства. Если рассматривать международно-правовое обеспечение экономической

безопасности государств в более узком аспекте, то тогда общие принципы международного права и специальные принципы международного экономического права необходимо свести в целостную структуру, необходимую для успешного решения актуальных проблем и задач.

Библиографический список

1. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. 928 с.

2. *Горохов П.А., Южанинова Е.Р.* Взгляд на глобализационные процессы сквозь призму гегелевского наследия // Сибирский философский журнал 2018. Т. 16. № С. 227-237.

3. *Господарик Ю.П., Пашковская М.В.* Международная экономическая безопасность. Учебник. М.: Издательский дом «Университет Синергия», 2018. 416 с.

4. *Игнатов Ю.В.* Экономическая безопасность государств и проблемы ее международно-правового обеспечения в современных условиях. Дис. на соискание ученой степени канд. юр. наук. Специальность 12.00.10. М., 2005. 170 с.

5. *Кузнецова О.С.* Развитие институтов противодействия экономическим основам международного терроризма в системе обеспечения экономической безопасности. Дис. на соискание ученой степени канд. эконом. наук. Специальность 08.00.05. М., 2006. 187 с.

6. *Робертс Дж.М., Уэстад О.А.* Мировая история / Перевод с английского С.А. Белоусова. М.: Центрполиграф, 2018. 1247 с.

7. *Bril Heinz.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik (1974-2008). 2. Auflage, Biblio-Verlag, Bissendorf, 2008. 327 S.

8. *Wagensohn Tanja.* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. Pustet, Regensburg 2001. 324 S.

Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории*

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году исполнилось 70 лет провозглашения Китайской Народной Республики, выбравшего после победы левых сил под руководством Мао Цзэдуна в затяжной гражданской войне и успехов в борьбе с японскими захватчиками путь построения азиатского варианта социализма.

Интерес к восточной культуре у нас в России, находящейся на стыке восточных и западных культурных магистралей, был традиционно велик. Китай – наш сосед, а в нашу эпоху глобализации, насильственно проводимой по американским рецептам, Китай и китайская культура воспринимаются как возможный действенный антипод Западу, некая духовная альтернатива, могущая противостоять американской экспансии.

Во второй половине 40-е годов Китай находился в состоянии перманентного брожения с момента свержения цинской династии в 1912 году. Особых территориальных потерь Китай не понес, но политической стабильности и социального прогресса в стране не наблюдалось. Пребывание у власти партии Гоминьдан никогда не представлялось политической константой для китайского народа. Все результаты экономического прогресса, которого добилась страна на протяжении республиканской эпохи в 1941-1949 гг., оказались сведенными к нулю вследствие долгой и ожесточенной войны с Японией. Народ пребывал в состоянии вечной нищеты. Голод и болезни стали постоянным явлением в многомиллионной стране.

Теоретическую базу для экспериментов с земельной реформой и «вхождения» крестьян в социализм коммунисты готовили с 20-х годов. Под влиянием коммунистов находились густонаселенные области, которые поддерживали аграрные идеи Коммунистической партии Китая. Коммунисты допустили немало ошибок в аграрной политике до прихода к власти, когда они казнили землевладельцев и жгли храмы, но в 40-е годы их политика стала более умеренной, в том числе и в глазах крестьянства.

Режим Чан Кайши все более утрачивал свою популярность, приобретая все больше врагов и теряя сторонников. Коммунисты смогли пережить репрессии, инспирированные гоминдановцами, в то время обладавшими превосходящими силами. Китайские коммунисты

* Ковалев А.А. Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2. – С. 121-133.

постепенно наращивали военную мощь, в чем не последнюю роль играла четко выверенная стратегия партии под руководством Мао – энергичного и харизматического лидера, которого в крестьянской среде воспринимали как небожителя.

ЦЕЛЬ

В этой статье будут рассмотрены основные черты разработанной Мао Цзэдуном стратегии народной войны, базировавшейся на традиционной китайской философской и политической культуре, и которая в значительной степени помогла китайским коммунистам победить японских интервентов, захватить власть и провозгласить 1 октября 1949 года Китайскую Народную республику.

МЕТОДЫ

При написании этой работы применяются методы историко-логического, военно-исторического, политологического и социологического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ МАО

Мао Цзэдун родился в крестьянской семье в сельской местности провинции Хунань в 1893 году. Несмотря на это, Мао получил хорошее образование по стандартам того времени. У него была поистине неутолимая страсть к чтению, которую он сохранил на протяжении всей своей жизни, изучая, в том числе, самостоятельно труды специалистов по военной стратегии, включая «Искусство войны» Сунь Цзы, трактат «Тридцать шесть стратагем» и работы Клаузевица, которых он часто цитировал. Например, Мао часто цитировал Сунь Цзы, Клаузевица и Ленина.

Он также изучал военную историю, анализируя военные операции в прошлых войнах для того чтобы понять, что сделало их успешными, а что привело к неудачам. В 1937 году Мао писал о партизанской войне (также известной как *Юй Чу Чан*), а затем о проблемах стратегии в партизанской войне против Японии и о затяжной войне в 1938 году, в которой он сформулировал стратегию, которую китайцы должны использовать против японцев во второй китайско-японской войне [5]. Трехэтапная стратегия, которую он разработал, в равной степени применима к его войне против буржуазной партии Гоминьдан, которая велась Коммунистической партией Китая позднее, и других революционных сражений коммунистов со схожими условиями во всем мире.

В самом начале своей политической деятельности, еще до войны с Японией, Мао понял, что коммунистическая революционная стратегия,

изложенная деятелями Интернационала в Москве, не сработает в Китае. Промышленные рабочие в этой гигантской стране не были угнетенным классом. Впрочем, и в России В.И. Ленин взял на вооружение чисто западноевропейскую теорию о грядущей диктатуре пролетариата, применив ее в крестьянской стране, где промышленного пролетариата было очень мало (статистика варьируется от 3 до 10 % от общего населения страны), а экономика которой была по преимуществу аграрно-индустриальной.

И в Китае Мао обращался, скорее, к 400 миллионам крестьян, многие из которых были безземельными и едва могли выжить. В своем Докладе 1927 года «О расследовании крестьянского движения в Хунани» Мао защищал крестьянина, а не рабочего, именно как двигатель коммунистической революции в Китае. Ни для России, ни тем более для полуфеодального Китая не подходили слова Маркса и Энгельса из первой части «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [13].

В.И. Ленин всю сознательную жизнь революционера и политика, как и Маркс, не знал и, в какой-то мере, презирал крестьянство вследствие его собственнических инстинктов. Не так было у Мао – выходца из крестьянской среды. Поэтому он пресекал все разговоры, направленные против крестьянского движения и его эффективности. Все ошибочные меры, принятые революционной властью в отношении крестьянского движения, должны быть, по мнению Мао, быстро и решительно исправлены.

Мао верил, что лишь уважение к крестьянству и забота о нем может принести пользу будущей революции. Революция был немислима без подлинного подъема крестьянского движения. В очень короткое время в центральных, южных и северных провинциях Китая несколько сотен миллионов крестьян поднимутся, как могучая буря, как ураган – сила настолько быстрая и яростная, что никакая сила, какой бы великой она ни была, не сможет ее удержать. Мао писал, что они разобьют все связывающие их оковы и устремятся вперед по пути к свободе. Именно крестьянство выроет могилы для всех империалистов, полевых командиров, коррумпированных чиновников, местных тиранов и озлобленных дворян. Каждая революционная партия и каждый революционный товарищ будут подвергнуты испытаниям, которые покажут, подходят ли они для дела революции или нет [4].

Для революционера есть три варианта поведения с народом. Во-первых, можно идти впереди и вести массы за собой. Во-вторых, можно отстать от народа, лишь жестикулируя и беспочвенно его критикуя. В-третьих, можно даже встать на пути народных масс и противостоять им. Каждый китаец свободен в выборе, но сами события заставят революционера сделать выбор быстро.

Будучи вначале намеренно гипертрофированной по сиюминутным политическим причинам, вера Мао в крестьянство в конечном итоге окажется обоснованной. Мао понял, что эта огромная, лишенная всех прав людская масса созрела для использования в политических интересах. Однако после некоторых первоначальных спорадических успехов и неудач в партизанской войне коммунистическая революция в Китае была приостановлена, когда японцы в страну вторглись в июле 1937 года.

Прогнозы Мао по поводу военного потенциала Китая в войне против японцев были довольно взвешенными и осмотрительными. Его общая оценка была столь же нелестной, сколь одновременно и точной. В то время как крестьяне снова должны были сыграть важную роль в его стратегии, он хорошо знал об асимметричном невыгодном положении Китая в борьбе с более развитыми в военном и политическом отношении японцами. Он оценил перспективы Китая в возможном столкновении с японским агрессором таким образом: «Китай – страна полуколониальная и полуфеодальная. Это страна, которая является отсталой в политическом, военном и экономическом отношении. Это неизбежный вывод. Это – огромная страна с огромными ресурсами и огромным населением, страна, в которой рельеф местности сложный, а средства связи плохие. Все эти факторы благоприятствуют затяжной войне. Все они благоприятствуют ведению мобильной войны и партизанских операций» [12].

Мнения китайских лидеров о том, как бороться с японскими захватчиками, разделились. Многие политики предпочли регулярную войну профессиональной армии против армии врага. Основываясь на своей оценке ситуации, Мао, однако, выступал за гибридную стратегию, которая включала партизанскую войну. Стремясь убедить других принять эту стратегию, Мао подробно и убедительно писал о сути, составных элементах и достоинствах своей стратегии. Хорошо знакомый с трудами полководцев и мастеров войны прошлых лет, Мао начал с политической цели, которую он описал как «основной политической принцип войны сопротивления Китая против Японии, т. е. его политическая цель – изгнать японский империализм и построить независимый, свободный и счастливый новый Китай» [1]. Для

достижения этой цели он отметил, что существует только один основной руководящий принцип, из которого вытекают все остальные, и который имеет первостепенное значение в войне против японцев – «стремиться к максимальному сохранению своих сил и уничтожению сил противника» [12].

Шесть дополнительных принципов стали поддержкой его основного принципа: (1) использование инициативы, гибкости и планирования при проведении наступательных операций в обороне и сражениях в условиях затяжной войны и операций на внешней линии в рамках военных действий во внутренней линии; (2) координация с действиями регулярных войск; (3) создание базовых зон сопротивления; (4) стратегическое оборонительное и стратегическое наступление; (5) превращение партизанской войны в мобильную войну; (6) грамотное и профессиональное командование [9]. Эти принципы свидетельствуют о той новизне, которую внес Мао в стратегию военных действий.

Мао не только объяснил свои шесть принципов, но и сделал это в терминах традиционной китайской философии «Инь и Ян», что, возможно, оценил бы даже Сунь Цзы. Описывая «взаимосвязь между защитой и наступлением, между неторопливостью и быстротой принятия решений, а также между внутренними и внешними линиями», Мао так объяснил достоинства своей гибридной стратегии: «Силы противника, хотя и значительные (в оружии, в определенных качествах своих людей и некоторых других факторах), численно все же малы, тогда как наши силы, хотя и слабые ..., численно очень велики. В дополнение к тому факту, что враг – это инопланетная нация, вторгающаяся в нашу страну, в то время как мы противостоям его вторжению на нашу собственную землю, это определяет следующую стратегию. Возможно и необходимо использовать тактические наступательные действия в рамках стратегической обороны, вести кампании и сражения с быстрым решением в рамках стратегически затяжной войны и вести кампании и сражения на внешних линиях внутри стратегически внутренних линий. Такова стратегия, которая будет принята в войне Сопrotивления в целом. Это справедливо как для обычной, так и для партизанской войны. Партизанская война отличается только по степени и форме. Наступления в партизанской войне обычно принимают форму внезапных атак. Хотя внезапные атаки могут и должны использоваться в обычной войне, степень неожиданности меньше. В партизанской войне необходимость оперативного решения операций очень велика, а наше внешнее кольцо окружения противника в кампаниях и сражениях очень мало. Все это отличает данную стратегию от обычной войны» [16].

В своей стратегии гибридной войны Мао использовал знаменитые 36 китайских стратагем, являющихся важной частью военной, философской и политической культуры Поднебесной. Само слово «стратагема» происходит от древнегреческого *strategema*, что означает военное дело в целом и военную хитрость, в частности. Первое упоминание «Тридцати шести стратагем» можно найти в труде «История династии Южная Ци». Сама династия правила в 479-502 гг.

Китайские стратагемы во многом схожи с той мудростью, которую традиционно причисляют к прафилософии. Житейские советы стратагем напоминают как изречения семи легендарных греческих мудрецов, так и сокровища народной мудрости, выраженные в разнообразных пословицах и поговорках народов мира: «Притворяться глупцом, не теряя головы», «Заманить на крышу и убрать лестницу», «Выкрасть балки и подменить колонны, не передвигая дома», «Дружить с дальним и воевать с ближним», «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею», «Мутить воду, чтобы поймать рыбу», «Чтобы поймать разбойников, надо прежде поймать главаря» [18]. В своей реальной политической деятельности Мао неоднократно следовал духу 36 стратагем.

Разумеется, в Европе чаще всего воевали и конфликтовали с «открытым забралом». В Китае все происходило по-другому. Разумеется, можно привести многочисленные примеры европейской хитрости и подлости, не забывая о Макиавелли, политиках XX века и деятельности христианской церкви за все века ее существования. И все же внимательное изучение стратагем оставляет несколько неприятное чувство, а некоторые из них воспринимаются как советы в настольной книге подлеца.

Но некоторые культуры сложно понять представителю другой культурной традиции. При всем многообразии примеров сходства мышления европейцев и китайцев, определенные вещи в стратагемах принять невозможно как христианину, так и мусульманину как адептам «авраамических» религий. Порой культуры развиваются обособленно и не имеют точек сопереживания, совсем как параллельные прямые в геометрии Евклида. Разумеется, этого нельзя сказать о китайских стратагемах в полной мере. Они не полностью чужды сознанию культурного европейца, но в этическом плане оставляют все же впечатление некоей чужеродности и даже враждебности.

Используя не только восточную, но и европейскую военную мудрость, Мао разделил свою всеобъемлющую стратегию затяжной войны против японцев и Гоминьдана на три взаимосвязанных и взаимозависимых этапа: стратегический оборонительный, стратегический тупик (подготовка к контрнаступлению) и

контрнаступление. Эти этапы были специально разработаны для противодействия вражеским этапам стратегического наступления, консолидации и стратегического отступления соответственно [8].

Первый этап военной стратегии Мао состоял из политической и военной мобилизации народа посредством подрывной деятельности и ограниченных боевых действий в форме мобильной войны, дополненной партизанской и позиционной войной. Мао считал мобилизацию ключевой особенностью первого этапа затяжной войны: «Этот шаг имеет решающее значение. Он действительно имеет первостепенное значение, в то время как наша неполноценность в области оружия и других вещей является лишь второстепенной. Мобилизация простого народа по всей стране создаст огромное море, в котором утонет враг, создаст условия, которые восполнят нашу неполноценность оружием и другими вещами, создаст предпосылки для преодоления всех трудностей войны. Чтобы одержать победу, мы должны продолжать войну Сопротивления – на едином фронте и в затяжной войне. Но все это неотделимо от мобилизации простого народа. Желать победы и в то же время пренебрегать политической мобилизацией – все равно что желать «ехать на юг, ведя колесницу на север», и результатом неизбежно будет потеря победы» [3].

По мнению Мао, политическая мобилизация должна быть тотальной не только с точки зрения охвата всего населения, но и с точки зрения масштабов политической пропаганды и средств ее распространения.

Мао задавался вопросом: Что означает политическая мобилизация? Во-первых, это значит честно и доходчиво рассказать армии и народу о политической цели войны. Каждому солдату и гражданскому населению необходимо понять, почему нужно вести войну и как это касается его как мыслящую личность. Политическая цель войны – «вытеснить японский империализм и построить новый Китай свободы и равенства». Мы должны объявить эту цель всем, всем солдатам и гражданскому населению, прежде чем мы сможем создать антияпонский подъем и объединить сотни миллионов людей, чтобы внести свой вклад в войну. Во-вторых, недостаточно просто объяснить им цель; конкретные шаги и политика для достижения этой цели также должны быть даны, то есть должна быть политическая программа. У нас уже есть Программа противостояния Японии и спасения нации, состоящая из десяти пунктов, а также Программа вооруженного сопротивления и национального восстановления. Мы должны популяризировать две программы в армии и среди народа и мобилизовать всех на их выполнение. Без четкой, конкретной политической программы невозможно мобилизовать все

вооруженные силы и весь народ, чтобы довести войну против Японии до конца. В-третьих, как мы должны их мобилизовать? Из уст в уста, через листовки и бюллетени, из газет, книг и брошюр, через пьесы и фильмы, через школы, через массовые организации и через наши кадры. То, что было сделано до сих пор в районах Гоминьдана – это всего лишь капля в море, и, кроме того, это было сделано таким образом, что оно не соответствует стремлениям и чаяниям людей и в духе, совершенно неуместном для них. Это должно быть радикально изменено. В-четвертых, одной мобилизации недостаточно. Политическая мобилизация для войны Сопrotивления должна быть непрерывной. Наша работа не состоит в том, чтобы рассказывать людям нашу политическую программу, потому что никто не будет слушать такие декламации. Мы должны связать политическую мобилизацию для войны с событиями в самой войне и с жизнью солдат и людей и сделать ее непрерывным движением. Это вопрос огромной важности, от которого в первую очередь зависит наша победа в войне [3].

Как заметил американский политолог и синолог Бенджамин Шварц (1916-1999 гг.), стратегия Мао включала «навязывание политической партией, организованной в соответствии с ленинскими принципами и воодушевленной верой в основные принципы марксизма-ленинизма, своих принципов чисто крестьянской массе» [19].

Мао смог объединить коммунистическую идеологию с реальными потребностями людей, используя пропаганду, тщательно объединяя обиды, выраженные в экзотерических призывах интеллигенции и масс, с идеологическими дополнениями, обещанными в эзотерических призывах коммунистов. Как позже сказал Мао: «Во всей практической работе нашей партии все правильное руководство обязательно движется «от масс к массам». Это означает: взять чаяния и идеи масс (чаще всего рассеянные и бессистемные) и сконцентрировать их (посредством изучения превратить их в концентрированные и систематические концепции), затем идти в массы и пропагандировать и объяснять эти идеи, пока массы не примут их как свои собственные. Придерживайтесь их и воплощайте в действия, проверяйте правильность этих идей в таких действиях. Затем снова сконцентрируйте идеи в массах и снова отправляйтесь в массы, чтобы идеи были сохранены и реализованы. И так далее, снова и снова по бесконечной спирали, с каждым разом идеи становятся все правильнее, жизненнее и богаче. Такова марксистская теория познания» [17].

Посредством политической идеологической обработки и получения народной поддержки вследствие более гуманного обращения с некомбатантами, Мао расширил политическую мобилизацию, чтобы

превратить свою всеобъемлющую стратегию «затяжной войны» в «затяжную народную войну». Чтобы установить и поддерживать это «единство духа» между войсками и местными жителями, Мао установил «Три правила и восемь замечаний» для общения регулярной армии с гражданским населением [15]:

Правила

1. Все действия подчиняются команде;
2. Не воруй у людей;
3. Не быть ни эгоистом, ни несправедливым.

Замечания

1. Закрывайте дверь, когда вы выходите из дома;
2. Сверните постель, на которой вы спали;
3. Быть вежливым;
4. Будьте честны в своих сделках;
5. Возвращайте то, что вы занимаете;
6. Возмещайте то, что вы ломаете;
7. Не купайтесь в присутствии женщин;
8. Не обыскивайте карманы тех, кого намереваетесь арестовать.

Здесь видно влияние этики традиционного конфуцианства, которое не сошло с государственно-политической и культурной сцены современного Китая, став основой не только для многих идей Мао, но и трех народных принципов Сунь Ятсена (национализм, народовластие, народное благосостояние). Комплексность усилий по политической и идеологической обработке и военно-гражданскому сотрудничеству, предпринятых Мао, была такова, что она не только подтолкнула народ к поддержке войны, но и к дальнейшему восприятию идей коммунистической идеологии и правил политической игры.

Политическая мобилизация была также основой, на которой строилась партизанская война. В то время как Мао объединял мобильную и позиционную войну с партизанской войной на первом этапе, его основной целью было создание потенциала партизанской войны. Мао описал партизанскую войну как «оружие, которое страна, уступающая в вооружении и военной технике, может использовать против более сильной страны-агрессора». В партизанской войне «местность, климат и общество в целом» использовались в качестве препятствий для сопротивления и победы над врагом. Мао описал это, используя традиционные принципы «Инь и Ян»: «В партизанской войне выбирайте такую тактику, чтобы казалось, что вы пришли с востока и атакуете с запада. Избегайте твердого тела, атакуйте впадину. Атакуйте, отступайте. Наносите удар молнией, ищите молниеносное решение. Когда партизаны вступают в бой с более сильным противником, они отступают, когда он

приближается. Преследуют его, когда он останавливается. Бьют его, когда он устал. Преследуют его, когда он отступает» [11].

СТРАТЕГИЯ НАРОДНОЙ ВОЙНЫ МАО

С точки зрения стратегии, Мао описал партизанскую войну как «основанную прежде всего на бдительности, мобильности и нападении». В партизанской войне тыл, фланги и другие уязвимые места противника были ключевыми военными целями, которые «преследовались, атаковались, рассеивались, истощались и уничтожались».

Внезапность была основным принципом партизанских операций, в большей степени, чем в обычной войне. Только благодаря внезапности можно было быстро принять решение о проведении операции, учитывая незначительные преимущества местных партизан над японцами.

Из-за своего рассеянного характера, партизанская война может вспыхивать и расширяться повсюду, и во многих ее задачах, таких как преследование, сдерживание и разрушение противника, а также в массовой работе, главный ведущий принцип состоит в рассеивании сил. Партизанский отряд должен сконцентрировать свои основные силы, когда он занят уничтожением противника, и особенно когда он пытается отразить вражескую атаку. «Сосредоточение больших сил для удара по небольшому отряду вражеских сил» остается принципом полевых операций в партизанской войне. Этот принцип Мао впоследствии успешно будет использоваться в национально-освободительных войнах XX столетия.

Мобильная война была также ключевой особенностью на первом этапе затяжной войны. Мао описал мобильную войну как «наступательную войну быстрого решения на внешних линиях в кампаниях и сражениях в рамках стратегии внутренних линий, затяжной войны и обороны». Мобильная война – это форма, в которой регулярные армии ведут наступательные кампании для максимально быстрого результата и сражаются на внешних линиях вдоль обширных фронтов и на больших площадях операций. В то же время она включает «мобильную оборону», которая проводится, когда это необходимо для содействия таким наступательным боям. Это также включает в себя позиционную атаку и позиционную защиту как дополнительное средство.

На первом этапе затяжной войны, как в партизанских, так и в мобильных операциях, в битву можно было вступать только тогда, когда китайцы имели численное превосходство при условиях, подходящих для внезапного нападения, и ожидаемый результат, по оценкам, мог быть достигнут довольно быстро. Мао писал: «[Мы] должны не только использовать большие силы против малых и действовать снаружи против внутренних линий, но и следовать политике поиска быстрых решений. В

общем, чтобы добиться быстрого решения, мы должны атаковать движущегося, а не неподвижного противника. Мы должны сосредоточить большие силы под прикрытием заранее вдоль маршрута, который враг обязательно примет, и, пока он находится в движении, внезапно наступать, чтобы окружить и атаковать его, прежде чем он узнает, что происходит, и таким образом быстро завершить битву. Если мы сражаемся хорошо, мы можем уничтожить всю вражескую силу или большую ее часть, или какую-то ее часть, и даже если мы сражаемся не так хорошо, мы все равно можем нанести тяжелые потери. Это относится к любой из наших битв. Если бы каждый месяц мы могли одержать одну значительную победу, например, в Пинсинкуане или Тайерхчуане, не говоря уже о большем, это сильно деморализовало бы врага, стимулировало бы мораль наших собственных сил и вызвало международную поддержку. Таким образом, наша стратегически затяжная война превращается на местах в битвы с быстрым результатом. Война стратегически быстрых действий противника должна превратиться в затяжную войну после того, как он потерпел поражение во многих кампаниях и сражениях» [10].

Мао также считал позиционную войну необходимой на первом этапе, но стратегически вспомогательной и вторичной по отношению к партизанской и мобильной войне. Мао описал позиционную войну с точки зрения нападения и защиты фиксированных позиций и стратегических пунктов, чтобы включить «оборонительные работы с глубокими траншеями, высокими крепостями и последовательными рядами оборонительных позиций». Позиционная война была работой армии, требующей применения более сложных боеприпасов, чем могли бы предоставить относительно необученные партизанские силы до более позднего периода войны, когда большая подготовка и опыт, большее количество личного состава, более иерархическая организация и лучшее оружие, обеспеченное внешней поддержкой, увеличили их боеготовность.

Рост политически мобилизованного населения на первом этапе затяжной войны привел к тому, что партизанская война превратилась в очень действенный вид боевых действий на втором этапе стратегического тупика, дополненного мобильной и позиционной войной. Мао описал свое видение того, как партизанская война развернется на втором этапе затяжной войны следующим образом: «За исключением войск, занятых фронтальной обороной против врага, наши силы будут переброшены в большом количестве в тыл врага в сравнительно рассредоточенных диспозициях, и, опираясь на все районы, фактически не занятые врагом, и координируясь с местными народными

вооруженными силами, они начнут обширную, ожесточенную партизанскую войну против оккупированных врагом районов, удерживая врага в движении как можно дальше, чтобы уничтожить его в мобильной войне.... Боевые действия на втором этапе будут беспощадными, и страна понесет серьезные разрушения. Но партизанская война будет успешной, и если она будет хорошо вестись, то противник сможет удержать только около трети своей оккупированной территории, а оставшиеся две трети – в наших руках, и это будет большим поражением для врага ... На втором этапе нам придется решительно призвать всю страну к сохранению единого правительства, нам придется противостоять расколам и систематически совершенствовать боевые приемы, реформировать вооруженные силы, мобилизовать весь народ и подготовиться к контраступлению ...» [11].

На третьем и последнем этапе стратегического наступления Мао увидел, как Китай переходит от преимущественно партизанской войны к мобильной войне, чтобы вернуть утраченные территории. Тем не менее, Мао осознал, что Китай слишком слаб, чтобы сражаться с Японией в одиночку, и для его преодоления потребуются союзники. Он предвидел, что потребуются переход от оборонительной борьбы вдоль стратегически внутренних линий к наступательной борьбе по стратегически внешней линии. Чисто партизанская война должна отойти в прошлое, чтобы обеспечить стратегическую функцию поддержки, лишь дополняя мобильную и позиционную войну.

Что касается используемой стратегии, Мао разработал смешанную стратегию, которая на третьем этапе одновременно включала стратегии подрывной деятельности, истощения и уничтожения. При описании политической мобилизации, Мао эффективно изложил механику стратегии подрывной деятельности, хотя он никогда не использовал этот термин. Мао был совершенно ясен в своем объяснении стратегий истощения и уничтожения, объясняя их связь следующим образом: «Начнем с того, что мы можем сказать, что антияпонская война – это война истощения и уничтожения. Зачем? Поскольку враг все еще использует свою силу и сохраняет стратегическое превосходство и стратегическую инициативу, и поэтому, если мы не будем вести кампании и битвы, направленные на уничтожение, мы не сможем эффективно и быстро сократить его силу и сломить его превосходство и инициативу. У нас все еще есть свои слабости, и мы еще не избавились от стратегической неполноценности и пассивности. Поэтому, если мы не будем бороться с кампаниями и битвами уничтожения, мы не сможем выиграть время, чтобы улучшить наше внутреннее и международное положение и изменить нашу неблагоприятную позицию. Следовательно,

кампании уничтожения являются средством достижения цели стратегического [истощения]. В этом смысле война уничтожения – это война истощения. Главным образом, используя метод [истощения] путем уничтожения, Китай может вести затяжную войну» [2].

ОБЩАЯ ОЦЕНКА МАО КАК СТРАТЕГА

Затянувшаяся стратегия народной войны Мао оказалась эффективной не только для того, чтобы помочь китайским коммунистам победить японцев, но и в конечном итоге захватить власть в Китае, победив президента Чан Кайши (1887-1975 гг.) и возглавляемую им партию Гоминьдан. Это была стратегия, которую также можно было экспортировать во многие другие коммунистические революционные движения. История революционного движения в XX столетии показала правоту многих стратегических идей Мао, популярность которого была высока даже среди сытого европейского студенчества в 60-е годы [6].

Мао не только разработал блестящую гибридную стратегию, объединяющую три стратегии подрывной деятельности, истощения и уничтожения, в единую и затяжную народную войну, но также продемонстрировал, как эти стратегии могут быть использованы в совокупности с действиями регулярной армии.

Мао находился у власти до самой смерти, последовавшей 9 сентября 1976 года. Несмотря на недостатки Мао как политического лидера, Мао был выдающимся стратегом, возможно, даже лучшим в истории XX века. В 1947 году американцы покинули Китай, избавив страну от чужеземного присутствия. К началу декабря 1948 года произошел распад всех крупных группировок войск Гоминьдана на материковой части страны, а генералиссимус Чан Кайши занял остров Тайвань, тем самым внося свой вклад в одну из характерных политических тенденций XX столетия – разделение единой нации и создание государственных образований с разным общественно-политическим укладом (Северный и Южный Вьетнам, Северная и Южная Корея, Восточная и Западная Германия). Церемония провозглашения КНР ознаменовала появление в мире коммунистического государства с самым многочисленным населением [14].

Политическая история Китайской Народной Республики знала много успехов и поражений, страшных преступлений и выдающихся достижений. «Культурная революция» 60-х годов стала одной из позорных страниц в истории мирового социализма, как и репрессии конца 30-х годов в СССР. Но в то время как наша страна испытывала колоссальные проблемы в годы «перестройки», которая с годами все в большей степени воспринимается как акт национального предательства,

приведший к гибели великой исторической России в форме Советского Союза, Китай в процессе реформ Дэна Сяопина начал превращаться в мощную державу. Цивилизационный потенциал КНР ныне чрезвычайно велик, ибо руководители этой страны смогли диалектически совместить лучшее из плановой экономики социализма и его социальные достижения и элементы рыночной экономики.

Жизнь и теоретическое наследие Мао продемонстрировали, что социализм – не только красивая утопия, это – объективная реальность, которую можно достигнуть разнообразными путями и воплотить в самых различных формах. В социализме как более передовой по сравнению с капитализмом общественно-экономической формации сокрыт мощный созидательный потенциал. Мечты о справедливом общественном устройстве не только имеют право на существование, но и могут быть реализованы. В этом главный урок истории социалистического Китая, вдохновленного идеями Мао.

И сама личность Мао Цзэдуна как вождя китайской революции и руководителя КНР не только не подвергается ожесточенным нападкам в современном Китае, как это происходит в нашей стране с грандиозной фигурой И.В. Сталина, но наследие его, базирующееся на синтезе традиционной китайской культуры и классического марксизма, тщательно изучается и пропагандируется, в том числе и его работы по военной стратегии, которые до наших дней сохранили свой революционный потенциал и социокультурное значение [7].

Библиографический список

1. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун и его наследники. М.: Международные отношения, 1979. 400 с.
2. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэна. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 378 с.
3. *Бутенко А.П.* Как изменялась социально-классовая природа коммунистической власти в странах Европы и Азии: Науч. докл. М.: Эпикон, 2002. 72 с.
4. *Владимиров О.Е., Рязанцев В.И.* Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М.: Политиздат, 1980. 127 с.
5. *Вяземский Ю.П.* От Кира Великого до Мао Цзэдуна. Юг и Восток в вопросах и ответах. М.: Издательство АСТ, 2015. 352 с.
6. *Галенович Ю.М.* Призрак Мао. М.: Время, 2002. 202 с.
7. *Галенович Ю.М.* Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009. 574 с.

8. *Дельнов А.А.* Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна. М.: Алгоритм, 2013. 560 с.
9. *Мао Цзэдун.* Автобиография; Стихи. М.: Рубежи XXI века, 2008. 222 с.
10. *Мао Цзэдун.* Вожди народов. XX век. Китай: Революция и строительство в Китае: Ст. и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубеж. странами, 2002. 527 с.
11. *Мао Цзэдун.* Красная книжица: [ненасытно учиться самому, неутомимо учить других]. М.: ЭКСМО-Пресс, 2017. 152 с.
12. *Мао Цзэдун.* Сборник высказываний. М.: ОЛМА-пресс, 2000. 190 с.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Том 4. М.: Издательство политической литературы, 1955. 638 с.
14. *Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В.* Красный дракон. Китай между Америкой и Россией. От Мао Цзэдуна до СИ Цзиньпина. М.: Издательство: Алгоритм, 2016. 432 с.
15. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005. 323 с.
16. *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в: сравнительный анализ. М.: Изд-во «Наука», 1983. 227 с.
17. *Федоров И.Ф., Зубаков В.Г.* Членство в КПК. Как строилась партия «идей Мао Цзэдуна». М.: Издательство политической литературы.1980. 144 с.
18. *Зенгер Х. фон.* «Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать». М.: Эксмо, 2004. 512 с.
19. *Schwartz Benjamin I.* Chinese Communism and the Rise of Mao. Harvard University Press, 2013. 269 p.

Международная экономическая безопасность в современную эпоху цивилизационного противостояния: проблема концептуализации*

ВВЕДЕНИЕ

Переживаемая человечеством современность трудно поддается доктринальному определению вследствие своей противоречивости. Ушедшее XX столетие оставило всемирной истории тяжелое наследие, которое наши современники пытаются не только осмыслить, но и извлечь из него действенные практические уроки. Каждый период всемирной истории оказывает влияние на формы общественного сознания и преобразует их в соответствии с собственными императивами, прежде всего, с «духом времени». Но, в свою очередь, и формы общественного сознания (философия, право, мораль, религия) формируют облик исторической эпохи. Именно здесь наблюдаются активнейшее диалектическое взаимодействие и взаимовлияние.

Давно отмечено, что ход времени, точнее его субъективное восприятие индивидами и социумом в целом, за последние десятки лет ускорился в сравнении с предшествующими историческими периодами. К сожалению, негативные явления социального бытия получают в наше время гораздо больше возможностей для своего бурного развития и активного распространения, нежели ранее. Деструктивные тенденции всегда проявляются с гораздо большей интенсивностью и скоростью, чем позитивные. Человек по природе своей склонен, скорее, разрушать, нежели созидать, а зло обладает для людских душ и даже целых социумов гораздо большей привлекательностью, чем добро. Это подметил еще Овидий в ставшей бессмертной формуле «Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь».

В идеале, мудрая и взвешенная политика – внутригосударственная и международная – должна предохранять общество и мир в целом от социального зла, под которым можно понимать всю совокупность угроз международной и индивидуальной безопасности. Если рассматривать политику предельно широко, то она также представляет собой форму общественного сознания, которая действенным образом воздействует на должное и сущее, наличное бытие и разнообразные модификации общественного сознания.

* Ковалев А.А. Международная экономическая безопасность в современную эпоху цивилизационного противостояния: проблема концептуализации // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – № 2. – С. 61-74.

Формы общественного сознания можно понимать как сферы духовной жизни социума, на которые важнейшее влияние оказывает экономика, то есть определенный тип хозяйственных отношений в обществе. Эти отношения исторически и определенным социокультурным образом сложились в системах производства, распределения, обмена и потребления того или иного общества, и порой существенным образом отличаются между собой. Глобализация, проводимая по единым политическим, экономическим и социокультурным стандартам, диктуемым и навязываемым США, привела к эпохе цивилизационного противостояния и активному сопротивлению, выражающемуся в самых разнообразных формах в различных странах мира.

Цивилизационное противостояние грозит перерасти ныне в полномасштабное «столкновение цивилизаций», во всеобщий конфликт цивилизационных и социокультурных типов, который будет последним в истории человечества и приведет к уничтожению всех социальных структур, а, может быть, и всей жизни на планете. Вопреки участвующим прогнозам некоторых «экспертов» как на Западе, так и у нас в России, победителей в такой войне не будет. Это актуализирует проблему комплексной безопасности и такой важнейшей ее составляющей, как международная экономическая безопасность.

Поэтому цель данной работы – осветить основные аспекты проблемы концептуализации международной экономической безопасности во времена цивилизационного противостояния. Данную цель целесообразно достигнуть решением следующих задач: 1) рассмотреть различные теоретические подходы к пониманию международной экономической безопасности; 2) выявить элементы международной экономической безопасности; 3) обозначить пути сохранения и укрепления международной экономической безопасности.

Цель и задачи исследования обуславливают его методологию, в которой преобладают методы историко-философского и культурологического анализа, а также используется компаративистский подход.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Без той или иной экономической системы не существует государства, которое является главным гарантом существования определенного экономического уклада, который нуждается в более или менее безопасном существовании. По сути, потребность в экономической безопасности можно понимать как устранение потенциальных и актуальных экономических угроз современной эпохи, которые ставят под угрозу социально-экономическую устойчивость государства и отдельных

сфер его политической и социокультурной деятельности. Работоспособная экономика – основа материального бытия любого общества. Любой психически здоровый индивид, как и здоровое общество в целом, хочет существовать относительно безбедно, быть уверенным в завтрашнем дне и иметь для этой уверенности наличные материальные предпосылки.

Ныне после исчезновения с карты планеты мировой системы социализма в большинстве стран земного шара доминирует капитализм как общественная формация и тип хозяйственных отношений. Здесь мы не будем касаться теоретических тонкостей, какие формы и стадии капитализма доминируют ныне в большинстве стран Земли – называть ли эти стадии империализмом, постиндустриальным, либо информационным обществом или же как-то по-иному. Даже в социалистических государствах существуют ныне смешанные формы экономики, так же как на протяжении истории капиталистических стран политики вводили в их экономики социалистические методы хозяйствования – например, Ф.Д. Рузвельт во время Нового курса в 30-е годы XX века фактически спас экономику США действенным использованием опыта и элементов экономики социализма. Современный Китай за тридцать лет эффективных реформ достиг впечатляющих результатов, творчески развил все преимущества социализма и использовал элементы рыночной экономики для создания мощной экономической системы, обладающей большим запасом прочности.

Ведь экономика в марксизме, который долгое время был в нашей стране на положении почти светской религии, рассматривается как базис любого общества, оказывающий непосредственное влияние на все формы общественного сознания. Но если подходить к проблеме диалектически, то необходимо принимать в расчет и воздействие на экономический базис самих надстроечных сфер. В истории случалось, что именно методами и средствами политики, входящей, как учит классический марксизм, в область надстроечных явлений, коренным образом изменяется суть самой экономики. Это может привести не только к позитивным (как в случае с Новым курсом Рузвельта или реформами Дэна Сяопина), но и к печальным последствиям. Например, политика «ускорения» и «перестройки» во времена М.С. Горбачева (1985-1991 гг.) имела своим трагическим результатом уничтожение социалистической плановой экономики и распад Советского Союза как исторической государственной формы великой России.

Поэтому не следует автоматически идти по пути марксистского экономического детерминизма, ибо жизнь богаче наших представлений о ней. Однако не стоит забывать о ведущей роли экономических факторов

в функционировании любого современного государства. Разумеется, трудно переоценить судьбоносное влияние экономических процессов на уровень целостной безопасности любой страны, прежде всего, безопасности военной.

Война, будучи величайшим бедствием для втянутых в нее народов, часто является катализатором науки и технического прогресса. Начиная с античности, именно войны двигали экономику вперед, а в ушедшем XX столетии для Соединённых Штатов Америки две страшные мировые войны послужили толчком для невиданного экономического роста и процветания. Военные разработки и финансирование наукоемких отраслей промышленности дали толчок для развития многих отраслей американской экономики. Но даже эта богатейшая страна столкнулась с проблемами, которые актуализировали необходимость комплексного применения разнообразных концепций экономической безопасности и решения на их теоретической основе самых разнообразных возникающих вопросов.

Экономика была, есть и будет. Она началась с первыми процессами продуктового и товарного обмена и исчезнет лишь тогда, когда вымрет или самоуничтожится человечество. Но любая экономика — слепок общества. И кризис экономики любой страны, в том числе и самых развитых государств, невозможно рассматривать вне структурного кризиса общества, являющегося частью мирового экономического кризиса, который поразил планету осенью 2008 года и развивается ныне вглубь и вширь государственных и общественных организмов. Поэтому столь актуальной в современных условиях цивилизационного противостояния становится проблема экономической безопасности, которая напрямую связана с проблемой государственного суверенитета.

Отметим, что в своих предыдущих работах автор отмечал, что противостояние цивилизаций является следствием всей предшествующей мировой истории, но все же главным образом – событий последних 25 лет, прошедших после распада Советского Союза, то есть глобализационных процессов. Мы определяли противостояние цивилизаций как войну нового типа за грядущую социальную эволюцию человечества и подчеркивали, что «эта война идет в «теплой», прежде всего в идеологической, форме между главнейшими цивилизациями современности и определяет геополитическую реальность переживаемой человечеством эпохи» [5]. Столкновение цивилизаций в форме глобального военного конфликта следует предотвратить любыми средствами, прежде всего созданием действенной и работающей системы международной безопасности.

Подчеркнем, что в новой форме возрождается понятие идеологической борьбы, все чаще понимаемой ныне как информационная война, призванная деморализовать возможного противника, сломать его дух, этические и аксиологические основы личности и морально-ценностные основания социума. Такая война ведется и на экономическом направлении.

Во многих отношениях современная экономика – экономика настроений, то есть перспективы её развития в весьма значительной степени определяются потребительскими ожиданиями населения (то, как население оценивает изменения экономической ситуации в стране, в личном материальном положении, а также благоприятность условий для крупных покупок). В научной литературе существует даже специальный термин «поведенческая экономика» [1], целый ряд экономистов мирового уровня получили Нобелевские премии за работы в данной области. Должным образом направленная информация воздействует на психологию личности и социума, что влияет на принятие экономических решений.

Экономика и политика связаны теснейшим образом, и проблемы экономической безопасности решаются, прежде всего, политическими методами. Разумеется, концепция экономической безопасности в мировой науке пока не имеет единого общепризнанного статуса, ибо чрезвычайно велико многообразие подходов, которое не могла истребить даже глобализация последних десятилетий, оказывающая намеренно нивелирующее действие на саму идею плюральности. При множестве порой несовместимых методологических подходов, существующих на сегодняшний день, основные мероприятия по экономической безопасности разрабатываются в разных странах и обладают зачастую ярко выраженной социокультурной спецификой. Эти мероприятия исходят из понимания сущности и конкретных составляющих национальной экономической безопасности: Франции, Германии, Японии и других стран. Велика роль и культурных традиций. Например, Япония – азиатская страна, волею исторических судеб оказавшаяся втянутой в орбиту экономики Западного мира, отнюдь не до конца утратила собственный колорит, сложившийся за столетия сложной и противоречивой истории этой страны.

Само понятие **экономическая безопасность** лежит в некоей пограничной области между политологией, экономической наукой и теорией международных отношений. Разумеется, основой для разработки государственных программных документов становятся подходы, которые доминируют в определенной стране, что неизбежно сообщает им национальный и социокультурный колорит.

Глобализация как явление мировой экономики оказывает влияние на все формы общественного сознания. Но сами законы экономики приносятся в жертву сиюминутным политическим интересам — как в мире в целом, так и в России в частности. Рано или поздно это обернется целым спектром негативных факторов. Даже адепты глобализации — такие, как Ричард Куглер, озабочены теми проблемами для безопасности человечества, что принесла с собой глобализация.

Этот ученый пишет в статье «Национальная безопасность в условиях глобализации хаотического мира: действия США и Европы»: «Еще совсем недавно глобализацию называли стимулом роста благосостояния людей во всем мире. Аналогичным образом считалось, что значение национальной безопасности снижается, что, якобы, являлось естественным следствием ситуации, в которой мир на автопилоте движется к всеобщей демократии и миру. Трагические события 11 сентября 2001 года и их последствия превратили эту идиллическую картину в дым [...] Глобализация внесла свой косвенный вклад в сегодняшние проблемы и ощущение усиливающегося беспокойства о будущем. Вне всякого сомнения, глобализация набрала силу как неизбежная тенденция информационного века. Однако одновременно она потеряла свой привлекательный имидж проводника мира и прогресса» [3, с. 639].

Отметим, что в западной научной литературе термин экономическая безопасность страны не особо популярен, так как считается понятием неопределенным. Разумеется, во многом это — теоретические тонкости и следствие сугубо научных дискуссий, но это понятие отличается относительной новизной как для развитых западных государств, и для стран бывшего социалистического блока. Понятие национальная экономическая безопасность — равно как и международная экономическая безопасность — получили распространение в западной литературе в середине 80-х годов XX столетия [7].

Незадолго до окончания холодной войны, в 1984-1985 годах по заданию Генерального секретаря ООН была создана экспертная группа, которая провела ряд исследований по разработке всеобъемлющей концепции безопасности, в том числе и ее экономических аспектов. В целом, комплексная безопасность отражает растущую взаимозависимость целого ряда экономических, политических, военных, социальных и технических факторов.

В целом, эпоха цивилизационного противостояния во многом напоминает времена холодной войны. Главное отличие заключается в том, что во времена холодной войны речь шла о противоборстве двух общественно-политических систем, а сейчас ситуация намного сложнее.

От мира социализма остались, по сути, лишь КНР и КНДР. Если Китай выступает в роли державы, сумевшей раскрыть в полной мере все преимущества социалистической общественно-экономической формации, то Северная Корея в полной мере использует лишь методы казарменного социализма.

Современную Россию, увы, нельзя сравнить ни по ее мощи, ни по силе цивилизационного воздействия на весь мир с той великой исторической Россией, которая существовала в форме Советского Союза. С формационной точки зрения современная Россия относится к миру капитализма, но цивилизационным образом противостоит ценностям либеральной демократии и Западному миру в целом. Все эти обстоятельства не могут не воздействовать на проблемы международной экономической безопасности.

Международная экономическая безопасность – с одной стороны, выступает системным качеством, не сводимым к составляющим ее структурным элементам. Целое представляет собой всегда нечто иное, нежели простая сумма составных частей. С другой стороны, всеобщая безопасность в экономической сфере складывается из совокупностей положения дел в экономиках отдельных стран.

Экономическая безопасность любой страны может рассматриваться с разных позиций. Во-первых, как условие реализации правительством намеченных целей в области экономической политики и как условие стабильности экономического развития. Во-вторых, как совокупность проблем конкурентоспособности и доступа к рынкам сырья и сбыта. Большинство войн современной эпохи своими причинами имели проблемы нехватки сырья и узость рынков сбыта. В-третьих, экономическое измерение проблемы международной безопасности страны связано с борьбой с различными нелегальными видами экономической деятельности, то есть уклонением от налогов, контрабандой наркотических веществ, отмыванием криминальных денег.

Ученые провели анализ более двух десятков основных определений понятия национальная экономическая безопасность, которое встречается в трудах экономистов бывших советских республик (Эстония, Белоруссия, Литва), а также дефиниций из официальных документов бывших стран социалистического содружества (Чехия, Венгрия, Румыния, Польша). Были также изучены более десяти определений, которые сформулировали ученые развитых стран (США, Германия, Франция, Испания Канада, Япония и другие страны).

Было выявлено, что в каждой группе стран наблюдается преобладание собственных методологических подходов. Интересно, что в бывших советских республиках большинство определений

национальной экономической безопасности сформулировано с использованием понятия «интересы», а в странах бывшего социалистического блока в формулировке национальной экономической безопасности ключевым выступает понятие «международная безопасность». В развитых же капиталистических странах такого рода безопасность определяется через понятие «устойчивость». Неслучайно концепция «устойчивого развития» (sustainable development) зародилась в развитых капиталистических странах в 70-е годы в разгар холодной войны – как идеологическое противодействие социалистической идее, которая обнаруживала все большую популярность на фоне перманентных экономических кризисов капиталистического мира. Беда в том, что это самое «устойчивое развитие» планировалось во многом осуществлять и обеспечивать за счет слаборазвитых стран, на которые систематически и целенаправленно оказывалось давление по всем направлениям.

Примат политики над экономикой, а государства над обществом является ведущей чертой не только российской истории, но и многих других стран. Эта черта так и не канула в Лету. Но ведь в экономике имеются определенные пропорции и свои законы, а деньги – отнюдь не просто цветные бумажки, но производная экономических законов, пренебрежение которыми может дорого стоить. События недавней истории нашей страны доказывают это. Видимо, и бурное развитие кризиса 2008 года, который выходит ныне на новые витки развития, является результатом пренебрежения законами экономики. Именно незатухающий глобальный системный кризис актуализует развитие мер по международной экономической безопасности.

Исследователи различных научных школ и направлений изучают разнообразный спектр вопросов международной экономической безопасности. Совершенно очевидно, что развитие глобализации и насаждение реалий однополярного мира привело к обострению проблем международной экономической безопасности. Процессы глобализации способствовали возникновению кризисных явлений на международном, национальном и региональном уровнях. Насилие всегда порождает насилие, а грубое, совершенное не учитывающее социальные и политические реалии вторжение США в экономические интересы других государств и навязывание собственных приоритетов и социально-экономических клише отнюдь не способствует укреплению экономической безопасности.

Страны мира стали не только взаимозависимыми, это – одна сторона медали. Проблема в том, что большинство стран стали зависимы от экономики Соединенных Штатов Америки, ставшей за последние двадцать лет единственной сверхдержавой. Поэтому дальнейшее

развитие в мире интеграционных процессов ведет к сближению национальной экономической безопасности конкретных стран с международной экономической безопасностью.

Можно выделить следующие **элементы международной экономической безопасности**, ставшие наиболее актуальными и судьбоносными в последнее время для отдельно взятых государств:

1) необходимость обеспечения суверенитета национальных государств над своими природными ресурсами и всем производственным и экономическим потенциалом;

2) стремление к отсутствию исключительной приоритетности в экономическом развитии отдельных стран или цивилизационных союзов. Это чрезвычайно сложно осуществить в современных условиях, но к этому нужно стремиться;

3) необходимость ответственности даже самых развитых в экономическом отношении государств перед мировым сообществом за последствия осуществляемой ими экономической политики;

4) принятие в расчет при проведении политики экономической безопасности глобальных проблем человечества;

5) стремление к свободному выбору экономической парадигмы и реализации каждой страной собственной стратегии политического и социально-экономического развития;

6) осуществление взаимовыгодного сотрудничества всех стран мирового сообщества и исключительно мирное урегулирование экономических проблем.

Разумеется, вышеперечисленные принципы являют собой некий идеал должного в противоречивой реальности сущего. Но их реализация и превращение в подлинно сущее может действительно способствовать не только мировой экономической безопасности, но и повышению всеобщей экономической эффективности и увеличению роста мировой экономики.

Проблема международной экономической безопасности будет актуальной всегда. Существующий на сегодняшний день международный экономический порядок начал складываться после Второй мировой войны и претерпел самые существенные изменения после распада Советского Союза. Ныне такой экономический миропорядок представляет собой противоречивую систему отношений хозяйствующих международных субъектов. Эта система всегда формируется в зависимости от ведущих идей, убеждений и господствующих в данный исторический период теорий. Например, согласно классическому пониманию постиндустриального общества как современной модификации капитализма [3],[4],[6], именно научные разработки становятся главной движущей силой мировой экономики.

Человеческий интеллект превращается в базу для индустрии знаний, а знания способствуют развитию производительных сил. Более того, сам интеллект становится производительной силой, и безопасность интеллекта и созданной этим интеллектом собственности становится основой экономической безопасности. В таком обществе наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм и креативность работника. До недавнего времени этот лозунг был ведущим для понимания сути постиндустриального общества и проблем его безопасности. Именно так было в Евросоюзе и США вплоть до 2008 года, когда кризис охватил все сферы общественной жизни и даже профессионалы высокого класса оказались ненужными. Это вызвало целый ряд проблем, связанных с экономической безопасностью.

Для существующей мировой экономической системы жизненно важно соотношение сил между ведущими акторами на международной арене. Видимо, в современную эпоху цивилизационного противостояния человечеству предстоит изменение всей системы международных отношений, расстановки сил и мирового порядка. Метаморфозы затронут политику, дипломатию, международное сотрудничество, в том числе ООН и ведущие международные организации. Организация Объединенных Наций, видимо, не раскрыла всего своего потенциала в деле создания системы международной экономической безопасности. Предпринимается многое, но большинство проектов так и остаются в форме благих намерений и не находят реального воплощения. За годы своего существования ООН не раз удавалась комплексная миротворческая деятельность, включавшая в себя и мероприятия по экономической безопасности отдельных стран.

Видимо, будет изменена вся международная управленческая система экономическими процессами, если сложится новое соотношение сил и возникнут новые зоны геополитического влияния. Если разделение стран будет еще более глубоким, а Китай и Россия в недалеком будущем будут являть мощные экономические и военные образования, тогда либеральным мечтам о «конце истории» и наступлению торжества Запада над другими цивилизационными образованиями не суждено будет осуществиться.

Разумеется, проблема мировой экономической безопасности теснейшим образом связана со стабильностью всей мировой экономической системы. В условиях проводимой под эгидой США глобализации усиливается угроза всеобщей дестабилизации мирового хозяйства и опасности хаотизации. Не может весь мир быть «завязан» на экономику одной страны. Может произойти новый экономический крах, от которого человечество уже не оправится, ибо возникнет соблазн

решить все проблемы текущего и наступающего грядущего кризиса в пламени последней войны. Даже текущий глобальный кризис явственно показал это.

В дестабилизации общей мировой экономической ситуации довольно печальную роль сыграла деятельность транснациональных корпораций и связанное с этой деятельностью возникновение глобальных рынков, не подконтрольных национальным правительствам. Соединенные Штаты осуществляют через ТНК свой диктат не только в Азии, но и в странах Европейского союза. Поэтому в современную эпоху многие государства принимают действенные меры, призванные установить эффективный совместный контроль над мировой торговой и финансовой системами – как на двустороннем, так и на многостороннем уровне.

Торговля – важнейшая составляющая любой экономической системы. В идеале, на международном уровне стабильность международной торговой системы призвана гарантировать и обеспечивать Всемирная торговая организация, которая поддерживает и развивает единый кодекс правовых норм, распространяющихся на сферу международного обмена товарами, услугами и предметами интеллектуальной собственности.

Деятельность Всемирной торговой организации, включающей на сегодняшний момент 162 страны и созданной 1 января 1995 года для либерализации международной торговли, направлена, как заявлено в уставных документах организации, на обеспечение справедливой конкуренции на мировом рынке и создание благоприятных условий для международного обмена товарами и услугами. Разумеется, либерализация международной торговли осуществляется, прежде всего, в интересах ведущих капиталистических стран, да и сам этот процесс возглавляют промышленно развитые страны, которые извлекают из нее наибольшие выгоды.

ВТО, штаб-квартира которой расположена в Женеве, была образована на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле. Это соглашение было заключено в 1947 году. В течение почти 50 лет оно фактически играло роль и выполняло обязанности международной организации, но не было ею в строгом юридическом смысле, хотя осуществляло все многообразие функций, в том числе и относящихся к вопросам экономической безопасности.

Ведущие страны, играющие в ВТО первую скрипку, в выработке международных норм торговой политики последовательно исходят из своих интересов, а вовсе не из каких-то филантропических намерений, о которых любят рассуждать политологи. Богатые становятся богаче, а

бедные беднее – вот главная цель ВТО как на международном, так и индивидуальном уровне. Сама по себе свободная торговля не делает счастливее и обеспеченнее жизнь большинства людей земного шара, хотя сотни профессиональных зазывал стараются убедить в обратном миллионы людей. И когда терпение людей заканчивается, то возможна взрывоопасная социальная ситуация.

Если ведущим странам, входящим в ВТО, невыгодно либерализовать рынок какой-либо, например, трудоемкой продукции, они это не делают. Договоры Всемирной торговой организации часто обвиняли в частичном несправедливом приоритете транснациональным корпорациям и богатым странам. Все это отнюдь не способствует реализации идеи социальной справедливости и социального мира. А ведь именно социальный мир – залог всеобщей безопасности. Увы, в реальности – если развитым странам выгодно обеспечить проникновение продукции своей обрабатывающей отрасли на рынки третьих стран и облегчить торговлю между собой, то они непременно добиваются устранения барьеров в этой области. Ведущие страны Западной цивилизации имеют возможность направлять развитие норм ВТО в выгодное для себя русло благодаря доминирующему положению в мировой экономике и политике.

Определенный вклад в дело обеспечения экономической безопасности в плане борьбы с экономическими преступлениями вносит такая организация, как Интерпол (существует в 1956 года). Интерпол, в который входят 192 государства, является второй по количеству стран международной межправительственной организацией после ООН. Одной из задач этой организации является борьба с преступлениями в сфере высоких технологий, незаконным оборотом наркотиков, организованными преступными сообществами. Исключительно для Европы схожие задачи выполняет Европол (полицейская служба Европейского Союза), а борьбой с контрабандой наркотиков на американском континенте занимается Америкпол (Американское полицейское сообщество).

Существует также специальная межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в области противодействия отмыванию преступных доходов и борьбой с финансированием терроризма – Financial Action Task Force on Money Laundering (ФАТФ, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Эта организация существует с 1989 года и объединяет усилия 36 стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Существует большое количество подходов к рассмотрению проблемы экономической безопасности, причем в каждой группе стран наблюдается преобладание собственных методологических подходов. Эти подходы зависят, в том числе, и от цивилизационных особенностей, так и от исторического пути, который прошла та или иная страна.

Международная экономическая безопасность – с одной стороны, выступает системным качеством, не сводимым к составляющим ее структурным элементам. Экономическая безопасность любой страны может рассматриваться с разных позиций. Если рассматривать экономическую безопасность в контексте мировой политики и международных отношений, то она представляет собой способность национального государства следовать выбранной им политике развития национальной экономики. Исторически такие нации, как русская или американская, получали доступ к новым ресурсам и увеличивали торговлю через развитие экономики завоеванных или присоединенных территорий. В современной сложной системе международной экономики, характеризующейся огромным числом многонациональных соглашений, взаимозависимостью и интенсивным использованием природных ресурсов, доходящим вплоть до их истощения и исчезновения, экономическая безопасность, в том числе и продовольственная, формируется как важнейшая часть национальной безопасности – такая же важная, как военная политика.

Неслучайно экономическая безопасность была предложена в качестве ключевого фактора международных отношений, особенно в геополитике нефти в американской внешней политике именно после 11 сентября 2001 года. Именно тогда стала очевидной вся хрупкость либерального мира, для которого стараниями же его лидеров и адептов вместо социалистического лагеря был придуман и создан новый враг – международный терроризм. Именно борьба с этим врагом представляется на сегодняшний день для Западной цивилизации безнадежным делом, несмотря на наличие таких организаций, как ООН, Интерпол, ФАТФ. Ведь террористические организации во многом являются результатом международно-политической деятельности самого либерального мира, самой Западной цивилизации.

На наш взгляд, международная экономическая безопасность в чисто прагматическом рассмотрении представляет собой состояние мировой экономики, при котором осуществляется высокий и устойчивый рост экономических показателей и эффективное удовлетворение не только потребностей ведущих государств и их граждан, но экзистенциальные надежды и экономические интересы народов

развивающихся стран. Достижение и сохранение состояния экономической безопасности может действительно способствовать снижению остроты цивилизационного противостояния в современную эпоху.

Библиографический список

1. *Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 296 с.
2. *Бэлл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 949 с.
3. Геополитика. Антология. М.: Академический Проект, Культура, 2006. 1008 с.
4. *Кагарлицкий Б.Ю.* Политология революции. М.: Алгоритм, 2007. 576 с.
5. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: Монография. СПб.: Коновалов А.М., 2016. 193 с.
6. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 781 с.
7. Western unity and the transatlantic security challenge / by Peter van Ham a. Richard L. Kugler. Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall Europ. center for security studies, 2002.-V, 54 p.

Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления*

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия все более актуальной становится проблема сохранения целостного мира на нашей планете, обуреваемой различными политическими, социальными и геополитическими противоречиями. Мир после исчезновения с его политической карты социалистических государств стал однополярным, а это привело к обострению существующих и возникновению новых проблем и

* Ковалев А.А. Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления // Управленческое консультирование. – 2019. – №8. – С. 100-115.

позволило с полным правом говорить об эпохе обострения цивилизационных конфликтов и противостояния цивилизаций на новом качественном уровне.

Угроза новой мировой войны, которая будет фатальной для цивилизации в целом и последней в истории человечества, актуализирует теоретические исследования войны и мира не только как политологических, но и как философских и социокультурных концептов. В настоящей работе будет сделана попытка исследовать мир и мирное существование как базисные понятия всей человеческой истории и цивилизации. Достижение заявленной цели целесообразно достичь последовательным решением следующих задач: 1) осуществить философско-лингвистический анализ понятий «мир» и «мирное существование»; 2) рассмотреть проблему мирного существования в логико-историческом аспекте; 3) изучить праксиологический аспект проблемы, конкретные способы достижения мира; 4) рассмотреть суть и основания социального мира; 5) затронуть роль религий и религиозных конфессий для мирного существования.

Цель и задачи исследования определяют его **методологию**, в которой доминируют методы историко-философского, культурологического и лингвистического анализа и компаративистский подход.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Обратимся, прежде всего, к **философско-лингвистическому анализу** интересующего нас понятия. Слово *мир* в большинстве европейских языков обычно означает отсутствие локального беспокойства или глобального бедствия и, в особенности, войны. Мир – это результат особой добродетели миролюбия и связанных с этим мирных усилий людей. Мир – порой целительное состояние молчания или покоя между отдельными людьми и сообществами. Великий испанец Мигель де Сервантес говорил: «Мир – высшее благо, какого люди жаждут в этой жизни» [8, с. 696].

Лишь в современном русском языке слово *мир* как мирное существование является омонимом для слова *мир* как вселенная, среда обитания человека. Во всех европейских языках такой омонимии не наблюдается. Немецкое *der Frieden* происходит от древненемецкого слова *fridu* – *защита, дружба*, а английское *peace* и французское *la paix* происходят от латинского слова *pacis*, означающее *мир, соглашение, мирный договор, спокойствие, отсутствие враждебности, гармония*. Английское слово *peace*, равно как и его континентальные аналоги, вошло в употребление в различных личных приветствиях (наподобие «Мир Вам, Мир Вашему дому») приблизительно с 1300 года. Здесь также

подчеркивается значимость мира для индивидуального и общественного бытия [11].

Важность прочного мира и губительность войны для нормальной жизни людей подчеркивается многими русскими пословицами и поговорками, в которых выражается мудрость народа и которые с полным правом можно считать формами предфилософии, которые напоминают изречения, дошедшие до нас от легендарных семи мудрецов античности. Вспомним некоторые из мыслей русской сокровищницы народного любомудрия: «Дело мира правдою сильно» и «Война кровь любит». «Надейся на мир, а гляди в оба» и «Кто сеет мир, пожинает счастье». При всей внешней наивности и незатейливости этих высказываний в них заключен глубокий мировоззренческий и этический смысл.

Термином *мир* в современном языковом употреблении обозначают общее состояние между людьми, социальными группами или государствами, в которых объективно существующие конфликты разрешаются без применения насилия и в соответствии с юридически определенными нормами. Сам термин относится к современной теории государства и права и применяется в характеристике таких отношений между народами и государствами, которые исключает войну как средство принуждения в мировой политике. Еще Цицерон во времена Юлия Цезаря говорил: «Нужно сделать все, чтобы не допустить вооруженной борьбы» [8, с. 796].

Понятие *мир* понимают многосторонне и многоаспектно вследствие широты самого явления. Например, на языке немецкоязычных адвокатов понятие *мир* (*Frieden*) используется также в связи с внутренними конфликтами (нарушение гражданского мира), нарушением трудового законодательства и в связи с защитой частной собственности.

На языке психологии и в теологии есть термины *душевное равновесие*, *душевный мир*, а его английский аналог (*soulpeace*) использует понятие *мир*. В душе человека должен царить мир, иначе будет нарушена необходимая гармония. Если человек – микрокосм, слепок мироздания, а интеллект его способен объять реальные миры и создать воображаемые, тогда мир в душе отдельного человека с точки зрения философской антропологии и психологии не менее важен, чем мир на планете и макрокосм в целом.

В европейских языках слово *мир* имеет три основных значения: 1) оно описывает состояние внутреннего или межправительственного сосуществования в мире и безопасности; 2) состояние гармонии и мира; 3) в религиозном смысле как безопасность в Боге. В европейских языках

много аналогов русской поговорки «Худой мир лучше доброй ссоры», что свидетельствует об осознании важности мирного существования для нормального социального бытия. Еще римляне говорили: «Melior tutiorque est certa pax, quam sperata Victoria» (Лучше и надежней верный мир, чем ожидаемая победа), а в современном немецком языке есть известная поговорка «Besser Friede bei Brot und Salz, denn Streit bei Braten und Schmalz» (Лучше жить в мире при хлебе и соли, чем ссориться, имея жаркое и сало). Англичане почти дословно вторят русским, когда говорят: «Better a lean peace than a fat victory» (Лучше тощий мир, чем жирная победа).

Поэтому чаще всего термин *мир* означает отсутствие насилия или войны. В этом смысле мир между национальными государствами, религиями и народами и мир внутри самих государств понимается как цель многих людей и различных международных организаций, особенно Организации Объединенных Наций.

Мир может быть добровольным, когда потенциальные воюющие стороны решают отказаться от войны и действий, нарушающих мир. Мир может быть принуждающей мерой по отношению к поджигателям войны. И хотя само понятие *принуждение к миру* внутренне противоречиво, оно все чаще используется в современном международном праве.

Между понятиями *мир* и *свобода* можно провести параллель. Как и свобода, *мир* может быть понят как мирное существование, как *защита от негативных факторов*, так и в положительном аспекте – *мир для создания чего-то позитивного и ценного*. В различных научных дискуссиях акцентируется внимание на различии между узким определением мира (*мир как состояние защищенности от негативных факторов*), которое включает в себя отсутствие конфликта, и более широкой концепцией мира (*положительный мир*). Последнее понимание, помимо отсутствия военного насилия, называемого норвежским социологом Йоханом Гальтунгом «прямым насилием» [13], также включает в себя отсутствие культурного и структурного насилия. Гальтунг под «структурным насилием» понимает намеренное создание социальными институтами таких условий, при которых люди не смогут даже удовлетворить свои основные потребности. Об этом он писал еще в 1969 году в статье «Насилие, мир и исследование мира» [14]. Ведь проводимая по американским рецептам глобализация может быть понята как насильственная унификация человечества согласно довольно примитивным социокультурным стандартам.

Согласно этому пониманию, *мир* также означает отсутствие культуры, основанной на насилии и отсутствие репрессивных или эксплуататорских структур. Многие социальные болезни начинаются с

индивидуального нездоровья. А когда деятели культуры пестуют и пропагандируют благость насилия для разрешения любой экзистенциальной ситуации, тогда индивидуальная психическая хворь становится социальной нормой. Безумие порождает безумие, и психическое здоровье воспринимается как болезнь в обществе, ориентированном на насилие.

Структурный мир был бы реальным воплощением утопии социального сосуществования во всеобщей гармонии, но в реальности он недостижим. История человечества показывает, что все попытки осуществить в жизнь красивые утопические идеалы заканчивались реками крови. Как говорил историк Томас Карлейль (1795-1881 гг.), «всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются ее плодами отпетые негодяи». Истину этого афористичного замечания подтвердила как история Английской революции середины XVII века, так и, в особенности, кровавые события Французской буржуазной революции 1789-1799 гг. и события истории России XX века, которая дважды в течение столетия пережила судьбоносные революционные изменения, отнюдь не способствовавшие как социальному миру, так и миру в человеческих душах.

Но можно попытаться разрешать международные конфликты с сочувствием к взглядам оппонентов и с готовностью сопереживать другим людям и их менталитету, руководствуясь принципами ненасилия. Видимо, ученым самых разных направлений предстоит обстоятельно изучить причины конфликтного поведения, а политикам, помимо коммуникативной мирной работы, следует признать важность юридического общения в рамках международного права. Ведь жизнь богаче наших представлений о ней.

Право статично и не всегда адекватно выражает все многообразие происходящих изменений. Поэтому современная эпоха цивилизационного противостояния требует таких политиков, которые могут быть профессиональными законодателями и адекватно решать проблемы, связанные с мирным существованием. Международное право важно уже самим фактом своего существования, хотя великий Эйнштейн и шутил, что международные законы существуют только в сборниках международных законов.

Устав ООН, принятый 26 июня 1945 года в Сан-Франциско (США), стал фундаментальным международным документом современной эпохи, назвавшим мир высшей ценностью. Так, преамбула Устава содержит заявление народов Объединенных Наций о «решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, о намерении в этих целях

проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, объединить силы для поддержания международного мира и безопасности...». Согласно статье 1 Устава, поддержание международного мира и безопасности является главной целью Организации. Для его реализации поставлены задачи по реализации коллективных мер по предотвращению и устранению угрозы миру; пресечение актов агрессии или других нарушений мира; осуществление политики мирным путем; развитие дружественных отношений между народами, а также другие меры по укреплению всеобщего мира.

Декларация о воспитании народов в духе мира от 15 декабря 1978 года подчеркивает, что мир является самой высокой ценностью. В ней содержится понимание того, что мир между народами является важнейшей ценностью человечества, которая ценится всеми политическими, социальными и религиозными движениями. На основе этого положения Декларация руководствуется высокой целью обеспечения народов условиями для сосуществования и сотрудничества в атмосфере мира, взаимного доверия и взаимопонимания. В документе подчеркивается о том, что необходимо реализовать идею поддержания мира.

Мысль о всеобщем мире как основе признания достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав, наряду со свободой и справедливостью, содержится практически во всех основополагающих международно-правовых документах, посвященных правам и свободам человека. Всеобщая декларация прав человека говорит о том, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Эта же идея повторяется в Международном пакте ООН о гражданских и политических правах 1966 года. В преамбуле к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года подчеркивается, что приверженность этим правам и свободам является основой справедливости и мира во всем мире.

Многие международные документы, посвященные правам и свободам человека, содержат конкретные нормы, касающиеся определенных аспектов сохранения, поддержания и защиты мира. Международный пакт ООН о гражданских и политических правах запрещает любую пропаганду войны. Выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, которая является подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию, должна быть запрещена законом. Международные акты признают только право на мирные собрания.

Мир определен как высшая ценность в итоговых документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В Заключительном акте СБСЕ отмечается, что государства-участники в качестве приоритетных целей развития ставят вопросы обеспечения условий, в которых народы могут жить в состоянии подлинного и прочного мира, будучи ограждены от любой угрозы или покушения на их безопасность; признают необходимость для каждого из них вносить свой вклад в укрепление международного мира и безопасности.

Ведущее место в системе источников права занимают международно-правовые документы, большинство из которых представляют собой международные договоры. Некоторые из них носят общий характер, то есть они призваны для решения сложных комплексных проблем мира. Другие же стремятся решить определенные проблемы, например: регулирование субъективного права на мир, процедуры защиты или восстановления мира, разоружение, гуманное обращение с жертвами войны, борьба с международным терроризмом и т.д.).

К международно-правовым актам общего характера следует отнести Устав ООН; Декларацию ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН; Декларацию принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях, утвержденную Заключительным актом СБСЕ 1975 г.; Декларацию о воспитании народов в духе мира; Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 года и др.

К международно-правовым актам, регулирующим конкретные вопросы права мира, принадлежат Гагская конвенция о мирном решении международных столкновений от 18 октября 1907 г.; Общий акт о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г. с поправками от 28 апреля 1949 г.; Определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г.; Декларация ООН 1984 г. о праве народов на мир; Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны; Дополнительные протоколы от 8 июня 1977 г. к Женевской конвенции 1949 г., касающиеся защиты жертв международных вооруженных конфликтов; Конвенция «О запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении»; Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.; Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г. и др.

Помимо указанных документов, существуют еще ряд механизмов способных решить проблемы мирного сосуществования. Приведем следующий пример.

Мирное сосуществование вошло в лексикон международного права вместе с Китайско-индийским соглашением «Панча шила» 1954 года, заключенным между Чжоу Эньлаем (глава Госсовета КНР) и Джавахарлалом Неру (премьер-министр Индии) и сразу же направленным на исторически давний территориальный пограничный спор между двумя соседями в гималайском регионе. Соглашение включает некоторые постулируемые общие принципы «добрососедства» высокого уровня между двумя сторонами, которые станут известны как пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. Эти принципы, возможно, уже были частью Устава ООН, либо с точки зрения, либо подразумевались в главах VI и VII Устава о мирном урегулировании. Но у правительства Чжоу Эньлая в 1954 году не было еще членства в ООН, и в равной степени возможно не было юридически связано положениями Устава ООН. Дополнительная привлекательность пяти принципов «Панча шила» заключалась в их ясности и лаконичности формулировок по сравнению с Уставом ООН, а также в недвусмысленном характере их неприятия применения силы и их приверженности мирному урегулированию. Это, возможно, помогает объяснить широкую популярность пяти принципов и их применение в последующие годы во многих общих международно-правовых актах.

Обратимся к **историко-логическому рассмотрению проблемы**. Исторически *мир* как человеческое состояние не считался нормальным. Человек – существо агрессивное, что признавалось многими великими философами. Например, Иммануил Кант считал человека злым по своей глубинной внутренней природе и говорил, что из такой кривой тесины, из которой сделан человек, невозможно сделать ничего прямого. Великий систематик Гегель, как и Кант, в своей «Философии религии» утверждает следующее: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине...» [1, с. 266].

Но чтобы добиться успеха в обществе, людям приходится общаться между собой. Ведь пребывая в полном одиночестве, человеку просто невозможно демонстрировать свое физическое и интеллектуальное превосходство. Поэтому Кант полагал, что человеческим существам от природы свойственна так называемая «необщительная общительность» (*ungesellige Geselligkeit*). С одной

стороны всем людям свойственна склонность к общению, а с другой у всех людей можно наблюдать стремление к индивидуализму. Им всем присуща «сильная склонность уединяться (изолироваться) ... желание сообразовывать все только со своим разумением» [7, с. 91]. Именно эти свойства приводят к возникновению антагонизма и конкуренции между людьми, в процессе которой происходит развитие их природных задатков, важнейшими из которых выступают их рассудок и разум.

Война как высшая форма человеческой агрессивности полагалась естественным природным явлением, а миром нужно было «пожертвовать», в него нужно было вкладывать усилия многих поколений. Необходимо было сдерживать естественную природную агрессивность, что порой приравнялось к жертвенности. Недаром историки права сравнивают германское юридическое понятие «вложение» с понятием «мирного существования».

В древнегреческой цивилизации термин *эйрен* (εἰρήνη) до V века до нашей эры обозначал статическое состояние порядка, процветания и спокойствия. Богиня Эйрена (дочь Зевса и Фемиды) как персонифицированный мир была изображена с рогом изобилия – символом богатства. Война считалась совершенно нормальным явлением в отношениях между греческими полисами, хотя речь шла фактически о братоубийственной гражданской войне. Одну из таких войн описал Гомер в бессмертной «Илиаде», когда ионийские греки воевали со своими собратьями из других полисов. Такие войны считались совершенно обыденным явлением, ибо чувства национального единства в то время еще не было. Каждый греческий полис был самостоятельным. Лишь в конце Пелопоннесской войны «эйрена» все чаще использовалась в современном смысле слова – *мир*.

Мирные договоры также назывались с того времени *эйрены*. И то, и другое обстоятельства свидетельствуют о том, что после десятилетий войны возобладало понимание того, что именно мир является желательным нормальным состоянием для индивида и общества. Уже в первой половине IV века до нашей эры возник концепт Всеобщего мира, *κοινῆεἰρήνη* (κοινῆεἰρήνη), который заключался в установлении постоянного мирного порядка на основе автономии и равных прав греческих городов-государств. Для тогдашней ойкумены это была важнейшая идея. Однако оказалось, что такой порядок в конечном итоге может быть гарантирован только сильной гегемонической властью. Разброд, царивший в многочисленных греческих полисах, сменился национальным и политическим единством. Сильная власть стала гарантом мирного бытия.

Римляне использовали в качестве понятия мира латинский термин *pax* (от *pangere* – заключать контракт), оставшийся в разных формах во всех романских языках и по сей день. Было проведено явное различие между семейным миром, межгосударственным миром и религиозным миром с богами. И лишь мир на всех трех уровнях может гарантировать спокойную и сбалансированную жизнь для человека и социума. *PaxRomana* или *PaxAugusta* римской имперской эпохи стали образцом экспансионистского мира, когда ценности римской цивилизации распространялись ее военными легионами. Прочный мир устанавливался военными средствами, и это диалектическое противоречие уже в ту эпоху вычленили философы, рассуждавшие о необходимости зла для достижения благих целей.

Августин Аврелий разработал историческую модель спасения двух параллельных царств, божественного «*Града Божьего*» (*civitasdei*) и *земного государства* (*civitasterrena*), которые должны достичь вечного мира в конце времен, то есть в завершение человеческой истории. Однако для переживаемой человечеством современности Августин перенял именно античную идею справедливой войны.

В Средние века идея военной вражды как средства обеспечения правопорядка конкурировала с различными идеалами мира: божественный мир, мир на земле и королевский мир. Марсилий Падуанский (1275-1342 гг.) развил идею «*defensorpaxis*» (защитник мира) как концепцию оборонительной войны, которую представил как самостоятельную и необходимую политическую задачу в мирное время. Основные аргументы этого мыслителя в своих основаниях дожили до нашего времени.

Одним из наиболее решительных борцов против войны и за мирное существование является гуманист Эразм Роттердамский, который в 1517 году подал миру свой и донныне звучащий голос в своем трактате «Плач мира» против безумия войны [9].

Идея мира в наше время целостно сформировалась под влиянием Вестфальского мира 1648 года, положившего конец Тридцатилетней войне, которую с полным правом можно считать первой мировой войной, если понимать под «миром» европейскую ойкумену. Гуго Гроций создал и оформил в своих трудах идею международного права в Европе, которая должна была исключить применение силы между различными конфессиями. Правовые и моральные принципы должны обладать принципиальной и, в целом, уважаемой силой, независимо от конкретных убеждений их сторонников («Право на войну и мир», 1625 год) [4].

Томас Гоббс потребовал в 1651 году в знаменитом труде «Левифан» одинакового права для всех граждан на национальном

уровне [2]. Государству необходимы соответствующие полномочия для защиты этого права от привилегий сильных (например, дворянства) и от насилия фанатиков. Основание для этого он видел в стремлении человека к безопасности, самосохранению и независимости от иностранного произвола. Этим Гоббс идеологически подготовил почву для современного централизованного государства. Опасности злоупотребления властью со стороны государства, которые Гоббс явственно видел, наиболее ярко проявились в тоталитарных эксцессах фашистского и коммунистического режимов.

В XVIII веке гениальный немецкий философ Иммануил Кант использовал категорический императив как этическое обоснование для собственного философско-политического трактата «К вечному миру», поражающего своей пророческой глубиной [6]. Именно из базисных идей этого трактата, по сути, разовьются в XX столетии основные принципы Лиги Наций и, разумеется, Организации Объединенных Наций.

После изобретения атомного оружия особенно актуальной стала идея Канта о том, что у человечества лишь два пути в будущем: либо договариваться о вечном мире, либо обрести покой на гигантском кладбище, в которое превратится планета после последней войны. П.А. Горохов пишет об этой идее Канта: «Хотя он считал, что причины войн коренятся в изначальной порочности человеческого рода, в этой работе мыслитель довольно оптимистично пропагандировал идею международного соглашения. Практическая работа по установлению мира на земле отнюдь не призрачна, поэтому своему трактату он придал форму договора, всячески подражая дипломатическим документам» [3, с. 189].

Согласно марксистской точке зрения, только рабочий класс может устранить причины войны и создать общественный порядок, международным принципом которого будет *мир*, потому что у каждой нации есть один и тот же принцип – *труд*. Таким образом, мир является необходимым следствием общественной собственности на средства производства и сопутствующих социальных условий, в то время как война также была вполне естественно связана с классовым обществом и использовалась правящими классами для консолидации и расширения своей власти. Пока будет капитализм, войны неизбежны, и нет такого преступления, которого не совершит капиталист ради прибыли. Таким образом, в классовом обществе мир был для марксиста просто паузой между войнами, которая – прежде всего в империализме – служила только для подготовки к следующей войне на пути к мировому господству не только в военном, но и в моральном, в пропагандистском, политическом и экономическом отношениях.

Пакт Бриана-Келлога от 1928 года (Парижский пакт) – первый международный договор, подвергающий остракизму агрессивную войну как средство международной политики. Нужно отказаться от войны как инструмента национальной политики – вот основная идея этого документа международного права. И в те времена она отнюдь не считалась само собой разумеющейся.

Если Первую мировую войну с ее самыми разнообразными философскими и интеллектуальными обоснованиями еще можно было пропагандистскими средствами оправдывать и поддерживать как некий всемирный проект очищения и освобождения для отдельных колониальных стран и угнетенных народов, то Вторая мировая война – наряду с нацистским Холокостом – уже неизбежно привела к потенциальной разработке и практическому испытанию атомной бомбы (Хиросима и Нагасаки), которое с военной точки зрения было абсолютно бессмысленным. Мечты о мире обернулись жуткими грезами о саморазрушении человечества в ядерной войне. Все это не могло не воздействовать – причем радикальным образом – на умы интеллектуалов и на массовое сознание.

Таким образом, война как «отец всего» (по мысли Гераклита) в истории XX века, наконец, оказалась угрозой для всей человеческой цивилизации. Гераклит и последующие мыслители вплоть до середины XX века еще могли рассуждать о стимулирующей роли войны для развития человеческой цивилизации и качества самой жизни. После изобретения ядерного оружия такие рассуждения стали бессмысленными, хотя споры о возможности применения ядерного оружия все еще продолжают политиками-авантюристами и безответственными учеными. Сегодня человечество, скорее, должно задуматься над правотой слов Виктора Гюго из его романа «Отверженные»: «Мир – добродетель цивилизации, война – ее преступление» [5, с. 395].

Хотя и сегодня многие политики в глобализирующемся мире вспоминают Г.В.Ф. Гегеля, который часто признавал благость войны. Например, в труде «О научных способах исследования естественного права» мыслитель так оценивает войну: «...для восстановления нравственного здоровья нет более сильного целебного средства, чем война, которая до корня потрясает положение вещей, не исключая и самой жизни, и обнаруживает мелочи жизни в их истинном свете» [10, с. 211]. В этой же работе читаем: «Война (так как в ней заключается свободная возможность уничтожения не только отдельных частных, но и самостоятельности их, как жизни, и притом уничтожения даже самого абсолютного или народа) поддерживает нравственное здоровье народов в индифференции против частных

определенностей и против привыкания и окостенения, как ветер предохраняет озера от загнивания, которое могло бы явиться в них от продолжительного затишья, а среди народов от продолжительного или даже “вечного” мира» [10, с. 213-214].

Гегель часто увлекался абстрактным теоретизированием, поэтому не стоит автоматически зачислять его в практики человеконенавистничества. Мыслитель, в целом, отмечал, что война часто необходима для защиты суверенитета государств и порой выступает средством сохранения нравственного здоровья граждан, ибо лишь благодаря войне отдельная человеческая жизнь способна подняться до высокого дела свободы и нравственности. Тот факт, что война выкашивает самых лучших людей, генофонд нации, Гегель, видимо, не замечал, хотя был современником великой наполеоновской эпохи, наполненной кровопролитными войнами. Также мыслитель, будучи знатоком всемирной истории, очень верно заметил, что война может предотвратить внутренние смуты и способствовать укреплению государственной власти.

Обратимся к реальным шагам и акциям по достижению, сохранению и укреплению мирного существования, то есть к **праксиологическому аспекту проблемы**. Движение за мир в нашу эпоху не основывается исключительно на религиозных источниках и мотивах, но и включает в свои ряды экологически и философски мотивированных атеистов, вставших под знамена пацифизма за реализацию проекта «Мечи на орала».

Бертран Рассел, философ, математик, агностик, автор прекрасных по стилю и глубоким по содержанию трудов, лауреат Нобелевской премии по литературе, отправил в 1962 году телеграммы Джону Кеннеди, Никите Хрущеву, Генеральному секретарю ООН У. Тану и премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану в разгар кубинского ракетного кризиса, когда мир оказался на грани ядерной войны. Хрущев написал Расселу длинное ответное письмо, опубликованное агентством ТАСС, направленное против Кеннеди и политики западного мира. Но Хрущев услышал, как и Кеннеди, призывы предотвратить ядерную войну, ибо эти политики видели ужасы мировой войны. Услышат ли подобные призывы современные политики, знакомые с войной лишь по компьютерным играм?! Вот в чем опасность для мирного будущего человечества.

Человечеству и, в особенности, современным политикам следует чаще вспоминать афоризм Альберта Эйнштейна, который он высказал в ответ на расспросы докучливых журналистов: «Я не знаю, каким

оружием будет вестись третья мировая война, но четвёртая – палками и камнями».

В то же время в эпоху Холодной войны возникла идея «атомного мира» как результата равновесия сил сверхдержав, обладающих ужасным оружием. Атомный мир состоит в противоречивом единстве силовых противоположностей, и его необходимым условием является поддержание этого чрезвычайно хрупкого единства. Если атомное самоопределение, которое поддерживает этот мир, терпит неудачу, условия для всего мирного сосуществования будут разрушены. Индуцированное уничтожение целиком и полностью исключает возвращение к миру. Предыдущий цикл всей человеческой истории «*Мир – Война – Мир*» ныне отменен, ибо любая война с применением атомного оружия может стать последней.

Одним из способов определения миролюбивости стран и регионов с 2008 года является специальная форма сбора данных. Так называемый *Глобальный индекс мира* сочетает в себе различные показатели, такие как количество войн, проведенных внутри страны и за рубежом, количество убийств, а также военные возможности каждого государства, и, таким образом, пытается количественно определить *мир* в отношении отдельных стран. Глобальный индекс мира – это способ взглянуть на эволюцию концепции мира во всем мире.

Отметим, что мир как состояние непричастности к войне является скорее исключением, чем правилом в истории государств и народов. Идея мира во всем мире считается утопией. По данным доклада Роберта Джексона, адресованном НАТО в 1997 году, после 1945 года на Земле было лишь 26 мирных дней.

Тем не менее, есть государства, которые не участвовали в войнах с XIX века. Например, Швеция с 1815 года по настоящее время является страной с самым длительным и прочным мирным существованием. С момента вторжения в Норвегию в соответствии с Кильским договором, Швеция смогла сохранить мир для своих граждан и по сей день.

Швейцария с 1848 года до сегодняшнего дня настаивает на нейтралитете как на основе своей внешней политики, и эта страна смогла сохранить прочный мир. Ее девиз – «*unus pro omnibus, omne pro uno*» – совпадает с жизненным кредо мушкетеров великого Александра Дюма. Хотя Швейцарии удается оставаться нейтральной не в последнюю очередь благодаря знаменитым банкам, поэтому даже нацистский рейх не рискнул оккупировать это небольшое государство, провозгласившее принципы мирного сосуществования и имеющее четыре официальных государственных языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский).

Маленькое государство в Центральной Америке Коста-Рика еще в 1948 году отказалась от собственной армии, и большинство средств бюджета направляет на развитие образования и науки. Уровень безопасности жителей, тем не менее, очень высок, а уровень преступности низок. В 1980 году в Коста-Рике был открыт Университет Мира, созданный чтобы «обеспечить человечество международным высшим учебным заведением по вопросам мира и с целью укрепления между всеми людьми духа взаимопонимания, терпимости и мирного сосуществования для поощрения сотрудничества между народами и содействия уменьшению препятствий и угроз международному миру и прогрессу в соответствии с благородными целями, провозглашенными в Уставе Организации Объединённых Наций».

В ознаменование начала Второй мировой войны, в Федеративной Республике Германии с 1966 года отмечается Всемирный день мира (также известный как *Антивоенный день*). В ГДР этот день уже существовал в 1950-х годах. Что касается католической церкви, то в 1968 году папа Павел VI объявил 1 января «Всемирным днем мира», а Организация Объединенных Наций отмечает Международный день мира 21 сентября, начиная с 1981 года.

Для сохранения целостного мира на планете важно отсутствие бунтов, социальных потрясений, вражды и ущемления справедливости в отдельных странах, особенно в тех, которые играют ключевую роль на международной арене. Обратимся к **проблеме социального мира**.

Уже в языческие времена между германскими народами и другими племенами существовал обычай мира во время тинга – народного собрания, европейского аналога вече. Необходимость душевного спокойствия людей и сохранения мира обязывало «из уважения к богам, духам и предкам» не вступать в открытые столкновения во время деловых, торговых и политических сделок. Видимо, именно от обычая *Thingfrieden* развилась экономическая конъюнктура рынков, таких как собираемый три раз в год *Send* в Мюнстере – ярмарка, которая была первоначально организована по случаю дня вещательного суда.

В христианское средневековье существовали институты земельного мира, Божьего мира и королевского мира, регулирующие различные виды перемирия. Но именно в Новое время все явственнее прослеживается монополия государства в деле обеспечения мирного существования. Возрастает роль социального мира в отдельном государстве для мирного существования сообщества государств.

Государство имеет право предотвращать любую угрозу своему существованию путем уголовных, административных наказаний и применением военной силы. В цивилизованных обществах,

ориентированных на европейские ценности, считается, что только в случаях самообороны и экстренной помощи насилие может быть осуществлено кем-либо на законных основаниях.

Но монополия государства на власть и применение силы представляется законной только в том случае, если государство является конституционным государством, в котором существует разделение властей, в котором конституция принимается самим народом или избранным парламентом и где исполнительная и судебная власти связаны правом и законами. Принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную – залог демократии и мирного существования внутри самого государства. Это – гарант от сосредоточения власти в руках одного лица или определенного социального слоя. Кроме того, государственные органы заинтересованы во всемерной поддержке правового мира в стране.

Во многих государствах считается, что для обеспечения мирного существования граждане должны иметь право свободно пользоваться оружием для защиты своей свободы и собственной безопасности. В США законодательно закреплено право владеть оружием, носить оружие и использовать оружие именно для того чтобы поддерживать мир в стране. Большинство штатов приняли специальные законы, которые юридически регулируют владение, хранение и использование оружия.

В Германии людям, не принадлежащим к органам государственной исполнительной власти, обычно требуется лицензия на огнестрельное оружие, если они на законных основаниях хотят приобрести такое оружие и владеть им. В отношении другого оружия также существуют обширные правовые положения – например, запрещающие ввоз всех видов оружия в школы. Разнообразные меры предназначены для предотвращения применения оружия, усиливающего деструктивное воздействие применения физической силы.

Увы, в современных городах и в политических сообществах Запада, мир как общественное спокойствие может быть нарушен относительно легко. Покров цивилизации быстро слетает с людей, обнаруживая их звериную сущность. Поэтому законы, регулирующие издательскую деятельность, требуют, чтобы редакторы некоторых официальных бюллетеней не публиковали материалы, имеющие характер, «своим общим содержанием могущий вызвать общественное беспокойство». К ним относятся личные нападки, доносы и диффамация, которые нарушают действующие законы.

Ответственность за поддержание гражданского мира и спокойствия во многом несут на себе средства массовой информации. За последние два десятка лет возникла новая виртуальная реальность –

киберпространство, в котором также ведутся особые кибервойны. Поэтому ученые и политики заговорили о *кибермире*, то есть мирном существовании в киберпространстве. Сам термин *cyberpeace* учитывает относительно новую возможность вести войны не только на воде, на суше, в воздухе и в космосе, но и в киберпространстве.

В целом, современное западное общество стремится к достижению социального мира, но за последние годы в Европе возникли новые препятствия, в том числе и вследствие непродуманной миграционной политики, проводимой лидерами европейских государств. В Европу хлынули потоки лиц из Африки и Азии, не имеющих никакого представления о европейских ценностях и преимуществах мирного существования, но стремящихся лишь потреблять материальные блага в как можно большем количестве.

Сегодня социальный мир преимущественно определяется как отношения, которые не позволяют государству испытать «восстание низших слоев», поскольку большинство его членов считают степень несправедливости по отношению к распределению в данном государстве невыносимой. Сохранение «социального мира» является важнейшей задачей государства всеобщего благосостояния. Альбрехт фон Люк понимает «социальный мир» как «социальную интеграцию, удовлетворение населения демократией, [...] возможности для развития, способность участвовать в жизни общества – как в социальном, так и в политическом плане».

В заключение следует отметить **роль различных религиозных конфессий** в деле установления и укрепления мирного существования. Говорят часто о религиозном мире, но сам термин *религиозный мир* обычно не относится к состоянию мира и отсутствию вражды между самими мировыми религиями. Например, в Германии религиозный мир – это термин, скорее используемый в исторических исследованиях для обозначения исторических мирных поселений между католическим и протестантским лагерями в первом веке после Реформации. В частности, Нюрнбергский религиозный мир от 23 июля 1532 года и Аугсбургский имперский и религиозный мир от 25 сентября 1555 года являются наиболее обсуждаемыми в научной литературе. Аугсбургский фестиваль высокого мира, который проводится с 1650 года 8 августа исключительно в городе Аугсбурге (в рамках государственного праздника), основывается на традиции имперского и религиозного мира Аугсбурга.

Проблема мира между религиями и их представителями особенно обострилась после образования однополярного мира и агрессивной, проводимой по американским стандартам глобализации. Усилия деятелей церкви не следует сбрасывать со счетов. Например, в ответ на нападения

11 сентября 2001 года критически мыслящий католический богослов Ганс Кюнг опубликовал следующие четыре тезиса:

«Нет мира между народами без мира между религиями.

Нет мира между религиями без диалога между религиями.

Нет диалога между религиями без глобальных этических стандартов.

Нет выживания нашего земного шара без глобального этизма, глобальной этики».

С этими тезисами, на наш взгляд, согласится каждый здравомыслящий человек. Хотя деятели церкви и представители различных религий и религиозных конфессий на протяжении всемирной истории часто играли неблагоприятную роль в развязывании войн, прежде всего, религиозных, все основные мировые религии по своим этическим основаниям направлены на достижение мира в человеческой душе и в обществе.

Например, великий мыслитель и поэт Иоганн Вольфганг Гёте видел в христианстве скорее не церковь как социальный институт, а основу человеческой нравственности и культуры. Недаром однажды он сказал своему секретарю Эккерману: «Христианская религия – великая сила. Измученному, идущему ко дну человечеству она неоднократно помогала воспрянуть, и ежели мы признаем за нею возможность столь мощного воздействия, значит, она стоит выше любой философии и в опоре последней отнюдь не нуждается» [12, с. 275]. Мыслитель считал, что что-то более великое, чем нравственная культура христианства, человечеству уже не суждено создать. Подлинная нравственность включает в себя осознание ценности мирного существования и преступной неразумности кровопролития.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Итак, подведем основные итоги исследования. В статье были рассмотрены основные аспекты мирного существования как базисного понятия всей человеческой истории и цивилизации. Мир и война как два диалектических основания человеческого бытия теснейшим образом переплетались во все времена всемирной истории. Это доказывает как вдумчивый лингвистический анализ, так и логико-исторический подход к проблеме мирного существования.

Мир не всегда считался необходимым для индивидуального и социального существования. Философы признавали порой благостный характер войны как сплачивающего государство и цивилизационно образующего фактора, следуя известной оценке Гераклита. Но именно в XX столетии война приобрела такие качественные характеристики, что любое военное столкновение может привести к ядерному апокалипсису.

Война уже давно перестала быть «отцом всего», хотя и ныне многие передовые технологии появляются именно в сфере военной индустрии. В эпоху цивилизационного противостояния достижение и сохранение всеобщего мира стало жизненно важной задачей для всего человечества.

Представления о мирном существовании проделали эволюцию от мыслей об искусственности мира и естественности вражды и войны для человечества и отдельного индивида до аксиоматичности концепций, превозносящих всеобщий мир на планете как единственное средство избежать ядерный апокалипсис.

Если глобализация и имеет какие-то положительные стороны, то она, видимо, приведет к осознанию хрупкости всей человеческой цивилизации и уникальности составляющих ее социокультурных образований. Для достижения мира на планете необходимо оставить попытки насильственным образом унифицировать его. Все богатство человеческой культуры невозможно упростить и унифицировать в рамках одной геополитической, экономической и культурной парадигмы. Именно такого рода агрессивные попытки могут привести к Третьей мировой войне, то есть полному уничтожению человечества.

Библиографический список

1. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2 томах: Т.П. М.: Мысль, 1977. 573 с.
2. *Гоббс Т.* Левиафан; О человеке (психология); О государстве. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, цenz. 1902. 57 с.
3. *Горохов П.А., Южанинова Е.Р.* Трактат Иммануила канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 188-190.
4. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, цenz. 1902. 50 с.
5. *Гюго В.* Отверженные: Роман в 2 томах. Том I. М.: Правда, 1988. 1400 с.
6. *Кант И.* «К вечному миру» И. Канта. М.: Московский рабочий, 1989. 75 с.
7. *Кант И.* Сочинения в 8 томах. Том I. М.: ЧОРО, 1994. 544 с.
8. *Таранов П.С.* Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. М.: ЭКСМО, 2004. 893 с.
9. Трактаты о вечном мире / Сост.: И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб.: Алетей, 2003. 387 с.

10. *Фишер К.* История новой философии. Т. VIII. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. М.: Соцэкгиз, 1933. 608 с.

11. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Оппозиция «мир – война» как явление гибридной политической реальности // *Политика и общество.* 2018. № 7 (164). С. 25-39.

12. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986. 667 с.

13. *Galtung J.* Die Zukunft der Menschenrechte. Verständigung zwischen den Kulturen. Frankfurt am Main: Campus, 2000.

14. *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research.* 1969. Vol. 6. № 3. P. 167-191.

Норвежская арктическая политика безопасности: повестка 2019 года*

Введение

Во внешней политике Норвегии Крайний Север занимает важнейшую роль. В северной части Норвегии сосредоточены такие важные отрасли, как нефтегазовая, рыболоводческая, составляющие значительную часть экономики страны [24]. Около 80 % норвежского океана находится к северу от Северного полярного круга, и почти 90 % норвежской экспортной выручки приходится на экономическую деятельность от использования морских ресурсов [16]. В Арктике Норвегия имеет сухопутную границу с Россией протяженностью 196 км. Морская граница имеет протяженность 23 км., кроме того, существует дополнительная морская граница в исключительных экономических зонах [21]. Таким образом, отношения с Россией являются важным аспектом арктической и оборонной политики Норвегии. Асимметричные отношения между Норвегией и Россией на Севере во многом определяют взгляд Норвегии на сотрудничество двух стран в области военной безопасности в Арктике.

В статье будут проанализированы интересы, ставки, мотивы формирования внешней и внутренней политики Норвегии в Арктике, и предложен всеобъемлющий анализ позиции Норвегии в отношении

* Ковалев А.А. Норвежская арктическая политика безопасности: повестка 2019 года // *Право и политика.* – 2020. – № 2. – С. 23-35.

перспектив сотрудничества в области военной безопасности в регионе. Анализу будут подвергнуты отношения Норвегии с НАТО, с одной стороны, и с Россией – с другой. Отношения с Россией станут важной частью этого анализа, поскольку именно они в значительной степени определяют политику Норвегии в Арктике.

Обзор норвежской арктической политики

Интересы Норвегии в Арктическом регионе и приоритеты при формировании политики изложены в обзоре арктической политики Норвегии «Nordkloden», подготовленном Министерством иностранных дел Норвегии. Доклад объемом 71 страница (далее – «Арктическая политика») в значительной степени ориентирован на международные аспекты арктической политики Норвегии. Согласно ему основными приоритетами арктической политики Норвегии являются международное сотрудничество, развитие бизнеса, развитие знаний, инфраструктуры, защита окружающей среды и готовность страны к чрезвычайным ситуациям [21].

В докладе различают следующие регионы: Арктику – Северный полюс и необитаемые районы вокруг; Крайний Север – более гостеприимные и густонаселенные районы Северной Норвегии и Шпицбергена.

В статье будут использованы термины Арктика (или Норвежская Арктика) и Крайний Север (или Северная Норвегия).

Внимание Норвегии к Крайнему Северу возросло за последние несколько десятилетий, и в 2005 г. правительство Норвегии уделило вопросу развития данной области особое внимание. С тех пор этот район продолжает оставаться одним из важнейших стратегических направлений внешней политики государства.

Арктика играет не только важную роль во внешней политике Норвегии, но и во внутренней. На протяжении десятилетий нефтегазовая и рыбная промышленность в норвежской Арктике были жизненно важной частью норвежской экономики. Министерство иностранных дел несет ответственность за политику в Арктике, но в нее вовлечены другие участники, такие как Министерство нефти и энергетики, Министерство климата и окружающей среды, Министерство торговли и рыболовства и другие. Вооружённые силы Норвегии (Norges Forsvar) также играют важную роль в охране границ, сдерживании и безопасности на Севере, а соответственно, во внешней политике страны.

В районе Крайнего Севера (в Северной Норвегии) проживает 480 тыс. чел., что составляет 10 % от общей численности норвежского населения, и одна из первых целей норвежской арктической политики заключается в стимулировании и содействии процветанию экономики

Севера с целью поддержания поселений и роста населения в регионе. В течение многих лет в Северной Норвегии наблюдалась отрицательная тенденция роста народонаселения, но, по мнению норвежского правительства, ситуация должна измениться после смены внутренней политики с ориентацией на регион [21].

Международное сотрудничество в Арктике

Норвегия одна из первых стран стала выступать за международное сотрудничество в Арктике. Имея границу с Россией и близкие отношения с НАТО и США, она занимает уникальную позицию, когда речь идет о преодолении разногласий между Россией и Западом. Норвегия стремится «содействовать предсказуемому, мирному и устойчивому развитию посредством межправительственного, регионального и межкультурного сотрудничества» [21]. Норвегия участвует в ряде международных и региональных органов, которые определены как важные для стабильности в регионе, в таких как Арктический совет, Форум лидеров Баренцева сотрудничества, Саамский парламентский совет, Арктический экономический совет, Совет по свободе передвижения и др. Международное сотрудничество определено как одно из приоритетных среди других направлений работы в Арктике, о чем многократно говорится в документе «Арктическая политика».

Трансграничное сотрудничество между Норвегией и Россией определено как важное для устойчивого развития Арктики. По словам представителя Министерства иностранных дел Норвегии Магнуса Норденмана, который является одновременно директором Инициативы по трансатлантической безопасности и экспертом по сотрудничеству Северных стран в Атлантическом совете: «Россия является конструктивным партнером в повседневном сотрудничестве в Арктике» [25]. Речь идет о сотрудничестве в таких областях, как безопасность границ, борьба с незаконным рыболовством, бизнесом, торговлей и т.д. Норденман добавляет, что «Норвегия является важным интерпретатором поведения России» в международном сообществе, и что особые отношения между странами позволяют Норвегии с большим пониманием, чем кому-либо из стран Арктической пятерки трактовать действия России в Арктике.

Внутренние аспекты арктической политики

Нефтегазовая отрасль является крупнейшим вкладчиком в норвежскую экономику и предоставляет широкие возможности для увеличения занятости населения и роста экономики в Северной Норвегии. Считается, что 43 % нераскрытых нефтегазовых ресурсов в Норвегии будет найдено на Норвежской территории Баренцева моря [12]. В 2016 г. правительство Норвегии впервые с 1994 г. открыло новые

районы для разведки в норвежском Баренцевом море. Другой важный сектор экономики норвежской Арктики – рыболовство и производство морепродуктов, поэтому на повестке дня стоит повышение прибыльности рыбной промышленности на суше и содействие росту аквакультуры в отрасли экологически устойчивым образом. Понимая растущее геостратегическое значение региона, норвежское правительство выделяет ресурсы на инновационные проекты на Севере, связанные с новыми знаниями и технологиями [21]. Норвежское правительство планирует активизировать исследовательские и проектные работы на Севере, включающие в себя: продолжение существующих проектов по воздействию нефтегазового бизнеса на окружающую среду; геологическое картирование территории Крайнего Севера; строительство арктических исследовательских судов; поддержку северных университетов и многое другое [21].

Норвежская арктическая политика подчеркивает роль трансграничного сотрудничества, как крайне значимого, когда речь идет о научных исследованиях и о развитии бизнеса.

В «Арктической политике» одним из ключевых направлений определено развитие транспортной системы в Баренцевом регионе, как на суше, так и на море [21]. Для развития транспорта и для безопасности мореплавания в суровых условиях предполагается разработка систем наблюдения и других решений для навигации и связи. Кроме того, в арктической политике говорится, что арктическое судоходство, как ожидается, увеличится по мере роста экономической активности в регионе. Строительство портов и обеспечение безопасности на море определены как области, которые нуждаются в улучшении. Наконец, арктическая политика гласит, что развитие автомобильных, железных дорог и авиакомпаний является важной частью повышения качества жизни на Крайнем Севере: мобильности и безопасности жителей региона и прилегающих территорий. Поэтому значительное количество ресурсов выделяется на обновление транспортных систем норвежской Арктики на суше и в воздухе.

Более 80 % всего морского судоходства в Арктике проходит через норвежские воды [6]. В связи с этим фактом отработка технологий поисково-спасательных операций, операций по ликвидации разливов нефти и разработка мероприятий по их предотвращению также определены как приоритетные. «Арктическая политика» указывает на необходимость поддержания высокого уровня присутствия береговой охраны и аварийной готовности в норвежском Северном Ледовитом океане для эффективного проведения поисково-спасательных операций или реагирования на техногенные катастрофы. В документе подчеркнута

важность соглашений, достигнутых в результате деятельности Арктического совета, двусторонних соглашений между приполярными странами и применения Полярного кодекса, столь необходимых в деле улучшения безопасности и защиты окружающей среды в норвежской Арктике [21].

Стратегические военные интересы

Двумя основными документами, относящимися к Арктике, являются «Арктическая стратегия Норвегии – между геополитикой и социальным развитием» [2], обнародованная 21 апреля 2017 года, и «Долгосрочный план обороны Норвегии на 2017-2020 годы» [5], разработанный Министерством обороны. Первый документ подчеркивает необходимость надежной и последовательной активности норвежского правительства на Крайнем Севере. Неотъемлемой частью стратегии является поддержание хороших рабочих отношений с Российской Федерацией. В целом, двусторонние российско-норвежские отношения в целом носят конструктивный и упорядоченный характер. Большое значение придается разрешению территориальных споров на основе двустороннего диалога или в рамках таких форумов, как Арктический совет.

В Долгосрочном плане обороны говорится о том, что принципы норвежской политики безопасности были постоянными с течением времени, а изменения в международной обстановке вынуждают страну обновлять и преобразовывать свои вооруженные силы. Основным является обеспечение безопасности в непосредственной близости к государственной границе, в том числе на Крайнем Севере.

Норвегия сталкивается с проблемами, когда речь идет о «более мягких» вопросах безопасности. Например, развитие спутниковой сети в Северном Ледовитом океане определено важным для обеспечения безопасности судоходства в Арктике [1].

Единственный «жесткий» вопрос безопасности – это соблюдение суверенитета Норвегии. «Норвегия будет и впредь придерживаться последовательного и предсказуемого подхода в обеспечении своего суверенитета. Мы будем играть ведущую роль в развитии сотрудничества с другими странами на основе доверия и открытости» – говорится в «Арктической политике» [21]. Это показывает, что Норвегия видит необходимость в неприкосновенности суверенитета своего государства в целом и на Севере в том числе, но в то же время осознает, что данную политику следует проводить с осторожностью, чтобы не дестабилизировать отношения с соседними государствами.

В Арктической стратегии не предвидится крупномасштабных угроз для северных районов страны. Стратегия постулирует: «наиболее

вероятными будущими вызовами суверенитету Норвегии будут эпизодические и ограниченные конфликты или кризисы. Могут быть также попытки ограничить политическую свободу действий. Эти проблемы могут материализоваться очень быстро, и они требуют немедленного ответа со стороны норвежских властей. Здесь [вооруженные силы] будут играть центральную роль. По этим причинам Крайний Север будет оставаться главной стратегической приоритетной областью деятельности правительства и в будущем. Также подчеркивается общая необходимость того, чтобы Норвегия должна продемонстрировать, что она способна защищать жизненно важные национальные интересы на Крайнем Севере».

В документе перечисляются две важнейшие составляющие национального интереса Норвегии: это защита морских нефтегазовых установок и свобода судоходства. Поскольку первый момент имеет большое значение для энергетических рынков других стран, то коллективная оборона с помощью сил НАТО рассматривается как жизненно важная для общей безопасности Норвегии. Сотрудничество со Швецией и, в меньшей степени, Финляндией – набирает обороты, причем все три страны вносят свой вклад и укрепляют региональный потенциал безопасности. Однако Норвегия не проявляет никаких признаков присоединения к Европейскому Союзу и не рассматривает свои партнерские отношения с северными странами или ЕС, которые не предполагают взаимных гарантий обороны, в качестве замены членства в НАТО [3].

В норвежской «Арктической политике» Россия по большей части упоминается как партнер. Тем не менее, в ежегодной оценке угроз, представленной Норвежской разведывательной службой Fokus за 2016 г., Россия названа одной из основных проблем безопасности для Норвегии. В отчете уделяется значительное внимание оценке проблемы России с особым акцентом на ситуацию в Арктическом регионе. «Россия демонстрирует повышенную готовность и способность использовать широкий спектр инструментов для достижения своих политических целей, а модернизация ее военных сил повышает вероятность оказывать влияние и на Севере», – говорится в докладе [19]. В докладе указывается на наступательную внешнюю политику России в целом, и на ее деятельность в Арктике, в частности. В отчете указывается, что некоторые из факторов, обсуждаемых при анализе российской внешней политики, являются весьма сложными. Норвегия особенно обеспокоена тем, что Россия рассматривает НАТО и Запад как угрозу своей безопасности, в то время как сама Норвегия зависит от присутствия НАТО при обеспечении безопасности своих территорий.

Военная модернизация в России вызывает беспокойство у Норвегии. Модернизация дала России повышение политического веса и способность сдерживать другие государства. В докладе говорится о модернизации Северного флота и увеличении количества учений и инспекций в регионе. Отношения властей Норвегии и России в Арктике асимметричны, что накладывает некоторые ограничения на свободу действий Норвегии в регионе. В «Долгосрочном плане обороны Норвегии на 2017-2020 годы» сформулировано, что растущий военный потенциал и сила России являются наиболее значительным изменением в политической обстановке в области безопасности для Норвегии. В частности, ядерное сдерживание России в Арктике является проблемой для Норвегии, несмотря на то, что Крайний Север остается областью сотрудничества.

С другой стороны, Россия и Норвегия заинтересованы в том, чтобы Арктика оставалась мирным и стабильным регионом. Норвегия считает, что военный конфликт вряд ли возникнет в Арктике в обозримом будущем, и что Россия будет продолжать соблюдать международное право. Кроме того, Норвегия не рассматривает Россию как прямую военную угрозу норвежским интересам на севере [20]. Как уже упоминалось ранее, норвежская арктическая политика подчеркивает важность сотрудничества между Норвегией и Россией и указывает на ряд двусторонних соглашений, институтов и форумов для сотрудничества на севере.

Норвегия имеет давнюю традицию использования двойной политики в отношении России. Норвегия проводит политику «четких линий» в отношении России, но при этом постоянно сотрудничает с нашим государством [18]. Например, Норвегия и СССР начали тесное сотрудничество в области управления рыболовством в 1970-х гг., когда отношения между Востоком и Западом были в самом холодном состоянии. Сейчас, после возобновления контактов по линии Совета Россия-НАТО в 2017 г., Норвегия может сыграть свою роль в восстановлении конструктивного диалога между Западом и Россией. На сегодняшний день Норвегией не было предпринято никаких значительных усилий для достижения этой цели. Поэтому существует большой потенциал для расширения контактов и взаимодействий между Западом и Россией во время учений, совместных исследований, обеспечения экологической безопасности в регионе.

Норвежские военные расходы после резкого их сокращения в конце Холодной войны оставались стабильными в течение последних 20-ти лет и варьировались в пределах 1,4-1,5 % ВВП. В 2015 г. министр обороны Норвегии Хаакон Бруун-Ханссен предложил увеличить расходы

на оборону в 2016 г. на 9,8 %, в результате они составили 1,54 % ВВП [17]. В июне 2016 г. правительство Норвегии представило «Долгосрочный план обороны Норвегии на 2017-2020 годы». Общий бюджет составлял 165 млрд. норвежских крон, при этом включал увеличение на 7,2 млрд. норвежских крон по сравнению с уровнем 2016 г. Увеличение расходов на оборону предполагалось использовать на обучение военнослужащих, техническое обслуживание и модернизацию армии, которые раньше были невозможны из-за недофинансирования в течение многих лет [5]. Значительная часть финансирования направлена на военное оборудование для Арктики.

Увеличение финансирования сыграло положительную роль в развитии военной авиации. Королевские норвежские военно-воздушные силы в настоящее время находятся в процессе выбора истребителя для замены своих F-16, причем F-35 Joint Strike Fighter обсуждается в качестве фаворита.

Авиационная разведка в настоящее время обеспечивается самолетами F-16 и шестью морскими патрульными самолетами P-3 Orion. Последние проходят программу обновления, которая включает в себя установку нового электрооптического оборудования, которое позволит самолету транслировать видео в штаб-квартиру более высокого качества в режиме реального времени.

Если говорить о сухопутных силах, то бригада «Север» – самое крупное действующее подразделение норвежской армии. Это зимняя бригада со специальным оборудованием для работы в Арктике. Вооруженные силы Норвегии модернизируют бригаду «Север» путем закупок различных типов современных боевых и вспомогательных машин. Цель состоит в том, чтобы увеличить доступность боевых подразделений в самых северных частях Норвегии. Норвежские вооруженные силы также планируют развернуть 24 системы арктического класса «Арчер», что увеличит их боевые возможности. Характерной чертой преобразования норвежских сухопутных сил является также прекращение функционирования старой мобилизационной модели, согласно которой в случае возникновения чрезвычайной ситуации в стране должно было быть сформировано до десятка бригад. Теперь структура опирается на регулярную армию численностью 7 тыс. чел., состоящую из 3 тыс. штатных и 4 тыс. призывников и поддержанную 45 тыс. резервистами легкой пехоты тыловой гвардии. Армия предназначена для максимально быстрого развертывания в стране или за рубежом. При высоком уровне подготовки и качественном оснащении она должна обеспечивать быстрое

реагирование на большинство непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть на севере страны.

Королевский норвежский флот за последние 5-6 лет претерпел значительные преобразования в последние годы. Он видоизменил и трансформировал облик прибрежных сил, состоящих исключительно из легких фрегатов и быстроходных патрульных катеров с ракетным вооружением, и получил статус «голубой воды» после принятия на оснащение фрегатов общего назначения класса «Фритьофа Нансена». Пять впечатляющих судов уже находятся в эксплуатации. Оснащенные уменьшенной версией системы противовоздушной обороны Aegis и новыми военно-морскими вертолетами NH-90, они позволят военно-морскому флоту проводить операции более высокого уровня вдали от прибрежных вод.

Береговая охрана, которая находится под руководством Королевского норвежского флота. Она помогает патрулировать 2,2 млн. км² океанской территории, отвечает за поисково-спасательные работы, мониторинг состояния окружающей среды и рыболовство, равно как выполняет и другие функции. Эскадра береговой охраны эксплуатирует суда различных размеров, в том числе три патрульных судна класса «Нордкап» водоизмещением 3,2 тыс. тонн, которые оснащены противокорабельными ракетами. К числу последних примечательных нововведений относятся 6,5 тыс. тонный Ледовый патрульный корабль «Свальбард» и 3,1 тыс. тонный патрульный корабль «Харстад», каждый из которых имеет легкое вооружение.

Деятельность норвежской военной разведки по наблюдениям на Крайнем Севере имеют решающее значение для установления предсказуемости в отношениях между Россией и Норвегией и их стабильности. Несмотря на увеличение оборонного бюджета и переориентацию на север, Норвегия гораздо менее мощна, чем Россия, с точки зрения военных возможностей. НАТО и США играют важную роль гаранта безопасности Норвегии. В связи с этим Норвегия является одним из основных сторонников расширения военного присутствия НАТО в арктическом регионе. Во-первых, Норвегия зависит от поддержки союзников в условиях кризиса или войны и подчеркивает важность коллективной безопасности во всех своих документах и отчетах по оборонной политике. Во-вторых, Норвегия зависит от НАТО в создании механизмов надежного сдерживания в Арктике [18]. Поэтому Норвегия продолжает развивать свое военное сотрудничество с ключевыми союзниками и северными странами-партнерами на севере.

В «Долгосрочном плане обороны Норвегии на 2017-2020 годы» утверждается, что Норвегии необходимо убедить союзников в общей

заинтересованности в боеготовности и наличии союзнического потенциала в Арктике [5]. Кроме того, содержится призыв к значительному присутствию вооруженных сил союзников на севере в мирное время, а также к проведению дополнительных тренировок и учений. У НАТО и США уже есть оборудование, хранящееся на норвежских базах, а конкретные соглашения позволяют отдельным норвежским аэропортам на севере разместить американское подкрепление в условиях кризиса или войны.

В то же время Норвегия очень заинтересована в том, чтобы Арктика оставалась стабильной и мирной, и не хочет усиливать напряженность в отношениях с Россией. Эта двойственная политика в отношении России требует осторожности, когда речь идет о расширении участия НАТО в регионе. Обеспечение осторожности и уменьшение вероятности недоразумений становятся все более трудными без какого-либо диалога по вопросам безопасности между странами.

Заключительная часть

Проведенный анализ показал, что Норвежская Арктика вносит значительный вклад в норвежскую экономику и является стратегически значимым объектом как во внутренней, так и во внешней политике. Основными приоритетными направлениями арктической политики Норвегии являются международное сотрудничество, развитие бизнеса, развитие научных исследований, инфраструктуры, защита окружающей среды и ликвидация чрезвычайных ситуаций.

Основные внутренние стратегические интересы Норвегии и интересы безопасности в Арктике заключаются в том, чтобы обеспечить суверенитет своих территорий и безопасность граждан, надежное и безопасное освоение ресурсов в регионе.

Норвегия достаточно четко заявляет о своих намерениях и обосновывает увеличение расходов на оборону на севере изменением обстановки с безопасностью в Европе и, в частности, в отношениях с Россией. Несмотря на то, что у России и Норвегии есть общие интересы в поддержании международного климата Арктики мирным и стабильным, Норвегия зависит от поддержки со стороны США и НАТО, обеспечивающих ей защиту в случае конфликта и создание надежного средства сдерживания. В то же время Норвегия хочет поддерживать стабильные рабочие отношения с Россией в Арктике, когда речь идет о сотрудничестве береговой охраны, в бизнесе, в научных исследованиях, вопросах адаптации к изменению климата и многом другом.

Норвегия является одним из предвестников международного сотрудничества и мирных отношений в Арктике, поскольку имеет рабочие отношения как с США, так и с Россией. Следовательно,

Норвегия предпочитает *статус-кво* потенциальному конфликту в Арктике. Норвегия, не являясь сильным государством, настаивает на более активном участии НАТО в Арктическом регионе, но при этом определила, что есть взаимные выгоды от институционализации сотрудничества в области безопасности. Норвегия находится в уникальном положении за счет с ее связей с США и пониманием российской политики, что может позволить ей смягчить и улучшить отношения между Западом и Россией.

Библиографический список

1. *Авакян С.В., Воронин Н.А.* О проблемах Арктики в свете современных изменений климата // Академия энергетики. 2013. № 5. С. 28-37.
2. Арктическая стратегия Норвегии – между геополитикой и социальным развитием [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrcc.no/news/1145-the-high-north-strategy-2017>
3. Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 53 с
4. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. 2014. № 2. С. 15-22.
5. Долгосрочный план обороны Норвегии на 2017-2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/rappo-rtter-og-regelverk/capable-and-sustainable-ltp-english-brochure.pdf>
6. *Иванова А.Н., Яковлева Т.А., Климова М.П.* Экологическая безопасность Арктики: правовые основы. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2013. 247 с.
7. *Коньшиев В.Н., Сергунин А.А.* Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 2 (347). С. 353-368.
8. *Криворотов А.К.* Политика государства как фактор конкурентоспособности арктических регионов: методология исследования, опыт Норвегии и уроки для России. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 320 с.
9. *Манин Я.В.* Правовое регулирование и безопасность недропользования на континентальном шельфе Норвегии // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2011. № 1. С. 36-40.

10. Михайлов С.А. США и общеевропейская политика в сфере безопасности и обороны. М.: Российский институт стратегических исследований, 2006. 75 с.

11. Муштакова Е.С. Правовое понятие Арктики в международном и национальном законодательстве // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 6. С. 61-66.

12. Нефтяная эра завершилась для Норвегии: что дальше? // Вести Экономика / [Электронный ресурс] URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/95413>

13. Подрезов Ю.В. Освоение Арктики: международное сотрудничество, климат, безопасность // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 1. С. 98-103.

14. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике: материалы круглого стола, 26 ноября 2014 года / под общ. ред. Э.Н. Чижикова [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. 250 с.

15. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т.19. №2. С. 30-40.

16. Brende Børge. The Arctic: Important for Norway, Important for the World // Harvard International Review / [Электронный ресурс] URL: <http://hir.harvard.edu/the-arctic-importantfor-norway-important-for-the-world/>

17. Bruun-Hanssen Haakon. Norwegian Armed Forces in Transition // Strategic Defence Review by the Norwegian Chief of Defence / [Электронный ресурс] URL: https://forsvaret.no/en/ForsvaretDocuments/Strategic_Defence_Review_2015_abridged.pdf

18. Expert commission on Norwegian security and defence policy // Norwegian Ministry of Defence / [Электронный ресурс] URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/unifie-d-effort.pdf>

19. Fokus 2016 // Norwegian Intelligence Service / [Электронный ресурс] URL: https://forsvaret.no/fakta/_ForsvaretDocuments/Fokus%202016.pdf

20. Minister of Defence Ine Eriksen Søreide's speech at ACUS conference "Charting NATO's future" // Ministry of Defence's / [Электронный ресурс] URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/minister-of-defence-ine-eriksen-soreide-speech-at-acus-conference-charting-natos-future/id2454050/>

21. Nordkloden. Nordområdene 2014 //Norwegian Ministry of Foreign Affairs / [Электронный ресурс] URL:

https://www.regjeringen.no/contentassets/23843eabac77454283b0769876148950/nordkloden_rapport-red.pdf

22. Norway's Arctic Policy for 2014 and beyond // Government.no / [Электронный ресурс] URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/report_summary/id2076191/

23. O'Dwyer Gerard. 9.8% Budget Hike Set for Norwegian Armed Forces / [Электронный ресурс] URL: <http://www.defensenews.com/story/defense/policybudget/budget/2015/10/09/98-budget-hike-set-norwegian-armed-forces/73627138/>

24. Stephen Kathrin. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict / [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/270610103_The_Arctic_A_new_region_of_conflict_The_case_of_oil_and_gas

25. The Russian challenge in the Arctic isn't about icebreakers [Commentary] // DefenseNews / [Электронный ресурс] URL: <https://www.defensenews.com/naval/2017/02/24/the-russian-challenge-in-the-arctic-isn-t-about-icebreakers-commentary/>

Перспективы формирования единой армии в Европейском союзе вне блока НАТО*

Возможности стран Европейского союза в настоящее время определяются преимущественно как экономические и политические. Военные же возможности чаще всего упоминаются как основа для обеспечения деятельности блока НАТО. Получается, что ведущий союз в экономике и политике не может реализовать свои военные возможности.

Безусловно, в аспекте обеспечения наступательных операций, соперничество с США невозможно хотя бы уровню военных расходов. Вместе с тем, участие в блоке НАТО означает присоединение к операциям, которые санкционируются США и при этом ЕС выступают как отдельные региональные подразделения. Данную ситуацию необходимо изменить, что и составляет ведущее направление в поисках в системе европейского права.

Если рассматривать возможность формирования отдельной структуры, которая была бы основой для проведения военных и иных

* Ковалев А.А. Перспективы формирования единой армии в Европейском союзе вне блока НАТО // Вопросы безопасности. – 2019. – № 2. – С. 34-41.

операций в ЕС, то такая структура была бы основой только для наступательных операций, что повлечет негативную реакцию мирового сообщества. Соответственно задачей, которая ставится перед ведущими странами ЕС – обеспечить правовую реализацию данной инициативы.

Европа – ведущий мировой регион в области экономики, политики и военного сотрудничества, в то же время он имеет сложную и многостороннюю институциональную структуру [3]. Благополучие, мир и сотрудничество между европейскими государствами являются наследием геополитической и институциональной истории Европы [6]. После окончания Второй мировой войны государства, которые позже сформировали Европейский союз, стремились объединить свои вооруженные силы. В этой связи были подписаны различные военные договоры о создании совместной европейской армии с командной структурой под руководством Европейского оборонительного сообщества, где Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург комплектовали военными служащими данный силовой институт. Этой планировавшейся военной организации не суждено было сбыться. После многочисленных препятствий, в том числе оппозиции французского парламента в 1954 году, проект был окончательно закрыт. Кроме того, ось европейской обороны была сосредоточена в Организации Североатлантического договора, созданной в апреле 1949 года и возглавляемой Соединенными Штатами, что сделало Западную Европу стеной раздора в контексте холодной войны против Советского Союза.

Однако Франция и Германия искали точки соприкосновения в вопросах сотрудничества в области обороны. Например, в 1987 году страны заложили основы так называемого «Еврокорпуса», созданного в 1992 году. Французы считают, что действие в военном отношении через Европейский союз жизненно важно в те времена, когда Соединенные Штаты отказываются вмешиваться в европейские кризисы. Это было стратегическое обоснование соглашения франко-британских стран на саммите в Сен-Мало в декабре 1998 года, которое оказало бы влияние на оборонную политику Европейского союза в рамках Лиссабонского договора, который с тех пор потерпел неудачу, отчасти из-за Соединенного Королевства. Великобритания, которая заблокировала эту политику, опасаясь создания европейской армии, которая подрывает НАТО, а также доктринальные различия, приоритеты в области безопасности, бюджетные и военные вопросы как таковые.

Будущая геополитика трансатлантических отношений потребует поддержания тесных связей в обороне, торговле и внешней политике, одновременно снижая зависимость Европы от Соединенных Штатов. Таким образом, старый континент находится на стыке превращения в

«пост-американскую Европу», которая в то время защищалась бывшим президентом Франции Шарлем де Голлем и направлена на определение приоритетности европейской внешней политики, политики безопасности и обороны в повестке дня Европейского союза перед лицом выхода США в различных областях, включая глобальную торговлю и климат, а также внимание к вызовам, стоящим перед Европой, таким как миграция и кризис беженцев, которые разрабатывают идею ассоциации Европейского союза и Африки.

В течение всего времени на европейском континенте были войны и кризисы. Европейский проект предложил форму мира и процветания. Когда к этому проекту присоединились Греция, Испания и Португалия, свобода стала понятной для тех, кто освобожден после гнета диктатуры. Когда Восточная Европа, в лице Польши и Болгарии присоединилась к европейскому сообществу, цель состояла в том, чтобы восстановить историю, разорванную национализмом, тождеством, протекционизмом, изоляционистским суверенитетом, который подорвал дух Европы, и сегодня становятся действительными под внешними проявлениями, которые создают страх перед людьми.

Существуют и иные факторы, которые повлияли на дискуссию о новой парадигме европейской обороны. Среди них:

- снижение доверия из-за финансового кризиса 2008 года;
- ухудшение экономического, социального обеспечения в котором пострадали европейские граждане, а также отстранение части правительственной элиты от большинства населения, что приводит к росту популистских и антисистемных настроений;
- отсутствие видения и лидерства в Европейском союзе;
- напряженность с Российской Федерацией в связи с конфликтом в Украине;
- увеличение потока мигрантов и беженцев;
- растущая угроза исламского терроризма;
- выход Соединенного Королевства из Европейского союза;
- а также неоднозначная позиция Президента США Дональда Трампа в ряде вопросов, которая привела к напряженности в трансатлантических отношениях.

Эти факторы влияют на напряженность в отношениях идентичности некоторых европейских стран, ставя под сомнение непрерывность европейского проекта и его ценностей. С другой стороны, они возобновили положения, которые находились в политической конфронтации, открыв тем самым дискуссию о возможности углубления европейской оборонной политики, путь которой непрост, поскольку подходы в обеспечении национальной безопасности и обороны в

частности европейских государств расходятся, и где не следует забывать то, что военная политика выступает сложной проблемой для нескольких европейских обществ. По этим и другим причинам политика Европейского союза по защите страдает от более высокой эффективности. Несомненно, Европейский союз развил замечательный гражданский потенциал, но не смог отреагировать на региональные кризисы или вооруженные конфликты, в которых преобладает его участие, поэтому он зависит от поддержки НАТО и поддержки со стороны США.

Таким образом, было озвучено несколько инициатив, особенно с 2015 года, когда главы государств и правительств потребовали новой Глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и безопасности, стратегии внутренней безопасности обновленного Союза и более эффективной, видимой и ориентированной на результаты общей политики безопасности и обороны. В июне 2016 года Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини представила стратегию под названием «Общее видение, общие действия – более сильная Европа», которая была одобрена всеми государствами-членами Европейского союза [5]. Это привело к созданию в 2017 году Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO), Ежегодного скоординированного обзора по вопросам обороны (CARD) и Европейского оборонного фонда (EDF) и др. Помимо характеристик этих инициатив, которые потребуют собственного анализа, значимость всех из них заключается в том, что они стремятся формулировать «средства, способы и цели» в стратегическом плане. Отсюда сложность принятия европейского ответа от самого Европейского союза, учитывая, что НАТО является столпом коллективной обороны, и что обязательства здесь не исчерпаны, поскольку существует множество двусторонних соглашений об обмене возможностями.

25 июня 2018 года министры обороны девяти стран Европейского союза подписали меморандум о намерениях, в котором была создана новая сила под названием «*Европейская инициатива военного вмешательства*» во главе с президентом Франции Эммануэлем Макроном. Это сообщество будет иметь общий бюджет и доктрину, которая устанавливает свои руководящие принципы для совместных действий и планирования непредвиденных обстоятельств, в которых Организация Североатлантического договора не участвует. Инициатива пока не зарегистрирована в рамках Общей политики безопасности и обороны Европейского союза, которая включает в себя Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны

(PESCO). Хотя Великобритания традиционно выступала против идеи действительно европейского оборонного альянса, опасаясь подрыва трансатлантического единства (США-Европа), теперь она изменила свое мнение после начала президентского срока Главы США Доналда Трампа. Европейская инициатива по интервенции представляет собой новую парадигму защиты Европы.

Европейская инициатива военного вмешательства является механизмом распределения бремени в экспедиционных миссиях [4]. Логика инициаторов заключается в том, чтобы использовать его в качестве способа продемонстрировать Вашингтону, что они привержены сохранению собственной безопасности, развитию военного потенциала и передаче оборонных расходов значимым образом. Благодаря своей гибкости этот механизм не создает дополнительных институциональных слоев, и ожидается, что все более частые контакты между совместным персоналом ускорят процесс принятия решений в кратчайшие сроки, чтобы справиться с возникающими кризисами в обстановке стратегического значения для Европы. В краткосрочной перспективе он будет стремиться получить большую материально-техническую поддержку в случае возникновения кризиса, требующего его вмешательства. В долгосрочной перспективе это будет способствовать идее содействия более быстрому консенсусу в отношении «коалиций» в управлении кризисом.

Германия, исторически сопротивлялась военным миссиям, которые включают применение силы, но страна поддержала идею Европейской инициативы военного вмешательства, учитывая преобладающую потребность в улучшении сотрудничества, для минимизации угроз европейской безопасности.

Великобритания, как крупнейшая военная держава в Европе наряду с Францией, имеет фундаментальное значение для усилий европейской безопасности, несмотря на то, что она давно блокировала интеграцию европейской обороны. В настоящее время Соединенное Королевство поддерживает французскую инициативу в качестве меры по поддержанию крепких оборонительных связей с Европейским союзом после Брексита.

Со своей стороны, Эстония стремится продемонстрировать свою готовность и способность обеспечивать безопасность. Страна надеется, что ее приверженность оказанию помощи в разрешении кризисов посредством проекции его сил, как через Объединенные экспедиционные силы и Европейская инициатива военного вмешательства, придаст государству большее влияние в Североатлантическом союзе.

Дания, которая имеет особое добровольное отчуждение и не присоединилась к Постоянному структурированному сотрудничеству по вопросам безопасности и обороны (PESCO), является однако участником Европейской инициативы военного вмешательства. Эта особенность – это прогресс на пути к созданию настоящей европейской вооруженной силы, которая связывает участников, не принадлежащих к Европейскому союзу. Если эта система будет укреплена, Норвегия, член НАТО, но не Европейского союза, а также Швеция и Финляндия, члены Европейского союза, но не Атлантического альянса, также могут присоединиться к Европейской инициативе военного вмешательства [2].

Испания, страна, чья политическая и гражданская элита в основном проевропейская, особенно в вопросах безопасности. Согласно Евробарометру, испанское общество в целом поддерживает общую политику безопасности и обороны между государствами-членами Европейского союза. Испания, с одной стороны, активно участвует в гражданских и военных миссиях Европейского союза. С другой стороны, он занимает последнее место среди стран-членов Европейского союза и НАТО, которые инвестируют в оборону. Столкнувшись с этой ситуацией, эта страна должна переосмыслить обязательство, взятое со своими коллегами, против подхода 2% ВВП в расходах на оборону.

Тем не менее, проект, возглавляемый президентом Макроном, имеет широкие возможности заложить основы европейской силы, которая станет независимым глобальным игроком [7]. Несмотря на то, что некоторые детали уже раскрыты, Европейская инициатива военного вмешательства хорошо поддерживается ключевыми странами европейской обороны.

Вопросы коллективной обороны отражены в статье 5 Североатлантического договора, а также в Лиссабонском договоре 2007 года, который включает в себя статью о коллективной защите в соответствии с положениями общей политики безопасности и обороны Европейского союза. В частности, в пункте 7 статьи 42 Лиссабонского договора говорится о том, что «в случае если государство-член подвергнется вооруженной агрессии на его территории, другие государства-члены должны оказать ему помощь и содействие всеми возможными для них средствами в соответствии со статьями 51 Устава Организации Объединенных Наций. Это не затрагивает особого характера политики безопасности и обороны некоторых государств-членов» [1].

Текущая реальность бросает вызов нынешнему и будущему Европы, от изменения климата до цифрового перехода, миграции и терроризма, глобальных проблем, с которыми страны не может

столкнуться сама по себе. Европейские институты ограничены бессильными бюрократиями, которые замедляют действия. Отсюда преобладающая потребность в разработке дорожной карты реконструкции суверенной, единой и демократической Европы, поскольку сегодняшняя Европа доминирует над столкновением внутренней политики. Поэтому президент Франции Эммануэль Макрон предлагает шесть ключей к европейскому суверенитету:

- 1) безопасность;
- 2) суверенитет;
- 3) внешняя политика;
- 4) экология;
- 5) цифровые технологии;
- 6) промышленная и денежно-кредитная экономика.

Из-за характера этого анализа выделяются первые три ключа, а именно:

1. **Безопасность.** Европа переживает постепенный уход США и долгосрочную террористическую угрозу, целью которой является разделить свободные общества. В нем также подчеркивается необходимость совершенствования систем кибербезопасности и создания общей системы безопасности и справедливости. Что касается обороны, то должны быть гарантированы автономные оперативные возможности Европы, дополняющие НАТО. Следовательно, Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (PESCO) устанавливает более высокие обязательства, продвигается и координируется лучше. Также Европейский оборонный фонд (EDF) необходим для финансирования возможностей и исследований. Планируется создать общую стратегическую культуру, из которой выводится Европейская инициатива военного вмешательства, направленная на развитие общей стратегической культуры, в которой национальные вооруженные силы участвуют в оперативном прогнозировании, разведке, планировании и случае необходимости вооруженной поддержке. Поэтому Европе необходимо создать единую интервенционную силу, общий бюджет обороны и доктрину совместных действий.

2. **Суверенитет.** На европейском уровне становится необходимым контролировать границы и сохранять ценности. Миграционный кризис - это долгосрочный вызов, который возникает из-за глубокого неравенства глобализации. Из-за своего географического положения Европа связана с Ближним Востоком и Африкой, поэтому есть два сценария развития: закрытие границ, что было бы иллюзорным и неэффективным, или создание общей территории для границ, убежища и миграции, которая

ускоряется и согласовать процедуры. Аналогичным образом, разработка общих баз данных и биометрических документов идентификации, а также постепенное создание европейских пограничных полицейских сил, которые гарантировали бы строгое управление границами.

3. Внешняя политика. Суть и сила европейского проекта – демократия, где общества выступают катализатором европейских преобразований. Его внешняя политика требует четких приоритетов. Например, Средиземное море воспринимается как сердце цивилизации. Африка, более чем представляющая угрозу, должна считаться стратегическим партнером для решения будущих задач: занятость молодежи, мобильность, борьба с изменением климата и технологическими революциями.

Во Франции администрация президента Эммануэля Макрона разрабатывает меры, соответствующие вышеупомянутым инициативам. В связи с этим, после нескольких лет бюджетных ограничений и новых потребностей в вооружениях, связанных с угрозами и опасностями, президент Эммануэль Макрон в течение пятилетнего периода 2019-2023 годов предусматривает выделение 198 000 млн евро. В этом контексте Макрон намерен создать полный, сильный и современный механизм защиты в соответствии с рисками и геополитическими амбициями Франции, ключевой концепцией которой является так называемая «стратегическая автономия».

Таким образом, инвестиции в оборонную сферу Франции сосредоточены на четырех направлениях:

- 1) подготовка и предоставление военного оборудования;
- 2) обновление вооружений, в том числе приобретение бронетехники, подводных лодок и беспилотных систем, а также возобновление ядерного сдерживания;
- 3) усиление стратегической автономии с инвестициями в киберпространство, воздушный шпионаж и телекоммуникации;
- 4) увеличение бюджета для исследований и разработок.

С точки зрения Макрона европейское единство является основой его будущего, которое будет построено на двух столпах. Первый столп представлен ценностями демократии и верховенством закона. Второй столп соответствует единому рынку, который гарантирует власть, процветание и европейскую привлекательность. Европейский союз должен быть более простым, прозрачным и менее бюрократическим. Также необходимо будет установить связи с лидерами бизнеса, гражданским обществом и группами граждан для постоянного анализа того, что европейские стандарты являются подходящими и полезными для их потребностей.

Совершенно очевидно, что данная инициатива в настоящее время не несет в себе практического содержания. Все указанные государства, которые являются ее инициаторами, представляют собой основную экономическую силу в ЕС, а стало быть формируют основные расходы на пребывание в военных и политических блоках. Участие в Европейской инициативе военного вмешательства позволит создать отдельную структуру, которая будет иметь принципиально новую структуру для управления экспедиционными силами. Если рассматривать с точки зрения обеспечения, то здесь напрямую мы видим законодательное регулирование функций безопасности. В текущей реализации модели военно-политического сотрудничества основные силы НАТО остаются у США. Вкупе с тем, что почти в каждой европейской стране присутствуют гарнизоны США, то возможности реагирования на внешние угрозы и терроризм и применение сил реагирования будет основываться на стратегических ресурсах и возможностях НАТО и США. При обеспечении финансового и политически операций военного типа, США стремятся к тому, чтобы все военные действия или миротворческие контингенты были согласованы с ними. Предлагаемая же инициатива полностью меняет всю картину обеспечения мировой безопасности.

Первое, что будет изменяться – это принципы командования. При текущем использовании сводных сил НАТО, командование использует структуру, стратегические решения и иную инфраструктуру сил ВС США. При этом командование национальными экспедиционными силами возможно только в рамках обособленных подразделений. Каждая страна может отправить контингент, но при этом он будет задействован только на локальном участке. Европейская инициатива военного вмешательства предполагает равное участие всех стран и единое командование, при этом план операции и иные факторы инфраструктуры обеспечиваются единым европейским командованием. Можно сказать, что в данном случае будет реализованная модель распределенного командования, которая будет подобна модели самого ЕС. Иными словами, с учетом выхода ближайшего союзника США из ЕС, в объединенных силах будет заложен суверенный принцип командования. Это даст возможность создать еще один полюс силы и принятия решений в системе глобальной безопасности.

Библиографический список

1. Договор о Европейском Союзе // [Электронный ресурс] URL: <http://dokipedia.ru/pdf/5191637>

2. Crabb, T., & Segal, D. R. (2018). Comparative Systems of Analysis: Military Sociology in the United States and Europe. In G. Caforio & M. Nuciari (Eds.), *Handbook of the Sociology of the Military* (pp. 61-86). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-71602-2_4
3. Draper, M. (2018). Fortress Policy and Strategy. In *The Belgian Army and Society from Independence to the Great War* (pp. 157-189). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-70386-2_6
4. Heiskala, R. (2018). The Emergence of the European Union as a Very Incoherent Empire. In R. Heiskala & J. Aro (Eds.), *Policy Design in the European Union: An Empire of Shopkeepers in the Making?* (pp. 13-48). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64849-1_2
5. Locatelli, A. (2018). Too Far Ahead? The US Bid for Military Superiority and Its Implications for European Allies. In M. Clementi, M. Dian, & B. Pisciotta (Eds.), *US Foreign Policy in a Challenging World: Building Order on Shifting Foundations* (pp. 145-163). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54118-1_8
6. Nünlist, C. (2018). Switzerland and NATO: From Non-Relationship to Cautious Partnership. In A. Cottey (Ed.), *The European Neutrals and NATO: Non-alignment, Partnership, Membership?* (pp. 181-210). London: Palgrave Macmillan UK. https://doi.org/10.1057/978-1-137-59524-9_8
7. Zikeba, R. (2018). The European Union in Crisis. In *The Euro-Atlantic Security System in the 21st Century: From Cooperation to Crisis* (pp. 183-212). Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-79105-0_7

Политика США в арктическом вопросе: повестка 2019 года*

В Стратегии национальной безопасности США говорится о том, что «Соединенные Штаты – это арктическая нация, имеющая широкие и фундаментальные интересы в арктическом регионе, где страна стремится удовлетворить свои потребности в области национальной безопасности, защитить окружающую среду, ответственным образом управлять

* Ковалев А.А. Политика США в арктическом вопросе: повестка 2019 года // *Право и политика.* – 2020. – № 1. – С. 25-37.

ресурсами, учитывать интересы коренных народов, поддерживать научные исследования и укреплять международное сотрудничество в области широкого спектра вопросов» [22]. США стали арктической страной с момента покупки Аляски у России в 1867 году. Аляска – это самая большая, но наименее густонаселенная территория в США, с населением приблизительно 700 тыс. чел. [28]. На Аляске добывается 20% американской нефти, а на севере-западе региона расположены земли Национального нефтяного резерва (ННР). На этой территории разведаны огромные запасы нефти, но их добыча не осуществляется из соображений стратегического и природоохранного характера. По некоторым данным, в арктических регионах Северной Америки находится до 65% неизведанных запасов нефти и около 26% неразведанных запасов природного газа [6].

Экономические и стратегические интересы США в арктическом регионе стали особенно важными во время Холодной войны. Благодаря своей близости к морской границе с СССР, Аляска занимала центральное место в ядерном сдерживании США во время холодной войны. Здесь также находилась дальняя линия раннего предупреждения (DEW), радиолокационная система, созданная для обнаружения прибывающих советских бомбардировщиков и предотвращения вторжения в море или на сушу. После окончания Холодной войны Арктика не была приоритетом в политике США [18]. США также играли незначительную роль в международном сотрудничестве, которое началось в 90-х годах в Арктическом совете [2].

Тем не менее, начиная с 2015 года, США предприняли значительные усилия для создания четкой и амбициозной арктической политики, выпустив несколько программных и стратегических документов о своих интересах в регионе [8]. основополагающими документами, которые регламентируют деятельность по реализации национальных интересов США в Арктике, являются Президентская директива №66 по вопросам национальной безопасности от 2009 года [21], Арктическая стратегия Министерства обороны США [10], Арктическая дорожная карта ВМС США до 2030 года [29], Арктическая стратегия Береговой охраны США [30].

Основной нынешней арктической политики США является президентская директива № 66 о национальной безопасности, принятая Джорджем Бушем-младшим в 2009 году. В частности, в документе отмечается следующий важный аспект, «... в Арктике США имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов». Принимая во внимание изменения в климате

Арктики и оценивая расширяющиеся возможности освоения природных арктических ресурсов, директива констатировала, что «деятельность человека в Арктике ... будет расширяться. Это ставит Соединенные Штаты перед необходимостью более активного и действенного присутствия с целью защиты своих арктических интересов и распространения своей власти на море по всему региону...».

Национальная стратегия 2013 года для Арктического региона реализует политику 2009 года, направляя приоритеты и соединяя цели, изложенные в президентской директиве по национальной безопасности. Основными приоритетами арктической политики США являются: продвижение национальных интересов и национальной безопасности США; ответственное руководство Арктикой; укрепление международного сотрудничества.

Арктика в американской политике

Арктика не сыграла большой роли в повестке дня США. Отчасти это является естественным следствием того, что Арктический регион «отделен» от остальной части США. Власти штата Аляска заинтересованы в более активной разработке арктического шельфа и привлечении крупных инвесторов. При этом они подчеркивают, что необходим интегрированный подход к концепции устойчивого развития арктического региона. Необходимо учитывать экономический, социальный и экологический аспекты [7]. Как сказал специальный представитель по Арктике адмирал Роберт Папп, «алаяскинцы это прекрасно понимают, но остальная часть страны, действительно, не думает о том, что Соединенные Штаты являются арктической нацией» [25]. С председательством США в Арктическом совете в 2016 году наметилась попытка изменить эту тенденцию. Это подтверждается не только количеством стратегических документов, подготовленных в правительстве США при подготовке к председательству, но и особым интересом президента Барака Обамы, который был первым действующим президентом США, посетившим Аляску в сентябре 2015 года. Цель визита состояла в том, чтобы привлечь национальное и международное внимание к последствиям изменения климата в Арктике и собрать вместе лидеров арктических стран, чтобы обсудить, как решать некоторые из наиболее острых проблем, стоящих перед регионом [15]. В январе 2015 года президент Обама учредил Арктический исполнительный руководящий комитет (AESC), отвечающий за содействие коммуникации, координации и сотрудничеству между федеральными департаментами, агентствами и офисами, ответственными за деятельность в арктическом регионе.

Утверждалось, что существует разрыв между Вашингтоном и Аляской, когда Государственный департамент и Белый дом больше сосредоточены на изменении климата, а жители Аляски больше озабочены возможностями трудоустройства и экономического роста, а также здоровьем и профилактикой самоубийств. Палата представителей США принимает Арктическую рабочую группу Конгресса, и в 2015 году сенатор от Аляски Лиза Мурковски и сенатор Ангус Кинг из штата Мэн сформировали Сенатскую Арктическую группу для привлечения внимания и обсуждения будущего Арктики. Сенаторы обратили внимание на такие темы, как потребность ледокола в Арктике США, изменение климата, ратификация ЮНКЛОС и многое другое [11].

Ключевым приоритетом в арктической политике США является защита и сохранение ресурсов и среды обитания в Арктическом регионе. Арктическая стратегия определяет, что последствия изменения климата в Арктике и возросшей человеческой деятельности требуют осторожности и больших знаний для принятия ответственных решений. Таким образом, Арктическая стратегия призывает к дополнительным научным исследованиям и пониманию того, как изменение климата влияет на окружающую среду и океан Арктики. Аляска обладает значительными запасами нефти и газа как на берегу, так и на море. Арктическая стратегия США не привлекает большого внимания к важности разработки этих ресурсов, а скорее указывает на необходимость ответственного управления ресурсами и принятия решений на научной основе. Также было много споров по поводу разработки морских ресурсов на Аляске, особенно в отношении разведочного бурения Shell в Чукотском море осенью 2015 года [23]. Министерство внутренних дел США рассматривает вопрос о полном запрете морского бурения в американской Арктике. Этот запрещающий момент является естественным, так как последствия изменения климата стали заметны в некоторых частях Аляски.

Разрушение береговой линии, сокращение рыбных запасов и других источников пищи, а также более высокий риск заболеваний уже затронули некоторые общины Аляски, и особенно коренное население [3]. Эти воздействия также были в центре внимания во время визита президента Обамы на Аляску в 2015 году, и их следует рассматривать в связи с глобальной позицией США в отношении изменения климата, которая была рассмотрена на Конференции по климату в Париже в декабре 2015 года. Представители демократических партий США, в частности Хилари Клинтон, защищая интересы коренных народов Аляски, выступают за консервацию природных ресурсов Крайнего Севера. Они уверены, что ресурсоориентированный характер экономики

Аляски это не тот вектор, на который следует делать ставку. Более перспективно, по мнению демократов, развитие сферы услуг и высокотехнологичных отраслей. Тем более, что уникальная природа Аляски и наличие заповедных зон, таких как крупнейший в США Национальный арктический заповедник (НАЗ), способствуют развитию туризма в регионе.

Одной из важнейших тем Арктической стратегии США является необходимость принятия научных решений, а также дополнительных научных исследований о воздействии изменения климата, сохранения дикой природы и мониторинга и картирования окружающей среды и растительности Арктики. «Несмотря на растущий объем исследований, окружающая среда Арктики остается плохо изученной» – говорится в Президентской директиве по национальной безопасности [21]. Далее подчеркивается, что экологические исследования, мониторинг и оценки уязвимости являются главными приоритетами из-за необходимости принятия решений на основе научных данных.

США проводят активную политику исследования арктического климата, работая в тандеме с такими учреждениями, как Национальный научный фонд, Комиссия США по исследованиям Арктики, Геологическая служба США, Межведомственный комитет по политике в области арктических исследований, Национальное управление океанических и атмосферных исследований и др. Береговая охрана также участвует в научных исследованиях в Арктике, например, с помощью ледокола USCG Healy для поддержки научной деятельности в регионе. ВМС США также играют здесь важную роль, проводя научные ледовые экспедиции (SCICEX), улучшая способность понимать и прогнозировать арктическую физическую среду в различных временных и космических масштабах посредством прогнозирования толщины льда и снега, анализа айсберга, прогнозирования протяженности морского льда и других исследований [4].

На территории Аляски разделяют несколько крупных географических регионов, отличающихся по климатическим и геологическим особенностям. Коренное население штата состоит из нескольких этнических групп, которые ряд ученых разделили на три основные: эскимосы, индейцы и алеуты. Коренные народы, составляющие 14,3% населения Аляски [28], особенно уязвимы к изменению климата, а также сталкиваются с такими проблемами, как алкоголизм и психические расстройства. Стратегические документы США в отношении Арктики базируются на политике партнерства и общения с властями Аляски и ее коренными жителями. Администрация Белого дома стремится предоставить аляскинской общине «значимую и

своевременную возможность проинформировать федеральную политику о коренных общинах Аляски». Например, Министерство внутренних дел провело несколько публичных слушаний и собрало мнения людей, промышленников и должностных лиц относительно закрытия арктических морских вод для нефтегазовой деятельности [20].

Американская арктическая политика имеет реальную международную перспективу. Укрепление международного сотрудничества является одним из трех направлений деятельности властей США. Национальная арктическая стратегия государства подчеркивает четыре цели международного сотрудничества: 1. поддерживать договоренности, способствующие общему арктическому процветанию, защите окружающей среды Арктики и повышению безопасности; 2. взаимодействовать через Арктический совет для продвижения интересов США в арктическом регионе; 3. присоединиться к морскому праву; 4. сотрудничество с другими международными сторонами (неарктическими государствами и негосударственными субъектами). Кроме того, обеспечение мира и стабильности путем взаимодействия с союзниками, партнерами и заинтересованными сторонами определено в качестве руководящего принципа в Арктической стратегии.

Реализация намеченных планов будет осуществляться в конкретных областях: региональная работа по обеспечению готовности и реагированию на разливы нефти, поиск и спасание, предотвращение нерегулируемого рыболовства в открытом море в Арктике, содействие научным исследованиям и мониторингу, сокращение выбросов черного углерода, следование Полярному кодексу, определяющему внешнюю границу расширенного континентального шельфа США.

Основное внимание также уделяется улучшению экономических условий и условий жизни людей, живущих в Арктике; безопасности Северного Ледовитого океана; устранению последствий изменения климата [31]. Еще одной важной стратегической целью стало повышение осведомленности об Арктике на международном и национальном уровнях. Визит президента США Барака Обамы на Аляску и участие Хилари Клинтон и Джона Керри в заседаниях Арктического совета способствовали этому. По словам главного редактора «Арктического ежегодника» Хизер Экснер-Пиорт, у США также был конструктивный подход к России [17]. Этот подход состоял в том, чтобы не допустить возникновения напряженности в Арктическом совете и сосредоточиться на сотрудничестве в области науки и исследований.

Стратегические интересы США и безопасность в Арктике

Президентская директива по национальной безопасности гласит: «У США есть широкие и фундаментальные интересы национальной безопасности в арктическом регионе» [21]. Продвижение интересов безопасности США также является одним из направлений усилий, определенных в Арктической стратегии.

Всемирная оценка угроз в 2016 году, проведенная разведывательным сообществом США, включает один параграф об Арктике в разделе о глобальных угрозах [14]. Оценка угроз говорит о рисках, связанных с «усилением конкуренции между арктическими и неарктическими странами за доступ к морским маршрутам и ресурсам».

Арктическая стратегия Министерства обороны США показывает, что в Арктике относительно низкий уровень военных угроз [10]. В ней не упоминаются какие-либо конкретные угрозы стратегическим интересам США в Арктике. Арктическая дорожная карта ВМС также утверждает, что уровень угрозы в арктическом регионе низок, но утверждает, что у ВМС есть постоянные интересы безопасности в регионе, включая системы раннего предупреждения об угрозах; свободу навигации и полетов; предотвращение террористических актов; развертывание морских и воздушных сил для сдерживания, присутствия на море и проведению операций по обеспечению безопасности на море [29]. Кроме того, «Арктическая дорожная карта» указывает на сотрудничество с другими арктическими государствами, включая Россию, в Арктическом совете и на других форумах, и считает маловероятным, что какое-либо из пяти Арктических прибрежных государств будут рисковать крупномасштабным межгосударственным военным конфликтом. Однако «дорожная карта» также не исключает усиление напряженности из-за неправильных представлений, риторики или непредвиденной динамики экономических интересов в регионе, особенно в том, что касается расширенных требований континентального шельфа и экономических ресурсов региона.

Политические документы США фокусируются на «более мягких» угрозах безопасности США в арктическом регионе [1]. Как уже говорилось ранее, изменение климата уже угрожает жизни аляскинских общин из-за эрозии береговой линии или снижения доступности природных ресурсов. Арктическая стратегия конкретно указывает на риски, связанные с ростом человеческой деятельности в регионе, и на необходимость развития арктической инфраструктуры и потенциала реагирования. Этот акцент на экологическую и гуманитарную безопасность и необходимость совершенствования мер реагирования на

техногенные катастрофы также отражен в Арктической дорожной карте ВМС и арктической стратегии береговой охраны.

Аналогичным образом особое внимание уделяется безопасности человека и окружающей среды в заявлениях и выступлениях официальных лиц США в Арктике.

«Наш высший приоритет – защита американского народа, нашей суверенной территории и прав, природных ресурсов и интересов Соединенных Штатов», – говорится в арктической стратегии [10]. Арктическая стратегия министерства обороны также определяет защиту страны и осуществление суверенитета в качестве стратегических целей в Арктическом регионе. В стратегии говорится, что США должны быть готовы обнаруживать, сдерживать, предотвращать и побеждать угрозы безопасности государства в результате расширения доступа в Арктический регион. В среднесрочной и долгосрочной перспективе, стратегия считает, что может возникнуть необходимость в дальнейшем развитии потенциала для защиты воздушных, сухопутных и морских границ США в регионе. Кроме того, одной из основных стратегических целей ВМС является обеспечение суверенитета США в Арктике и обеспечение обороны государства. Береговая охрана определяет осуществление и оценку суверенитета США в качестве стратегических приоритетов. США также показывает, что существует необходимость разработки соответствующих возможностей и полномочий для того, чтобы выполнять миссии и обеспечивать свое присутствие в Арктике.

Арктическая стратегия определяет необходимость повышения осведомленности об Арктической области в целях защиты суверенитета, интересов, морской торговли и людей, живущих в Арктике. Документ гласит, что повышенная активность в Арктике увеличила риски коалиций, затопления, разливов нефти, незаконного рыболовства и негативных последствий эксплуатации природных ресурсов, а также угрозы суверенитету США. Поэтому стратегия подчеркивает важность большей осведомленности о морской области для эффективного понимания морской деятельности в регионе в целях обеспечения морского суверенитета и устранения угроз. В целях повышения осведомленности на море береговая охрана обеспечит координацию и обмен информацией; усилит сбор и анализ морской информации и разведывательных данных; обеспечит свое эффективное присутствие.

Все документы по арктической стратегии Америки настоятельно рекомендуют США присоединиться к ЮНКЛОС. Свобода морей или свобода судоходства кодифицированы в ЮНКЛОС и являются важным принципом внешней политики США. Сохранение свободы морей в арктическом регионе определено как один из национальных интересов

США в регионе. «Мы обеспечим процветание и безопасный транзит, развивая и поддерживая морские, подводные и воздушные активы, необходимую инфраструктуру» – говорится в Арктической стратегии [30]. В Стратегии подчеркивается, что США будут стремиться укреплять национальную оборону, безопасность мореплавания, реагирование на морскую среду и возможности поиска и спасения.

Содействие оборонному сотрудничеству в Арктике

Военное сотрудничество в Арктике конкретно не упоминается в Арктической стратегии. Представители арктических властей США также, похоже, уклоняются от этой темы при рассмотрении вопросов международного сотрудничества в регионе, скорее всего потому, что это тема без консенсуса [5]. Арктическая стратегия Минобороны конкретно определяет содействие оборонному сотрудничеству в качестве цели. Стратегия указывает на то, что отношения с союзниками и партнерами являются важными факторами сотрудничества в выполнении обязательств в области безопасности и обороны. Далее говорится, что совместный подход к обороне в регионе поможет предотвратить конфликты и обеспечит стабильность, необходимую для достижения целей арктической политики США. Арктическая стратегия Минобороны выявляет необходимость «укрепления доверия с ключевыми региональными партнерами» и «снижение вероятности возникновения непониманий» посредством деятельности по сотрудничеству в области безопасности и других форм взаимодействия между вооруженными силами.

Хотя это и не является приоритетом для правительства США, такое сотрудничество в области безопасности было создано аналитиками за последние несколько лет. Хизер Конли из Центра стратегических и международных исследований предложила построить новую архитектуру безопасности для Арктики еще в 2012 году. В 2016 году она опубликовала отчет, в котором были изложены вопросы военной безопасности, представленные Арктическому совету. Конли утверждает, что арктические страны должны разработать новые методы повышения прозрачности и усилий по укреплению доверия с Россией, чтобы избежать несчастных случаев или недопонимания.

В целом проблемы безопасности в Арктике играют второстепенную роль в оборонной политике США [9]. Это вызвало обеспокоенность у некоторых политиков США, аналитиков и военных чиновников [20]. Однако на слушаниях в Сенате в 2015 году океанограф Военно-морского флота контр-адмирал Тимоти Галлоде заявил, что нынешняя позиция ВМФ в Арктике является адекватной для удовлетворения существующих оборонных потребностей в регионе [13].

Тем не менее, как в отчетах Пентагона, так и в ВМФ было обнаружено, что военные возможности США в Арктике отсутствуют в среднесрочной и долгосрочной перспективе, когда требования и условия могут измениться [26].

Арктический регион имеет большое стратегическое значение для систем противовоздушной и противоракетной обороны Северной Америки и систем раннего предупреждения. Североамериканское командование по аэрокосмической обороне контролирует американские самолеты на Аляске, а NORAD контролирует Северную систему оповещения с помощью радаров воздушного наблюдения на Аляске, в Канаде и Гренландии. У США есть две авиабазы на Аляске и одна в Гренландии. Кроме того, ВМС США планируют открыть авиабазу Кефлавик за пределами Рейкьявика.

Армия США на Аляске состоит из обычных механизированных пехотных и воздушно-десантных войск, не предназначенных для специальных арктических операций. В войсках действует учебный центр для подготовки развертывания в условиях сурового арктического климата, научно-техническая лаборатория и испытательный центр на Аляске. В отличие от пехотинцев и воздушных десантников, корпус морской пехоты США имеет определенную арктическую подготовку и снаряжение, а также участвует в ежегодных учениях в Норвегии по реагированию в условиях холода, а также в других учениях НАТО в Северной Норвегии.

Морские возможности США

Авианосцы США и другие боевые корабли специально не приспособлены к арктическим условиям, но, как правило, способны работать в некоторых частях региона. Береговая охрана в настоящее время эксплуатирует один тяжелый ледокол, которому почти 40 лет. Руководство береговой охраны и правительство Аляски годами настаивали на приобретении нового полярного ледокола, и в 2015 году президент Обама срочно призвал начать строительство [16]. Ожидается, что производство будет начато к 2020 году. В условиях Арктики США требуется поддержка ледокола для обеспечения эффективной связи и осведомленности в морской сфере в регионе. Прогнозы на будущее указывают, что Береговая охрана должна будет расширить свои ледокольные мощности до шести ледоколов [24].

Атомные подводные лодки США регулярно проходят под арктическим льдом или прорываются сквозь лед около Северного полюса. Известно, что около 53 атомных подводных лодок могут работать в арктических условиях. Адмирал Марк Фергюсон, командующий Военно-морскими силами США в Европе, заявил в 2015

году, что российский военно-морской флот повышает свою оперативность и наращивает потенциал в Арктике и других местах, чтобы сдерживать потенциал НАТО [12]. Представители ВМС заявили, что растущее число российских подводных лодок в мире, потребует больше кораблей, самолетов и подводных лодок для их мониторинга [27]. Исходя из этого Министерство обороны предложило увеличить подводные возможности в течение пятилетнего периода.

Заключение

Хотя Арктика долгое время игнорировалась в американской политике, политики США предприняли значительные усилия, чтобы привлечь внимание к региону. Тем не менее, Арктика далека от политического приоритета в разработке политики США. Арктические дебаты в США, как правило, характеризуются вопросами финансирования, что имеет важное значение для береговой охраны и Военно-морского флота для работы в регионе в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Основными приоритетами и интересами арктической политики США являются принятие изменений климата и ответственное экономическое развитие; научное исследование; установление партнерских отношений с заинтересованными сторонами в Арктике и международное сотрудничество. США хотят, чтобы регион поддерживал мир.

Основные стратегические интересы США и интересы безопасности в Арктике способствуют повышению осведомленности об арктической области; обеспечению и защите свободы морей, поддержке суверенитета государства.

Арктика не играет важной роли в оборонном планировании США. США – военно-морская держава, но у ВМС и Береговой охраны нет оборудования, подходящего для арктических условий. Тем не менее, США поддерживают свое присутствие в регионе через базы на Аляске, в Гренландии и в тесном сотрудничестве с другими арктическими союзниками. Таким образом, при поддержке союзников, США являются мощным государством, которое может взять на себя расходы по институционализации сотрудничества в области безопасности в Арктике, но, похоже, не желает этого делать. Вероятно, что американские чиновники не хотят концентрировать все внимание на военной безопасности в регионе, а больше сосредоточиться на деятельности, в которой заинтересованы все арктические страны, в таких сферах, как научные исследования и изменения климата. Таким образом, США конкретно не определили потенциальные субоптимальные последствия индивидуальной защиты интересов безопасности и не выявили взаимных выгод от институционализации сотрудничества в области безопасности.

Библиографический список

1. *Авакян С.В., Воронин Н.А.* О проблемах Арктики в свете современных изменений климата // Академия энергетики. 2013. № 5. С. 28-37.
2. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. 2014. № 2. С. 15-22.
3. *Иванова А.Н., Яковлева Т.А., Климова М.П.* Экологическая безопасность Арктики: правовые основы. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2013. 247 с.
4. *Михайлов С.А.* США и общеевропейская политика в сфере безопасности и обороны. М.: Российский институт стратегических исследований, 2006. 75 с.
5. *Муштакова Е.С.* Правовое понятие Арктики в международном и национальном законодательстве // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 6. С. 61-66.
6. *Подрезов Ю.В.* Освоение Арктики: международное сотрудничество, климат, безопасность // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 1. С. 98-103.
7. Политика Администрации Б. Клинтона в области национальной безопасности США: Реф. сб. / [Редкол.: В.В. Александров (отв. ред.) и др.]. М.: ИНИОН, 1996. 176 с.
8. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике: материалы круглого стола, 26 ноября 2014 года / под общ. ред. Э. Н. Чижикова [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. 250 с.
9. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т.19. №2. С. 30-40.
10. Arctic Strategy // US Department of Defense / [Электронный ресурс] URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf
11. *Carney J.* Alaska Senator Launches Arctic Caucus // The Hill / [Электронный ресурс] URL: <http://thehill.com/blogs/floor-action/senate/234659-alaskasenator-launches-arctic-caucus>
12. *Cavas C.* US: Russia Building «Arc of Steel» From Arctic to Med / Defense News [Электронный ресурс] URL: <http://www.defensenews.com/story/defense/naval/2015/10/06/russia-military-naval-powershipbuilding-submarine-warships-baltic-mediterranean-black-sea-arctic-syria-estonia-latvia-lithuania-crimea-ukraine/73480280/>

13. Charting the Arctic: Security, Economic and Resource Opportunities // US Congress, Senate, Committee on Foreign Affairs, Joint Subcommittee Hearing: 114th Congress, 1st session. 2015. November 12. p. 114-127.

14. *Clapper J.R.* Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. Senate Armed Services Committee // Office of the Director of National Intelligence [Электронный ресурс] URL: http://www.armedservices.senate.gov/imo/media/doc/Clapper_02-09-16.pdf

15. Conference on Global Leadership in the Arctic: August 30-31, 2015 // Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs / [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/e/oes/glacier/index.htm>

16. Fact Sheet: President Obama Announces New Investments to Enhance Safety and Security in the Changing Arctic // Office of the Press Secretary / [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/01/factsheet>

17. First 100 Days of its Arctic Council Chairmanship // The Arctic Institute / [Электронный ресурс] URL: <http://www.thearcticinstitute.org/uschairmanship-100-days>

18. *Huebert R.* United States Arctic Policy: The Reluctant Arctic Power // SPP Briefing Papers, University of Calgary 2, no 2 / [Электронный ресурс] URL: <http://www.policyschool.ucalgary.ca/sites/default/files/research/sppbriefing-huebertonline.pdf>

19. *Martinson E.* New Obama Offshore Plan Eyes Further Arctic Protections // Alaska Dispatch News / [Электронный ресурс] URL: <http://www.adn.com/politics/article/obama-administration-considering-expanding-drillingrestrictions-arctic-waters/2016/03/15/>

20. *Mathiesen K.* Climate Change Has Left US Exposed in Arctic Say Military Experts // The Guardian / [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/10/climate-change-has-left-us-exposed-in-arctic-say-military-experts>

21. National Security Presidential Directive 66 – Homeland Security Presidential Directive 25 // [Электронный ресурс] URL: http://www.nsf.gov/geo/plr/opp_advisory/briefings/may2009/nspd66_hspd25.pdf

22. National Security Strategy // [Электронный ресурс] URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf

23. *Nelsen A.* Shell Has Frozen its Arctic Oil Drilling – But its Still Hungry For Fossil Fuels // The Guardian / [Электронный ресурс] URL:

<https://www.theguardian.com/environment/2015/sep/28/shell-has-frozen-its-arctic-oil-drilling-but-the-fight-isnt-over>

24. *O'Rourke R.* Coast Guard Polar Icebreaker Modernization: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service / [Электронный ресурс] URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/weapons/RL34391.pdf>

25. *Papp R.* Statement of Admiral Robert J. Papp, Jr. Special Representative for the Arctic U.S. Department of State Before the Committee on Foreign Affairs // [Электронный ресурс] URL: <http://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20151117/104201/HHRG-114-FA14-Wstate-PappR-20151117.pdf>

26. Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage // US Department of Defense / [Электронный ресурс] URL: http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Tab_A_Arctic_Report_Public.pdf

27. *Schmitt E.* Russia Bolsters Its Submarine Fleet as Tensions With US Rise // New York Times / [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2016/04/21/world/europe/russia-bolsters-submarine-fleet-and-tensions-with-us-rise.html?_r=1

28. The Arctic Institute Country // Backgrounders: USA / [Электронный ресурс] URL: <http://www.thearcticinstitute.org/countries/usa/>

29. The United States Navy Arctic Roadmap for 2020 to 2030 // [Электронный ресурс] URL: http://www.navy.mil/docs/USN_arctic_roadmap.pdf

30. United States Coast Guard Arctic Strategy // US Coast Guard / [Электронный ресурс] URL: https://www.uscg.mil/seniorleadership/docs/cg_arctic_strategy.pdf

31. US Chairmanship of the Arctic Council // Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs [Электронный ресурс] URL: <http://www.state.gov/e/oes/ocns/opa/arc/uschair/>

Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада*

Введение

Поиски онтологической сущности правовой культуры остаются актуальной проблемой для отечественной социальной философии, теории и философии права, философии культуры. Различные аспекты правовой культуры привлекают внимание философов, культурологов, правоведов. Все они стремятся концептуально определить правовую культуру. Эта проблема является междисциплинарной для гуманитарных наук, и актуализировалась она в связи с поисками нового правопонимания, необходимость которого диктует меняющаяся стремительными темпами социальная реальность.

Для культурологов и философов культуры исследование правовой культуры представляет интерес в плане выявления общего и особенного в феномене правовой культуры как неотъемлемой части культуры в целом. Социальная философия, важнейшей частью которой являются философия права и философия культуры, рассматривает проблему правовой культуры на предельно широком, концептуальном уровне.

В отечественной научной литературе не часто обращались к анализу зарубежных концепций правовой культуры, бытующих как в академической среде, так и среди политиков и юристов-практиков. Не секрет, что в США и странах Западной Европы политики-практики прислушиваются к выводам и рекомендациям ученых, что помогает им принимать взвешенные и ответственные решения. Поэтому исследование философских и политических воззрений, относящихся к правовой культуре и распространенных в западной академической среде, будет бесполезным. Прежде всего – для поиска точек соприкосновения с западным миром в нашу сложную и конфликтную эпоху, когда цивилизационное противостояние угрожает перерасти в масштабный и последний для всего человечества конфликт.

Поэтому целью данного исследования является анализ взглядов видных теоретиков культуры и социальных философов Запада на феномен правовой культуры. Достижение этой цели включает следующие задачи: 1) рассмотреть многообразие трактовок правовой культуры; 2) рассмотреть понимание воздействия правовой культуры на работу правовых систем.

* Ковалев А.А. Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 148-155.

У нас в стране к различным аспектам сущности и функционирования правовой культуры обращались М.Г. Баумова [1], О.Н. Братусева [2], В.Н. Гуляихин [4], В.М. Пржиленский [8], В.М. Малахов [5], В.С. Нерсесянц [7], М.Г.Тюрин [9], В.Н. Хропанюк [10], П.А. Шашин [11] и другие исследователи. В своих исследованиях они, в той или иной степени, рассматривали взгляды западных исследователей. В этой статье мы проанализируем взгляды ученых (Л. Фридмана, М. Дамаска и др.), которые редко попадали в поле зрения отечественных обществоведов.

Методология данного исследования включает метод исторических параллелей как модификацию социально-философского метода аналогий, сравнительно-правовой метод и применяемые в философии культуры и культурологии генетический и компаративный подходы.

Основная часть (Результаты и обсуждение)

Поиски некоей единой, определенной и строгой концепции правовой культуры обладают очевидной исследовательской привлекательностью для сравнительной социологии права, предлагающей общие сравнения различных правовых систем как феноменов общественного бытия. Акцентирование внимания на правовой культуре действительно можно рассматривать как средство, помогающее синтезу интересов и стремлений социологии права, теории и философии права, культурологии и сравнительного правоведения. Отметим, что в своей предметной области социальная философия и теоретическая социология совпадают, а потому векторы интересов их исследователей равнонаправлены.

Сравнительное правоведение, задачей которого является сравнение различных правовых систем мира, разрабатывает четкие концептуальные рамки для сравнения между государственными правовыми системами прошлого и современности, важнейшими составными частями которых являются определенные представления о правовой культуре. Но основные концептуальные механизмы сравнительного правоведения представляются недостаточными для целей социологии права, ибо для последней требуется концептуальная основа, позволяющая сравнивать не просто правовые доктрины, а правовые идеи и практики правоприменения, связанные с широким социальным контекстом.

Трудность понятия правовой культуры, как и самого понятия культуры, заключается в его неточности и расплывчатости, которая является следствием предъявляемых к нему требований и той роли в социальном анализе, которую оно призвано играть. Ведь в современной

научной литературе насчитывается, по разным оценкам, от 250 до 400 определений культуры. Едины исследователи, пожалуй, лишь в одном тезисе: культура – это духовное возделывание индивида, средство превращения его в самостоятельную личность [3].

Культура позволяет сохраниться и обществу, а национальная культура превращается в мощный государствообразующий фактор. История учит, что когда примитивизируется и гибнет культура, то сходят с исторической сцены этносы и государственные образования.

В обширной теоретической и дискуссионной работе американского политолога, историка и писателя Лоуренса Фридмана о правовой культуре предлагаются различные характеристики правовой культуры, и делается обзор существующих точек зрения на проблему. Правовая культура «относится к общественному знанию и отношениям и моделям поведения по отношению к правовой системе» [18], [19], [20], [21]. Правовая культура также может быть «совокупностью обычаев, органически связанных с культурой в целом» [15]. Правовая культура – это часть культуры вообще: «те части общей культуры – обычаи, мнения, способы действий и мышления, которые склоняют общественные силы к закону или от него в частности» [6]. Правовая культура состоит из «установок, ценностей и мнений, существующих в обществе по поводу права, правовой системы и ее различных частей», «идей, установок, ценностей и убеждений, которых люди придерживаются относительно правовой системы» или «идей, установок, ожиданий и мнений о праве, существующих у людей в каком-либо данном обществе» [12].

Неточность этих формулировок затрудняет понимание того, что именно охватывает это понятие и какова взаимосвязь между различными элементами, которые входят в теоретическую область. Чаще всего понятие правовой культуры не исследовалось как теоретико-познавательная проблема, оно использовалось лишь как второстепенная категория для обозначения общей среды мышления, убеждений, практики и институтов, в рамках которой право может считаться существующим. Некоторых исследователей устраивало такое положение вещей, а некоторых – нет.

Понятие правовой культуры имеет, по меньшей мере, две сферы приложения. С одной стороны, оно указывает на широкое признание чрезвычайно глубоких исторических тенденций или движений, которые, безусловно, не замкнуты лишь в границах наций или государственных правовых систем. С другой стороны, эта концепция используется для статуйного признания правового плюрализма, понимаемого в его социально-научном смысле. Плюралистичность позиций предполагает концепции более сложного уровня. Правовая культура предстает не как

единое целое, а как огромное, многослойное образование из различных уровней и отраслей культуры, различающихся по содержанию, объему и влиянию, а также по их отношению к институтам и практикам государственно-правовых систем.

Л. Фридман последовательно описывает фундаментальную двойственность правовой культуры, которая проявляется на ее различных уровнях или областях. Он предусматривает существенное различие, напоминающее в этом отношении точку зрения классика исторической школы права Фридриха Савиньи, между правовой культурой «тех членов общества, которые выполняют специализированные юридические задачи», и правовой культурой других граждан [25]. Правовая культура юристов, которую Л. Фридман считает «особо важной», – это «внутренняя» правовая культура. Такой культуре противопоставляется то, что он в разное время называл «внешней», «народной» или «пассивной» правовой культурой. Однако связь между «внутренней» и «внешней» правовой культурой остается весьма неясной. Не ясно, почему внутренняя правовая культура должна рассматриваться в социологическом плане как особо важная и почему именно поведение и установки профессионалов оказывают большое влияние на правовую систему.

Л. Фридман предложил довольно подробное описание воздействия правовой культуры на работу правовых систем. Социальные силы создают стимул для перемен, но не воздействуют непосредственно на правовую систему. Интересы должны быть превращены в требования, а требования должны быть успешно навязаны правовой системе для производства «правовых актов» (например, новых законов). Правовая культура обеспечивает или допускает перевод интересов в социальные требования посредством выраженных в правовой культуре установок, которые способствуют формированию требований. И правовая культура также определяет способ, которым правовая система реагирует на эти требования. В этом последнем качестве правовая культура воздействует на построение «структур» самой правовой системы – таких, как совокупность правовых норм или юридических прецедентов, а также на социальные силы, влияющие на правовую систему.

Л. Фридман опровергает метафизический тезис, что сама правовая система каким-то образом реагирует в качестве активно действующей силы. «Действуют реальные силы, реальные люди»; «конкретная оппозиция групп интересов, выраженная через правовую систему или в ней самой» [17]. Тем не менее, правовая система – процедурные и доктринальные структуры – «действительно имеет некоторое значение; она точно показывает, как много мы не знаем» [17].

Идея правовой культуры оказалась способной охватить представление о том, что право проникает в значительное количество сфер социального и индивидуального бытия. Современные западноевропейцы рассматривают право скорее не как совокупность обязанностей и долг в кантовском смысле, а как гарант выполнения обязательств со стороны государства. В странах с авторитарной и тоталитарной политической системой право выполняет исключительно охранительные и карательные функции во имя защиты интересов правящей верхушки. В таких странах право становится фикцией, жалким фиговым листом, ибо служит прикрытием преступных действий власти, деформирующей правовую культуру народа. Тогда сама правовая культура становится симулякром, нечто несуществующим и аморфным.

И все же во многих странах современного мира, испытывающих на себе гнет насильственной глобализации или авторитарных режимов, растет осознание социальных притязаний. Растет общее ожидание справедливости и воздаяния за грехи. Права как компонента социальной жизни становятся все больше. Культура выбора, в которой люди ожидают, что они смогут формулировать, выражать и осуществлять личный выбор и, при необходимости, защищать его с помощью права, становится довлеющей во многих странах.

Проблемы понимания правовой культуры отражают, в основном, общие трудности, связанные с самим понятием культуры. Эти трудности серьезно ограничивают полезность концепций сравнительной социологии права, направленных на систематическое эмпирическое объяснение и развитие теории, способной прояснить общие причинно-следственные или функциональные связи между социальными явлениями. Культура – это удобное понятие, которым условно можно обозначить общую среду социальных практик, традиций, представлений и ценностей, в которых существует право. Правовая культура в этом смысле может иметь для социологии права то же значение, что и идея национальных правовых семей для теории права и сравнительного правоведения.

Следует обратиться к вопросу о взаимосвязи между сравнительным правоведением и социологией права. В этом контексте интересна позиция почетного профессора права Йельской юридической школы Мирьяна Дамаска (Mirjan R. Damaška), которая фокусируется на взаимодействии конкретных переменных, связанных с политической структурой и политической идеологией. При объяснении различий в моделях правовой процедуры этот подход представляется более перспективным, чем тот, который принимает концепцию правовой культуры в качестве объяснения.

М. Дамаска говорит о социальных переменных и их взаимодействии как о процессе создания моделей для анализа. Этот анализ базируется на идеальных типах государственного устройства и процедурной власти, с одной стороны, и ориентации на политическую власть – с другой стороны. Они должны использоваться для объяснения тех видов различий в правовой организации и мировоззрении, которые часто связаны с контрастами между семьями общего права и гражданского права, признанными в сравнительном правоведении [14].

М. Дамаска полагает, что сравнительно-правовая концепция правовых семей является недостаточной для характеристики отличительных особенностей процессуальных систем: во-первых, из-за разнообразия правоприменительной практики, которую осуществляют различные системы, и, во-вторых, из-за кажущегося отсутствия связей между процессуальными элементами, которые сгруппированы вместе внутри той или иной правовой семьи.

Профессор Дамаска признает невозможность охарактеризовать культурную сложность иначе, как с точки зрения отслеживания конкретных, более или менее уникальных кластеров исторических событий в конкретных правовых системах. Эти изменения следует понимать в терминах определенных идей, лежащих в их основе, которые можно считать ярко выраженными. Это «идеи, способные складывать воедино формы справедливости в узнаваемые образцы» [13]. Логические связи между этими постулируемыми идеями создают идеальные типы процессуальных систем, которые могут способствовать сопоставлению между фактическими процессуальными системами. Диалектика юридического и фактического – частный случай диалектической связи между должным и сущим.

Использование чистых или идеальных типов представляется одним из важных способов объединения двух жизненно важных исследовательских требований в сравнительной социологии права. Во-первых, это позволяет признать огромное количество элементов, которые можно было бы назвать составными частями правовой культуры, не попадая в ловушку представлений о культуре как о единстве, а не совокупности составных частей. В то же время, во-вторых, это облегчает сравнение.

Данный подход имеет классические истоки в веберовских исследованиях широких культурных агрегатов [26]. Действительно, в некотором смысле вся работа М. Вебера может рассматриваться как исследования, сосредоточенные на характеристике западной культуры как уникального явления. Но метод идеальных типов может быть единственным доступным общим методом, который делает возможным

изучение больших культурных агрегатов без их овеществления. Идеальный тип по своей природе предполагает, во-первых, что он обозначает некую идею как логически объединенную и самодостаточную, созданную исключительно для целей интеллектуального размышления [24]. Во-вторых, он предполагает, что эмпирические явления, для целостного изучения и систематизации которых используется идеальный тип, являются не более чем набором данных, отобранных для конкретных целей исследования из бесконечности исторического опыта.

Могут существовать определенные ограниченные условия, при которых понятие правовой культуры приобретает более значимую практическую полезность. Возможны обстоятельства, при которых правосознание целесообразно отождествлять с эмпирической категорией, а не рассматривать его просто как набор идеальных типовых конструкций.

В определенных условиях может оказаться возможным не просто абстрагироваться от бесконечности данных с помощью идеальных типов, которыми можно охарактеризовать культуру, но попытаться описать и зафиксировать этнографически во всем ее богатстве и сложности совокупность установок, ценностей, обычаев и моделей социального действия, которые могли бы составить внешнюю правовую культуру. Но это, вероятно, будет осуществимо только в том случае, когда соответствующие культурные агрегаты являются небольшими и изолированными, так что никаких серьезных проблем дифференциации и различия культур не возникает. Разумеется, в современной реальности все труднее встретить такие идеальные изолированные культуры, но еще столетие назад путешественники и этнографы имели возможность исследовать такие культурные общности.

Например, богатое наследие представляет собой классическая этнография британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского. Благодаря применению метода включенного наблюдения он исследовал то, что, в определенной мере, можно рассматривать как «правовую культуру» Тробрианских островов, хотя население этих островов находилось на уровне первобытной дикости [22]. Здесь речь, разумеется, шла о синкретичных формах зачаточного правосознания, включающего в себя определенный моральный смысл.

Сфера этнографического исследования Б. Малиновского определялась, прежде всего, не стремлением проследить конкретные переменные, а его желанием выявить генезис, социальную структуру, изменения и преемственность моральных и правовых норм, а также их функциональные связи в рамках комплексного и

недифференцированного культурного целого. Эти исследования стали возможными благодаря географической изоляции относительно небольших меланезийских обществ [23].

Поскольку речь идет о культурной совокупности как совокупности целого и о чрезвычайно сложном переплетении в ней различных элементов, то правовой элемент становится неизбежно неотделимым от других аспектов культуры или дифференцируется только временным и переменным образом. Следовательно, правовая культура – это лишь определенный аспект культуры как недифференцированная совокупность. Строго говоря, нет никакой правовой культуры, а есть только культура, рассматриваемая с определенной точки зрения юридической значимости для наблюдателя.

Проблемы расплывчатости трактовок правовой культуры и оценок причинно-следственной значимости многочисленных слоев или областей правовой культуры могут казаться менее острыми в контексте современных обществ, если объем соответствующего культурного агрегата может быть ограничен способом, сопоставимым с тем, который был использован в исследованиях Б. Малиновского.

Существующий ярко выраженный акцент на правовой плюрализм в антропологических исследованиях, а также в некоторых ранних работах по социологии права, сопровождается четко выраженным вниманием к культурным вариациям. В работе австрийского правоведа и социолога Ойгена Эрлиха подчеркивание множественности систем правового упорядочения за пределами правовой системы государства призвано точно выразить это разнообразие. Эрлих стремился показать ту сложность, с которой различия в установках, ценностях, верованиях и обычаях могут быть непосредственно зафиксированы в нормативном разнообразии [16].

Действительно, вполне возможно, что культурологические концепции особенно подходят для этнографических исследований, целью которых является описание переплетения когнитивных структур, систем ценностей и убеждений, моделей социального действия и регулятивных структур как относительно недифференцированного комплекса. Этот комплекс существует в ограниченном социальном пространстве. Он бытийствует в сложной совокупности, представляющей интерес именно как совокупность, как отображение – насколько это практически возможно и даже правдоподобно – всей сложной паутины социальной жизни.

Но целостная культурологическая концепция порой затрудняет дифференцированный подход к теоретическому и практическому изучению правовых или институциональных элементов, которые можно

было бы рассматривать как эквивалентные или заменяющие те аспекты социальной организации, которые в сложных обществах рассматривались бы как исключительно правовые. Для выделения правового элемента требуется разложение культуры на ее составляющие и теоретическая конкретизация соотношения составных элементов ее «живой души». Но это именно то, что сторонники использования идеи культуры как целостной совокупности зачастую стремятся обойти. Ведь целое никогда не идентично простой сумме частей. По мере того, как антропология развивала интерес к изучению конкретных регулятивных аспектов социальной организации, аналитически отделяя их от других элементов социальной жизни, культурологические концепции, как правило, не занимали видного места наряду с рядом других концепций, которые использовала позитивистски ориентированная научная литература.

Тем не менее, существуют перспективы использования понятия правовой культуры применительно к анализу отдельных аспектов современных государственно-правовых систем. Имеется определенное сходство между использованием концепций культуры для объяснения происхождения сложных социальных элементов и этнографическими трактовками генезиса правового сознания.

Выводы

Общий вывод, который следует сделать о современном понимании правовой культуры на Западе, заключается в том, что эти концепции наиболее полезны для акцентирования внимания на явной сложности и разнообразии социальной матрицы, в которой существуют современные государственные правовые системы. Правовая культура может пониматься как огромное разнообразие пересекающихся культур: одни относительно локальные, другие – более универсальные. Однако во многих случаях ориентация на общее понятие культуры делает проблематичным теоретическое определение специфической правовой культуры.

Поскольку социальные исследования в области права имеют тенденцию отступать от многих традиционных представлений об идеях позитивистской социальной науки или даже отвергать их, а также принимать адекватные и обязательные интерпретационные методы, которые отрицают многие позитивистские следствия использования термина «наука» в этом контексте, возникает соблазн в большей степени полагаться на относительно расплывчатые понятия культуры и правовой культуры при интерпретации социальных явлений.

Должный уровень правовой культуры можно понимать как «золотую середину» между правовым фетишизмом, который приписывает праву поистине сакральные функции и объявляет его

высшим регулятором общественных отношений, и правовым нигилизмом, отрицающим в своих крайних формах право как реальность общественного бытия.

В определенных контекстах идея недифференцированной совокупности социальных элементов, сосуществующих в определенное время и в определенном месте, может быть полезной и даже необходимой в социальных исследованиях. Эта идея удобно выражена в понятии культуры. При изучении конкретных социальных обстоятельств и контекстов понятие правовой культуры может также быть полезным для предварительного охвата всей контекстуальной матрицы, в которой действует право. А право можно понимать и как воплощение вечно привлекательной идеи справедливости, так и простую совокупность законов. Эти законы сами по себе могут быть несправедливыми, и тогда лишь уровень правовой культуры в гражданском обществе сможет противостоять возможным злоупотреблениям со стороны авторитарной государственной власти.

Библиографический список

1. *Баумова М.Г.* Функции правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2005. 220 с.
2. *Братусева О.Н.* Правовые культуры в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2009. 157 с.
3. *Горохов П.А., Кеидия К.З.* Некоторые аспекты истории проблемы «самости» в философском контексте проблемы самоидентификации // Вестник ОГУ. 2012. № 2. С. 50-54.
4. *Гуляхин В.Н.* Правовая культура в России: природа и формы правового нигилизма: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. Москва, 2006. 349 с.
5. *Малахов В.П.* Философия права. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 448 с.
6. *Навальный С.В.* Электоральная правовая культура: исторический опыт и современность: монография. Красноярск: Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2018. 427 с.
7. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М.: Издательство НОРМА, 2003. 652 с.
8. *Пржиленский В.И.* Современная философия: Интеллектуальные технологии XXI века. М.: Проспект, 2017. 336 с.
9. *Тюрин М.Г.* Архетипы национальной правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2008. 193 с.

10. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М.: «Дабатов, Ткачев, Димов», 1995. 384 с.
11. *Шашин П.А.* Правовая культура в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург., 2006. 191 с.
12. *Cotterrell R.* Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Routledge, 2017. 208 p.
13. *Damaska M.* Evidence Law Adrift. Yale University Press, 2013. 176 p.
14. *Damaska M.* The Faces of Justice and State Authority: A Comparative Approach to the Legal Process. Yale University Press, 1991. 260 p.
15. *Doeker-Mach G., Ziegert K.* Law, Legal Culture and Politics in the Twenty First Century. Franz Steiner Verlag, 2004. 527 p.
16. *Ehrlich E.* Fundamental Principles of the Sociology of Law. Transaction Publishers, 2009. 541 p.
17. *Friedman L.* A History of American Law, Revised Edition. Simon and Schuster, 2010. 784 p.
18. *Friedman L.* Impact. Harvard University Press, 2016. 315 p.
19. *Friedman L.* The Horizontal Society. Yale University Press, 2014. 336 p.
20. *Friedman L.* The Legal System: A Social Science Perspective. Russell Sage Foundation, 1975. 338 p.
21. *Friedman L.* Total Justice. Russell Sage Foundation, 1985. 176 p.
22. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. Routledge, 2014. 542 p.
23. *Malinowski B.* Methods of Study of Culture Contact in Africa. Read Books Ltd, 2014. 147 p.
24. *Nelken D.* Comparing Legal Cultures. Routledge, 2017. 288 p.
25. *Savigny F.* The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. The Lawbook Exchange, Ltd., 2002. 192 p.
26. *Weber M.* The Theory of social and economic organization. Simon and Schuster, 2009. 448 p.

Разработка стратегии мира и безопасности человека как проблема философии политики*

Введение

Исторический период, переживаемый ныне человечеством, характеризуется предельно возросшей опасностью разнообразных военных столкновений, в том числе и угрозой глобального ядерного конфликта, в котором не будет победителей и который приведет к уничтожению человеческой цивилизации в целом. К сожалению, трудно выработать практические рекомендации о том, как остановить или предотвратить конкретные вооруженные конфликты, вспыхивающее с удручающим постоянством во всех регионах мира. Но люди добились больших успехов в теоретических аспектах исследования мирного сосуществования на планете и достигли определенных успехов в практической реализации самой идеи мира – прежде всего в процессе создания и функционирования таких межгосударственных образований, как ООН.

Тем не менее, в современной политической реальности явственно ощущается недостаток взвешенных подходов к решению возникающих проблем – подходов, которые были бы основаны не на субъективной воле государственных лидеров, а на философских основаниях концепции мирного существования. Эта концепция за истекший XX век подвергалась несколько раз пересмотру, но ее актуальность продолжает оставаться как никогда ранее высокой в современную эпоху, когда под угрозой поставлено само существование жизни на земле.

Современная философия политики, являющаяся важной частью социальной философии, во многом совпадает по предмету и задачам с теоретической политологией [1; 2; 6]. Некоторые исследователи используют термин «политическая философия» [1; 14], стремясь концептуально разграничить политологию, философию политики и политическую философию. Но все названные дисциплины и их адепты, начиная со времен Аристотеля, исследуют наиболее общие основания, границы и возможности политики как искусства управления (Платон) и «искусства возможного» (Отто фон Бисмарк). Специалисты в области философского, то есть предельно общего, рассмотрения политики, задаются вопросами о соотношении в ней закономерного и случайного, объективного и субъективного, рационального и иррационального,

* Ковалев А.А. Разработка стратегии мира и безопасности человека как проблема философии политики // Вопросы управления. – 2019. – №6. – С. 35-44.

сущего и должного. Политика как форма общественного сознания, призванная адекватно реагировать на актуальные проблемы, неизбежно включает в себя вопросы сохранения мира, выживания человека как биосоциального существа в современной противоречивой международной реальности и сохранения уникальных многовековых культур и цивилизаций.

В настоящей статье будут предложены основные философские подходы к стратегическим концепциям сохранения и укрепления мира на планете. Для выполнения этой цели автором обобщаются результаты различных теоретических исследований войны и мира, предпринятые в работах отечественных [2; 4; 5; 7] и зарубежных авторов [9; 10; 11; 17; 18]. На основе этих обобщений будут выделены базисные философские принципы построения устойчивого мира.

Основная часть

Вся мировая история свидетельствует, что если бы мировое сообщество более настойчиво стремилось реализовать основные теоретические идеи исследований мира и безопасности, осуществленных учеными, то оно, вероятно, смогло бы предотвратить большинство войн. Можно было бы построить устойчивый мир с более высоким уровнем социальной справедливости, гарантированными правами человека и высоким уровнем экономического благополучия для всех стран, а также предотвратить катастрофическое разрушение окружающей среды. Вызовы современному человечеству конкретизируются в следующие угрозы: вызовы безопасности государств со стороны международных террористических организаций; вспыхивающие в разных уголках земного шара войны; распространение оружия массового уничтожения; распространение ракетных, спутниковых и беспилотных средств нападения; разрушение климата; кибер-беззаконие. Само наличие этих угроз подчеркивает настоятельную необходимость реализации конкретных программ по обеспечению мира и безопасности.

Увеличение реальной экзистенциальной опасности для наций и неэффективность многих дипломатических действий по облегчению человеческих страданий во многом объясняются политикой сильных держав, которые превыше всего ставят соображения собственной национальной безопасности в ущерб безопасности других стран [12, 165]. После распада Советского Союза биполярный мир сменился однополярной геополитической реальностью, которая породила глобализацию как одномерный процесс нивелирования политических, культурных и национальных различий по стандартам США как наиболее сильной страны западного мира. Лишь в последние годы стали возникать центры цивилизационного противостояния западному миру:

социалистический Китай и возрождающаяся Россия как центр Русского мира.

До сих пор первые лица многих государств, принимающие судьбоносные решения, не осознают необходимости инициирования создания глобальной стратегии, с помощью которой можно было бы достигнуть высокой степени безопасности человека и мирного сосуществования. К сожалению, сегодня, как правило, довольствуются разработкой национальных стратегий безопасности отдельных стран. Что касается крупных держав, то в настоящее время не рассматривается какая-либо генеральная стратегия создания целостной международной системы, способной обеспечить устойчивый мир для всех народов мира.

Но без такой единой стратегии безопасность каждой страны находится под угрозой. Несмотря на то, что построение целостного мира является чрезвычайно сложной задачей, можно обобщить результаты различных теоретических исследований войны и мира. На основе этих обобщений автор предлагает выделить шесть руководящих принципов построения устойчивого мира.

Во-первых, для укрепления мира и безопасности необходимо заложить основы целостного мироустройства, на которых могут быть построены всеобщий мир и безопасность как аксиоматичный базис человеческого существования. Хотя этот момент представляется очевидным, но на практике большинство правительств современных государств не стремятся заложить основы подлинно устойчивого мира. Преобладающим взглядом на планирование национальной безопасности по-прежнему является извечная максима: «Если хочешь мира, готовься к войне».

Но подготовка к войне не эквивалентна подготовке к миру. Однако самые могущественные правительства полагают, что если они будут готовы сражаться и выиграть следующую войну, то никакой войны и не будет, потому что никто на них не нападет. А если никто не нападет, то мир наступит сам по себе. Эта чрезвычайно упрощенная стратегия могла сработать в некоторых случаях в прошлом, особенно в краткосрочной перспективе, но стабильный мир не является результатом простого избегания войны путем поддержания высокой военной готовности.

Чтобы мир был устойчивым, он должен быть институционализирован. Необходимы практические инициативы по решению любых несправедливых расовых, этнических, религиозных, экономических или других проблем и созданию справедливых, надежных институтов для укрепления взаимного уважения и более гармоничного мирового сообщества, которое воспрепятствует насилию даже в моменты серьезного кризиса. Подобные инициативы необходимы на

международном уровне для укрепления представительных международных институтов в целях повышения заинтересованности каждого государства в безопасном мировом устройстве.

Исследования и обращения к историческому опыту подтверждают, что политики и граждане должны перестать ожидать, что мир будет просто побочным эффектом высокой военной готовности. Следовать пословице «Если хочешь мира, готовься к войне» трудно, ибо предвидеть все опасности, могущие возникнуть в будущем, невозможно. Разницу между подготовкой к войне и обеспечением мирного существования можно увидеть в тех целенаправленных усилиях, которые были предприняты после Второй мировой войны по созданию мирного европейского сообщества, – если сравнить их с более ранними усилиями в 30-е годы XX столетия по достижению мира в Европе посредством подготовки к войне, которая привела к повторным военным действиям [13, 231]. Хотя в конце холодной войны имелись широкие возможности для подготовки к глобальному мирному существованию, они не были использованы – не в последнюю очередь по причине международной политики США, возмнившими себя единственными вершителями судьбы мира.

Для того чтобы выйти за рамки исключительно военной готовности в деле обеспечения целостного мира, отдельному государству следует завоевать международный авторитет – и не в последнюю очередь путем подлинного устранения всех опасений своих граждан в отношении безопасности. Латентные и безудержные страхи порождают скрытую агрессию, которая в любой момент может вырваться наружу. Иррациональные фобии и агрессивность, создание «образа врага» закрывают поиск путей к реальной работе по достижению мира и подрывают политическую и моральную поддержку государственной власти со стороны масс. Лишь комплексный подход, серьезно относящийся к угрозам безопасности всех стран, является единственным способом разрешить классическую дилемму безопасности, заключающуюся в непреднамеренном увеличении угрозы, которую ощущает противник, тем самым пытаясь повысить уровень собственной военной безопасности. Но это – порочный круг, способствующий лишь гонке вооружений и возрастанию опасности.

Таким образом, первая рекомендация заключается в разработке обоснованных и заслуживающих доверия долгосрочных планов, направленных на устранение всех опасений в отношении безопасности всех стран мира путем развития международных отношений, традиционных ценностей, взвешенной политики, продуманных законов и создания социальных институтов, которые смягчают экзистенциальные

страхи и способствуют безопасности каждого [8, 65]. Это отнюдь не будет побочным продуктом подготовки к войне. Чтобы стать надежным фактором обеспечения всеобщей безопасности, система по обеспечению всеобщего мира должна быть теоретически обоснована, институционализована и поддержана.

Во-вторых, стратегия устойчивого мира должна основываться на решении самой фундаментальной проблемы: защите людей и их основных прав, которые включают удовлетворение их основных витальных потребностей. Концепции, базирующиеся на человеческой безопасности, были подвергнуты критике: одними – за то, что они чрезмерно идеалистичны в приуменьшении национальной безопасности, а другими – за то, что эта концепция порой воспринимается как «неоимперская» инициатива. Такая инициатива может быть сознательной или бессознательной, но она предусматривает вывод мирового сообщества на западную политическую и культурную орбиту. Тем не менее, эта концепция может быть оформлена таким образом, чтобы избежать излишней критики. Демократию как явление, свойственное исключительно западноевропейской цивилизации, не следует навязывать странам, где она никогда не сможет прижиться. Следует, в то же время, критически подойти к рассмотрению деятельности реальных властных структур и политических лидеров, а не просто политики, которая способствует войнам и грубым нарушениям элементарных прав человека.

Концепция безопасности, ориентированная на человека, имеет особый смысл, потому что:

1. Люди должны быть получателями политики безопасности (как носители суверенитета). Ориентация на людей, а также на представляющие их интересы правительства позволяет обеспечить то, что в реальности нужно людям, а не обеспечивать в основном то, что, по мнению правящей элиты, нужно государству как аппарату управления, насилия и принуждения.

2. Первостепенное внимание на людей также направляет творческие политические умы на размышления обо всех людях планеты, а не только о своих соотечественниках.

3. Ориентация на людей побуждает думать о человеческой солидарности в нормативно-правовых категориях. Это обеспечивает как ценностные и этические, так и нормативные преимущества.

Отсутствие должной степени безопасности человека может быть вызвано отрицанием основных прав человека или общим уровнем беззакония в стране или за рубежом, такими его проявлениями, как геноцид, преступления против человечности и преступления против мира. Безопасность отдельного человека отнюдь не отрицает

национальную безопасность. Она включает в себя все базисные правовые элементы национальной безопасности, придавая им антропологическую и социальную направленность.

Безопасность человека направлена не только на достижение «негативного мира», понимаемого как простое отсутствие насильственного конфликта, но и на осуществление «позитивного мира», понимаемого как сокращение структурного насилия, нищеты, расизма и других несправедливостей, которые значительно сокращают продолжительность жизни. Стратегия, реализующая шесть предложенных в этой работе принципов, могла бы постоянно расширять возможности людей и освобождать их от реальных страхов. Это напомнило бы всем, что, несмотря на межправительственные разногласия, все стороны в конфликте имеют общие потребности и обязательства в области безопасности друг перед другом. Такая стратегия прояснила бы, что основные человеческие потребности должны быть удовлетворены для обездоленных людей не только в плане обеспечения их основных прав, но и для расширения политического участия в разработке структурных изменений. Ведь такие изменения послужат личным интересам каждого человека, поскольку они закладывают основу для международных коалиций, продвигающих политику за пределы взаимного недоверия и страха.

Современная идея безопасности человека основана на Всеобщей декларации прав человека, уже одобренной почти всеми странами мира. Прежде всего, это право на жизнь, достойную жизнь для каждого человека на земле. Любое преднамеренное лишение жизни ни в чем не повинных людей, будь то со стороны государств или негосударственных субъектов, неприемлемо. В стремлении защитить жизнь всех людей путем сокращения прямого и структурного насилия можно постепенно углублять чувство человеческой солидарности и способствовать достижению всеохватной человеческой идентичности, когда люди начинают относиться ко всем другим как к существам с равными правами и обязанностями [15, 67].

В-третьих, возможно, самым важным руководящим принципом успешного миростроительства является соблюдение принципа взаимности в поведении людей – как в национальных обществах, так и вне них. Взаимность просто означает, что люди одной страны или группы не претендуют на какое-либо исключительное право для себя, которое они не намерены предоставить другим, и они не стремятся навязать другим обязанность, которую они не принимают для себя. Взаимные права и обязанности понимаются и ценятся людьми почти во всех культурах на земле.

Чтобы проиллюстрировать этот принцип, рассмотрим, как взаимно разделяемое большинством стран стремление к прочному миру может помочь остановить распространение ядерного оружия. На первый взгляд многие видят проблему продолжающегося распространения ядерного оружия как результат провокационного поведения Северной Кореи или Ирана на международной арене. На первый взгляд, это так, ибо политика этих государств – «казарменный социализм» у Северной Кореи и радикальный исламизм у Ирана – не схожа с провозглашаемыми либеральными западными ценностями США. Но более глубокое рассмотрение проблемы распространения ядерного оружия показывает, что дело не только в политических режимах этих стран – антагонистов США, которые кардинально отличаются от западной модели. Есть восемь других стран, обладающих ядерным оружием, лидеры которых утверждают, что ядерное оружие необходимо для безопасности их государств. Такие утверждения разжигают аппетиты других стран получить оружие массового поражения, особенно тех, которые могут опасаться нападения.

Не следуя предложенному выше принципу взаимности, находившийся в то время на посту президента США Джордж Буш, возможно, еще более углубил недоверие к западному миру и страхи Ирака, Ирана и Северной Кореи, назвав их «осью зла». Как известно, США под предлогом наличия у Ирака оружия массового поражения вторглись в эту страну. На деле, президент Буш-младший, как и его отец в свое время, лишь решал интересы своей собственной семьи – крупнейших нефтяных магнатов страны, стремящихся получить доступ к иракскому «черному золоту». Агрессия 2002 года была осуществлена США без оправданной причины самообороны или внятного разрешения ООН. Тем самым был преподан урок всем странам, стремящимся защитить себя от нападения, дабы они не смели и думать получить ядерное оружие. Но эти печальные события, приведшие к уничтожению Ирака как независимого государства и убийству Саддама Хусейна, не смогли остановить Северную Корею, создавшую свое ядерное оружие, необходимое, по утверждению ее лидера, для сдерживания агрессии США и западного мира.

Исламская республика Иран – одна из стран незападной культуры, вызывающая особую озабоченность Запада. Европейские страны, обладающие ядерным оружием, по понятным причинам обратились к Ирану с настойчивой просьбой: 1) поставить все свои ядерные установки под строгий контроль Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ); 2) воздержаться от любых возможных разработок по обогащению урана; 3) воздержаться от разработки или обладания

любыми ядерными материалами военного назначения. Однако ядерные державы Запада сами не осуществили ни одной из этих мер и не планируют этого делать в будущем. Кроме того, Сенат США неоднократно отказывался ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, уже согласованный и принятый 184 другими странами (включая Россию, Францию и Великобританию), призывающий к всеобъемлющему запрету на дальнейшие испытания ядерного оружия. Ратификация этого договора была бы элементарным применением принципа взаимности к тем странам, которые просят США не испытывать ядерное оружие.

Еще более глубокое понимание проблем распространения ядерного оружия заключается в том, что существующая международная система не обеспечивает надежных методов для точного выяснения, что другие государства делают со своими ядерными технологиями. Это обстоятельство делает их более опасными, и становится трудно обеспечить соблюдение правил взаимного ограничения ядерного потенциала. До тех пор, пока страны, обладающие ядерным оружием, не предпримут шагов в направлении взаимности, они вряд ли будут проводить эффективную долгосрочную политику нераспространения ядерного оружия, независимо от того, какое давление они оказывают на эти страны.

Четвертым принципом построения длительного мира является справедливость. Для поддержания безопасности человека необходимо строить отношения между различными обществами, а также между социальными группами внутри обществ, которые были бы более справедливыми, взаимовыгодными и, насколько это возможно, взаимно удовлетворительными. Ни один социальный слой не может получить всего желаемого, но необходим хотя бы минимум социальных гарантий. Принцип справедливости сам по себе не означает равенства результатов, но подразумевает разумный прогресс в обеспечении равенства возможностей.

Принцип справедливости требует решения проблемы дефицита демократии в деятельности международных учреждений, а также в национальных обществах, где это возможно, не только потому, что они несправедливы сами по себе, но и потому, что они являются результатом значительного неравенства в благосостоянии, а также способствуют сохранению и приумножению этого неравенства. Свойственные национальным сообществам проблемы также повышают социальную напряженность и риски насильственных конфликтов. Более справедливое представительство всех сообществ в международных институтах, направляющих глобализационные процессы, могло бы способствовать

равенству, безопасности и миру, одновременно сдерживая насильственную глобализацию путем ее конструктивной критики [16, 201].

В-пятых, для того чтобы положить конец сегодняшним повторяющимся войнам, необходимо укрепить верховенство права в международных отношениях, а также в слаборазвитых национальных сообществах. Демократическое верховенство права является наиболее эффективным инструментом, которым располагают человеческие общества для урегулирования конфликтов между людьми, которые категорически не согласны друг с другом. Она может свести к минимуму насилие и обеспечить максимальную справедливость.

Укрепление верховенства права на международном уровне может постепенно позволить странам все меньше и меньше полагаться на военные инструменты и все больше и больше на правовые нормы и международные правовые институты для защиты своих законных интересов и обеспечения соблюдения общих норм. Этому можно еще больше способствовать, опираясь на полезность ненасильственных действий для сдерживания тиранов, защиты прав человека и содействия демократическим социальным изменениям. Кроме того, по мере распространения демократических ценностей и институтов, вероятность войны почти наверняка будет снижаться, поскольку зрелые демократии, как правило, не ведут открытой войны друг против друга.

В-шестых, более эффективное верховенство права может быть достигнуто путем укрепления демократического управления в тех странах, которые принимают феномен демократии как явления сугубо западноевропейской цивилизации. Это не призыв к унитарному мировому правительству, поскольку факты современной международно-правовой реальности говорят о том, что это было бы неосуществимо и неразумно. Так же неразумны призывы и реальные действия по повсеместному введению демократии – даже в тех странах, где она является чуждым для всей истории и культуры феноменом.

Создание устойчивого мира и укрепление безопасности человека требуют согласованных действий мирового сообщества для обеспечения того, чтобы все государства на планете соблюдали некоторые правила, необходимые для выживания человеческой цивилизации в целом.

Во всем мире наблюдается достаточный рост соответствующих правовых институтов, чтобы продемонстрировать возможности для принятия мер по укреплению всемирного контроля над сохранением мирного сосуществования. Это может быть достигнуто путем оживления и активизации деятельности существующих международно-правовых институтов. В идеале, ни одному государству на земном шаре не должна

угрожать военной опасностью, поэтому необходимо обеспечить более эффективные меры по укреплению мира.

Необходимые правовые ограничения и политические компромиссы могут быть усилены за счет развивающегося сочетания местных, региональных и международных стимулов, процессов и институтов.

Если внимательно изучить все современные проблемы безопасности, от терроризма до распространения оружия массового уничтожения и использования оружия в космосе, от угрожающей жизни бедности и грубых нарушений прав человека до разрушения окружающей среды, можно заметить, что их можно более эффективно решать в том случае, если они рассматриваются как чисто проблемы «управления», а не как проблемы, которые необходимо решить путем развертывания военной мощи. Национальные правительства не могут предотвратить будущие потенциальные опасности от ядерного, химического или биологического оружия с помощью военных угроз другим странам. Военные средства могут лишь выиграть время, но они не могут построить надежный мир. Их неосторожное использование может увеличить и риск распространения насильственного экстремизма в будущем. Что нужно человечеству, так это согласованные на международном уровне правила, определяющие надлежащее поведение и обеспечивающие надежное правоприменение – т.е., более эффективное управление как на глобальном, так и на национальном уровне.

Рост взаимозависимости и технологический прогресс привели человечество к такому историческому моменту, когда государство уже не может быть в безопасности, если оно полагается главным образом на собственные силы, используя проверенные временем военные средства. Дни территориальной неуязвимости и относительно непроницаемых границ, необходимых для безопасности в прошлом, похоже, подходят к концу. Новые угрозы могут вынудить принять расширенную трактовку безопасности, чтобы сделать состояние безопасности соразмерным с диапазоном нового оружия, которое имеет глобальный охват. Сегодняшние государственные институты, принимающие политические решения, слишком неэффективно обращаются с опасными для жизни силами, чтобы человеческая цивилизация могла надеяться и далее процветать без решения экзистенциальных проблем безопасности.

Заключение

Перечислим шесть основных принципов, которые могут стать основой политической философии новой, свободной от груза прошлых лет международно-правовой реальности: 1) выработка основ целостного мироустройства, на которых лишь и могут быть построены всеобщий мир

и безопасность; 2) стратегия устойчивого мира подразумевает решение самой фундаментальной проблемы – необходимость защиты людей и их основных прав, в том числе и удовлетворение основных витальных потребностей; 3) самым важным руководящим принципом успешного миростроительства является соблюдение принципа взаимности в поведении людей; 4) принцип справедливости в межличностных и международных отношениях, который сам по себе не означает равенства результатов, но подразумевает разумное обеспечение равенства возможностей; 5) верховенство права в международных отношениях, а также в слабо развитых национальных сообществах; 6) укрепления демократического управления в странах, признающих демократию как феномен западноевропейской цивилизации.

Если человечество будет следовать этим шести основным принципам, можно надеяться, что в будущем удастся избежать повторения масштабных войн. Чтобы позволить человеческому роду выжить и выжить без сокрушительных потерь, действенное международное сообщество должно стремиться к более эффективному глобальному управлению, ориентированному на человека. Необходимо стимулировать новые пути для реализации влиятельных корпоративных интересов, которые сейчас противостоят позитивным изменениям на международной арене.

Коалиция равнодушных с моральной точки зрения людей, организаций гражданского общества, религиозных и светских групп, прогрессивных международных организаций, правительств может объединить людей, желающих работать в защиту прав человека, распространения и роста демократии. Новая экология человека включит в себя не только стремление к здоровой окружающей среде, но и действия против милитаризма, империализма, расизма, сексизма, авторитаризма, коррупции и элементов «дикого капитализма» и насильственной глобализации. Пусть это и может прозвучать наивно в современной ситуации цивилизационного противостояния, но мы полностью разделяем мысль Л.Н. Толстого, высказанную им в эпилоге великого романа «Война и мир»: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто». Но именно простые мысли постигаются человечеством труднее всего.

Действенные уроки можно извлечь из прошлого и применить в настоящем позитивный опыт совместного сотрудничества тех, кто некогда вдохновил движение против рабства, антиколониальную борьбу, принятие Международного билля о правах человека и Конвенции о

геноциде, создание Организации Объединенных Наций, Европейского сообщества угля и стали и Международного уголовного суда.

Современному мировому сообществу, как никогда ранее в человеческой истории, необходима стратегия по преодолению опасений всех народов в отношении собственной безопасности, подкрепленная целью обеспечения безопасности человека, укрепления взаимности в международных отношениях и институтах, обеспечения большей политической и экономической справедливости, укрепления международного права и демократических ценностей и институтов. Такая стратегия могла бы способствовать формированию более инклюзивной человеческой идентичности и созданию системы управления, способной в конечном итоге обеспечить поддержание мира на основе укрепления справедливости и прав человека, экономического благосостояния и экологической безопасности для всех.

Библиографический список

1. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. М.: изд-во «Экономика», 1999. 606 с.
2. *Гобозов И.А.* Социальная философия: Учебный словарь. М.: Академический проект, 2008. 367 с.
3. *Грицанов А.А.* Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М.: Астрель, 2002. 976 с.
4. *Демкин Д.В.* Военная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России в начале XXI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2012. 191 с.
5. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: Ленанд, 2014. 240 с.
6. *Ильин В.В., Панарин А.С.* Философия политики. М.: Издательство МГУ, 1994. 286 с.
7. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 1200 с.
8. *Beichelt Timm.* Moderne Politik im Informationsbereich des heutigen Russlands // Studien zur Politikwissenschaft. Abt. C, Untersuchungen zur Aussenwirtschaftspolitik: Schriften des Instituts für Politikwissenschaft der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster, 2015. 486 s.
9. *Bril Heinz.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf: Biblio-Verlag, 2008. 327 s.
10. *Cultures of globalization: coherence, hybridity, contestation / ed. by Kevin Archer [et al.].* London; New York: Routledge, 2008. 150 p.

11. *Endress Christian*. Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich wandelnden Bedrohungen. Frankfurt am Main: P. Lang, cop. 2013. 297 s.

12. *Gazi Çağlar*. Der Mythos vom Kampf der Zivilisationen. Der Westen gegen den Rest der Welt. Eine Replik auf Samuel P. Huntingtons „Kampf der Kulturen“. Münster, 2002. 185 s.

13. *Lindemann Thomas*. Causes of War. The Struggle for Recognition. Colchester: ECPR Press, 2010. 176 p.

14. Politikwissenschaft: Begriffe. Analysen, Theorien: Ein Grundkurs / Iring Fetscher, Herfried Münkler (Hg.). Hamburg: Rowohlt's Enzykl, 2012. 672 s.

15. *Powell Ronald R*. Information policy in the modern Russia // Information policy in the modern age / ed. by Maureen Grieves. London: Bowker-Saur, cop., 2014.

16. The Role of information and communication technologies in global development: analyses and policy recommendations / ed. with introd. by Abdul Basit Haqqani. New York: UN, Inform. a. communication technologies, 2005. 327 p.

17. *Schönherr-Mann Hans-Martin*. Was ist politische Philosophie? Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2012. 229 s.

18. *Thomas Jäger, Rasmus Beckmann*. Handbuch Kriegstheorien. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. 453 p.

Рассмотрение проблем безопасности Арктического региона с позиций теорий режима в англоязычной научной литературе*

В современном все более глобализирующемся и взаимозависимом мире возрастает практическое значение теории международных режимов. Международные режимы чаще всего понимают как совокупность определенных правил принятия решений в определенной сфере. Эти правила вырабатываются с учетом целей и интересов различных политических акторов. Можно вспомнить режимы международной торговли, режимы морского судоходства и режимы нераспространения

* Ковалев А.А. Рассмотрение проблем безопасности Арктического региона с позиций теорий режима в англоязычной научной литературе // *Международные отношения*. – 2020. – № 2. – С. 18-33.

определенных типов оружия. Режимы призваны, в идеале, увеличить степень международной безопасности и уменьшить риск потенциальных конфликтов, которые в последнее время вспыхивают в мире все чаще и чаще.

Проводимая в последние десятилетия под эгидой США глобализация привела к ухудшению международной обстановки и целостного политического климата на планете. Глобализация, в числе прочего, привела к высокой степени взаимозависимости современных государств. Это означает, что действия одних государств могут повлиять на благосостояние других государств и их граждан. Чтобы избежать непредвиденных социальных и экономических последствий и негативных политических ситуаций в сложном мире, государства стремятся к сотрудничеству. Международные режимы формируются как способ институционализации и координации сотрудничества по конкретным вопросам.

Актуальность данного исследования обусловлена, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, происходящее в наше время противостояние цивилизаций делает актуальным изучение основных западных концепций, относящихся к проблемам международной безопасности, в том числе рассматривающих теории режимов. Для лидеров нашей страны было бы важной и актуальной задачей понять суть политического мышления оппонентов, потому что на Западе политики, как правило, прислушиваются к теоретическим выводам и практическим советам ученых: философов, политологов, социологов, юристов. Во-вторых, в последнее время особую значимость приобретает проблема международно-правового статуса Арктики – региона, становящегося все более привлекательным для мировой экономики вследствие изменений климата и неисследованных природных ресурсов. Отсюда цель настоящей работы – исследовать основные концепции теории режимов, существующие в англоязычной литературе и относящиеся, в том числе, и к проблеме целостной безопасности Арктического региона.

В целом, понимание режимов в англоязычной научной литературе базируется на том понятийном определении, что режимы – наборы принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания участников в определенной области международных отношений. Профессор Стэнфордского университета Стивен Краснер определяет принципы как убеждения в определенных фактах, причинно-следственных связях и истинности; нормы – как стандарты поведения, определяемые с точки зрения существующих прав и обязанностей; правила – как конкретные предписания или предписания к действию; процедуры принятия решений – как преобладающая практика для

создания и реализации коллективного выбора [27]. Иными словами, режимы можно понимать как правила игры, согласованные субъектами международного сообщества, которые устанавливают диапазон законного или допустимого поведения в определенном контексте или виде деятельности.

Режим представляется чем-то большим, чем просто временными договоренностями, которые меняются при каждой смене власти или интересов [26]. Кроме того, концепция режимов представляет собой форму сотрудничества, которая не ограничивается реализацией собственных краткосрочных интересов, ибо в ней воплощено некое чувство общей ответственности государств-членов. Профессор Краснер также подчеркивает, что существует различие между принципами и нормами, с одной стороны, и правилами и процедурами, с другой [27].

Режим не обязательно должен принимать форму определенной конкретной организации, но часто будет воплощать в себе определенный набор политических институтов. В англоязычной литературе международные режимы определяются как политические образования, предполагающие некоторую форму институционализированного сотрудничества и создание правил и принципов, регулирующих поведение государства в определенной международно-правовой сфере. В англоязычной литературе чаще всего приводят такие примеры международных режимов: право морского режима (Конвенция ООН по морскому праву), международный режим прав человека (Конвенция ООН о правах человека), международный режим изменения климата (Рамочная конвенция ООН об изменении климата) и режим Антарктики (регулируемая система договора об Антарктике).

Стивен Хаггард и Бет Симмонс констатируют, что международные режимы стали основным объектом эмпирических исследований и теоретических дискуссий в международных отношениях в конце 70-х и 80-х годов [22]. Проблематика развивалась из-за неудовлетворенности доминирующей неореалистической концепцией мирового порядка как хаотичной и неуправляемой системы межгосударственных отношений с нулевым коэффициентом полезного действия. Тем не менее, эта система способствовала росту международного сотрудничества после Второй мировой войны.

Некоторые ученые полагают, что режимы являются важной характеристикой международной системы, и что на международной арене невозможно создать желаемое шаблонное поведение без создания определенного режима [30], [34]. Другие утверждают, что концепция режимов вводит в некое заблуждение, отвергая саму идею о том, что принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений играют

важную роль на международной арене [4]. Однако взгляды большинства исследователей теории режима находятся где-то посередине между этими двумя крайними позициями, придерживаясь «модифицированной структурной» концепции [27].

При каких условиях развиваются режимы? Ученые, придерживающиеся модифицированной структурной точки зрения, выявили ряд ключевых факторов, которые могут привести к созданию, сохранению и распространению режима. Взгляды, существующие в англоязычной научной литературе, варьируется относительно того, как эти факторы сгруппированы, но их основное содержание аналогично. Режимы могут работать, основываясь на двух факторах: во-первых, на факторах, основанных на интересах, во-вторых, на факторах, основанных на власти. Кроме того, есть все основания полагать, что на формирование режима могут влиять определенные экзогенные факторы, не имеющие прямого отношения к рассматриваемому вопросу.

Факторы на основе интересов

Доминирующая идея в теории международного сотрудничества и теории режима состоит в том, что государства сотрудничают, чтобы в максимально возможной форме способствовать реализации своих индивидуальных и коллективных интересов. Основополагающая предпосылка заключается в том, что политические институты, включая международные режимы, возникают, когда заинтересованные стороны участвуют в интерактивном, то есть при максимально широком взаимодействии всех участников, процессе принятия решений и стремятся координировать свое поведение, чтобы добиться взаимного согласия. Есть несколько подходов к факторам, основанным на интересах, которые можно рассматривать как условия для развития режима. Рассмотрим некоторые подходы, в частности: 1. теоретико-игровой подход; 2. микроэкономический подход; 3. подход к ведению переговоров.

1. Теоретико-игровой подход

Одним из способов объяснить, как факторы, основанные на интересах, могут привести к институционализированному сотрудничеству и международным режимам, является теория игр. Профессор Калифорнийского университета Артур Стейн представляет эту точку зрения в статье «Координация и сотрудничество: режимы в анархическом мире» [31]. Ученый рассматривает два обстоятельства, при которых нечем не сдерживаемый индивидуальный выбор все-таки стимулирует сотрудничество. Первое происходит, когда у индивидов есть общий интерес, но индивидуальное действие может привести к взаимовыгодным и наивысшим оптимальным результатам («дилемма

общего интереса»). Следуя этой логике, можно создать режим на международной арене для решения проблем, связанных с неоптимальными последствиями одностороннего поведения. Например, можно утверждать, что режим международной торговли, созданный после окончания Второй мировой войны, являлся для некоторых стран способом избежать существующие торговые барьеры, что приводило к улучшению их положения. Весомый аргумент состоит в том, что всем странам было бы лучше в мире, который позволяет свободно и взаимовыгодно обмениваться товарами, минуя границы.

Второе обстоятельство, при котором безусловный индивидуальный выбор создает стимулы для сотрудничества – это когда отдельные действия могут привести к нежелательным результатам и когда выбор одного актора зависит от выбора, сделанного другим («дилемма общего отращения».)

В этой ситуации субъекты с условными стратегиями не обязательно предпочитают один и тот же результат, но соглашаются с тем, что имеется, по крайней мере, один результат, которого все они хотят избежать. Без взаимовыгодной координации участники могут получить наименее предпочтительный результат. Классическим примером такой игры является взаимное гарантированное уничтожение с помощью ядерного оружия, которое не раз угрожало человечеству, особенно во время Кубинского ракетного кризиса. И СССР, и США, естественно, хотели избежать ядерной войны, но ни один из лидеров этих сверхдержав не хотел «отступить» первым.

Теоретико-игровой подход не дает ясного и четкого объяснения того обстоятельства, как потребность в сотрудничестве и координации институционализируется и приводит к определенному режиму, но он обеспечивает важное обоснование того обстоятельства, почему государства выбирают сотрудничество в определенных областях.

2. Микроэкономический подход

Другая известная теория формирования международных режимов основана на микроэкономическом подходе. В своей статье «Спрос на международные режимы» профессор Принстонского университета Роберт Кохейн утверждает, что международные режимы часто развиваются в результате действия механизмов спроса и предложения, когда выгоды режима перевешивают возможные издержки [26]. Кохейн представляет себе международный режим как экономический рынок, на котором государства основывают свое решение о присоединении к режиму на тщательных расчетах необходимых затрат и возможных выгод. В мире, характеризующемся управленческой аморфностью и политической неопределенностью, основная функция режима

заключается в содействии заключению взаимовыгодных соглашений между государствами во избежание нежелательных последствий.

Профессор Кохейн стремится объяснить, почему существует спрос на международные режимы и почему именно государства заинтересованы в них в первую очередь. Кохейн утверждает что «как и несовершенные рынки, мировая политика характеризуется институциональными недостатками, которые препятствуют взаимовыгодной координации». Если исходить из того, что субъекты являются рациональными и что режимы являются средствами содействия заключению соглашений между этими субъектами, то спрос на международные режимы по любой заданной цене будет варьироваться в зависимости от того, насколько государству нужны соглашения и насколько режим способен содействовать этим соглашениям. Кроме того, Кохейн утверждает, что международный режим будет востребован, если он действительно сможет сделать возможными соглашения, которые иначе просто не смогут возникнуть. В этой ситуации режим будет эффективным. Причина, по которой международный режим иногда становится наиболее эффективным решением, заключается в том, что зачастую существуют операционные издержки, неполная и недостоверная информация и отсутствие правовой основы для заключения соглашений с другими государствами.

Международный режим может снизить операционные издержки, когда высока концентрация нерешенных проблем и накопившихся вопросов, и может достичь большего и масштабного эффекта за счет организации единого переговорного процесса, применимого к различным темам и соглашениям. Государства в международной системе часто сталкиваются с такими проблемами, как асимметричная информация (некоторые участники имеют больше информации об определенной ситуации, чем другие); моральный риск (некоторые соглашения могут поощрять менее кооперативное поведение); а также обман и безответственность (нечестные субъекты, не намеревающиеся выполнять свои обязательства). Кохейн утверждает, что создание международных режимов способно уменьшить такого рода неопределенность и риск, ибо отдельные вопросы увязываются друг с другом и, тем самым, улучшаются количество и качество информации, доступной субъектам. Режимы могут расширить связи между субъектами и, таким образом, привести к распространению информации о ресурсах других правительств, переговорных позициях, внутренних оценках ситуации, намерениях, интенсивности предпочтений и их готовности придерживаться соглашений.

3. Переговорный подход

Профессор Школы научных исследований и управления в области экологии имени Д. Брена Университета штата Калифорния Янг Оран и профессор Института морских наук Калифорнийского университета Гейл Ошеренко в своем исследовании акцентируют внимание на том, как институциональные переговоры влияют на формирование международного режима [36]. Они утверждают, что «режим формируется, когда участники достигают соглашения на условиях взаимоприемлемого конституционного договора».

Переговорный подход также основан на стремлении субъектов к достижению совместных выгод на основе сотрудничества, но при этом особое внимание уделяется условиям существования «контрактной зоны», которая, как можно ожидать, будет способствовать усилиям по формированию режима.

Янг Оран и Гейл Ошеренко описывают ряд факторов, которые могут повлиять на формирование режима: интегративный торг; справедливые и взаимовыгодные варианты; действенные решения; экзогенные потрясения или кризисы; общее благо; наука и техника; соответствующие стороны; механизмы соблюдения; определенные персоны в качестве лидеров.

Во-первых, институциональный результат, который все стороны смогут счесть справедливым, необходим для формирования режима. Зачастую государства считают справедливость более важной, чем даже саму эффективность, и поэтому этот аргумент может объяснить, почему некоторые международные режимы не являются оптимальными по теории Вильфредо Парето (как известно, оптимальность по Парето – это такое состояние некоторой системы, при котором значение каждого частного показателя, определяющего систему, не может быть улучшено без ухудшения других). Во-вторых, для того чтобы режим способствовал формированию действующих лиц, необходимо иметь в виду какое-то конкретное решение или план. Значимость влияет на способность формировать между государствами конвергентные ожидания в международных переговорах. В-третьих, для формирования международного режима вопрос должен быть политическим приоритетом для соответствующих участников. Если проблема не является приоритетной, то в таком случае меньше вероятности, что заинтересованные стороны захотят для ее решения пройти через процесс формирования режима. В-четвертых, режим с большей вероятностью формируется, когда стороны имеют некоторую концепцию общего блага, связанного с рассматриваемой проблемой. Наконец, скорее всего, режим сформируется, если все стороны, заинтересованные в проблеме или

проблемной области, участвуют в процессе формирования режима. Это важно, потому что трудно найти долговременное решение рассматриваемой проблемы, если некоторые из важных заинтересованных сторон просто отсутствуют.

Факторы, основанные на силе

Реалистическая и неореалистическая традиция подчеркивает важность конфигураций и структур власти в международном сообществе для понимания и прогнозирования возможных коллективных результатов [27]. Они предполагают, что международные режимы созданы и структурированы, чтобы служить интересам доминирующих членов международной системы. Такой подход рассматривает одно или несколько влиятельных государств, заинтересованных в данном вопросе, в качестве неперемного условия для формирования режима. Доминирующие члены международного сообщества могут создавать режимы, которые служат их собственным интересам или коллективным интересам всех вовлеченных сторон. Исследования динамики власти в международном сообществе многочисленны и сложны, и в этой статье мы представим лишь краткий обзор взглядов сторонников теории гегемонистской стабильности. Важно отметить, что существуют альтернативы и различные варианты этого подхода, которые в этом исследовании не будут полностью отражены [1], [5].

Гегемонистская стабильность

Теория гегемонистской стабильности предлагает одно из наиболее широко используемых объяснений динамики режима [22]. Этот подход рассматривает присутствие гегемона как необходимое условие для появления институциональных механизмов на международном уровне [21]. Гегемон – это государство с превосходящими большинство государств материальными и военными ресурсами, обширными природными богатствами, более развитой торговлей, более совершенной финансовой системой и т.п. Идея, лежащая в основе этой теории, заключается в том, что рассредоточение власти среди многих заинтересованных сторон может стать препятствием для формирования режима, поскольку оно в состоянии увеличить операционные издержки.

Одно могущественное государство может действенным образом повлиять на других, дабы они согласились с его предпочтениями в отношении институциональных механизмов и тем самым сделали возможным международный режим. Гегемон может использовать свою власть по-разному в отношении создания международного режима. Мирнолюбиво и позитивно настроенный гегемон готов нести непропорциональную часть краткосрочных затрат на создание международного режима для обеспечения общего блага, чтобы получить

выгоды в долгосрочной перспективе, такие как свободная торговля, престиж, слава или, возможно, даже больше власти в грядущей международной системе. Такой подход во многих отношениях дополняет позицию, основанную на интересах: стороны могут захотеть сотрудничать по определенному вопросу, чтобы максимизировать коллективные интересы. Но существует необходимость в том, чтобы влиятельное государство несло значительную часть расходов по институционализации сотрудничества и возможного создания режима. Гегемон также может использовать международный режим в качестве инструмента для укрепления своих собственных особых интересов. Агрессивно настроенный гегемон может использовать свою власть, чтобы навязывать режимы другим субъектам, используя санкции, а также различные стимулы, для того чтобы заставить других участников действовать в соответствии с выгодными ему принципами, нормами, правилами и процедурами принятия решений, независимо от предпочтений других государств.

Большая часть литературы по теории режимов посвящена торговым или экологическим режимам, в то время как исследований, посвященных институционализированному сотрудничеству в области безопасности, мало. В традиционной научной литературе, основывающейся на реалистическом практицизме, безопасность рассматривается как нечто, что государства должны обеспечивать собственными силами. С этой точки зрения, государства будут заключать военные союзы только в случае необходимости, дабы получить военную силу и содействовать своим собственным интересам. С другой стороны, имеются и сторонники идеалистической позиции, согласно которой государства должны порвать с традиционной дипломатией и альянсами и создать систему мира, основанную на коллективной безопасности [28]. Вместе с тем, бесспорно, государства могут добиться совместных успехов на основе сотрудничества, в том числе по вопросам безопасности.

Профессор Чикагского университета Чарльз Липсон утверждает, что исследования режимов безопасности проводились в трех областях. Во-первых, ведутся исследования по вопросам контроля над вооружениями и соглашениям о контроле над вооружениями, конкретно касающихся ядерного распространения и соглашений о вооружениях в период холодной войны. Во-вторых, есть исследования о Системе Европейского Концерта, когда великие и могущественные государства сотрудничали по вопросам безопасности в рамках Венской системы международных отношений после наполеоновских войн. Наконец, имеются исследования по сотрудничеству в области безопасности во

время холодной войны, хотя и не использующие подходы и терминологию теории режима[28].

Профессор Колумбийского университета Роберт Джервис представляет теорию режимов безопасности, основанную на интересах [24]. Профессор Джервис утверждает, что как стимулы, так и препятствия для установления режима в сфере безопасности особенно велики из-за дилеммы безопасности. Идея дилеммы безопасности заключается в том, что силы, направленные на повышение безопасности одного государства, автоматически и непреднамеренно снижают безопасность других государств. Таким образом, режимы безопасности приобретают особую ценность, поскольку индивидуальные действия могут быть дорогостоящими и опасными и особенно труднодостижимыми именно вследствие опасений, что другие нарушат общее согласие и единые договоренности.

В рассматриваемой работе профессор Джервис продолжает анализировать условия для формирования действенного режима безопасности. Во-первых, великие державы должны захотеть установить его и предпочесть создание режима той ситуации, когда государства действуют в одностороннем порядке. Это означает, что государства должны быть удовлетворены существующим положением, а не пытаться продвигать свои интересы, действуя в одностороннем порядке. Во-вторых, субъекты должны верить, что другие разделяют отстаиваемые ими ценности, в том числе стремление к взаимной безопасности и сотрудничеству. Джервис утверждает, что лица, принимающие ответственные решения, часто именно переоценивают, а не недооценивают агрессивность других, что может привести к неправильному восприятию оппонента. Такое деформированное восприятие, в конечном итоге, приведет к исключению международных режимов в качестве альтернативы. В-третьих, все заинтересованные стороны должны считать, что сдерживающий экспансию международный режим (подразумевающий *статус-кво*) предпочтительнее дальнейшего безудержного расширения. Если один или несколько участников искренне считают, что их интересы безопасности лучше обеспечиваются лишь путем односторонних действий и дальнейшего увеличения активности в ущерб другим акторам, то никакой действенный режим безопасности невозможен. В-четвертых, война и индивидуальное стремление к безопасности должны рассматриваться в современную эпоху как дорогостоящие мероприятия. Государства, которые не боятся войны, не захотят создать режим, чтобы предотвратить ее, и государства, которые считают, что наращивание вооружений однозначно является благом, не будут иметь стимулов для сотрудничества в целях сокращения

расходов на вооружение. Наконец, Джервис утверждает, что на формирование режима также влияют факторы, непосредственно связанные с дилеммой безопасности. Если легко отличить оборонительные меры от наступательных, то индивидуалистические меры безопасности будут «относительно дешевыми, безопасными и эффективными, и будет меньше необходимости в создании режимов».

Когда наступательные и оборонительные меры безопасности трудно различить и когда защита более эффективна, чем нападение, то государства, которые хотят сохранить статус-кво, имеют значительное преимущество, стремясь к созданию и поддержке международного режима. Другими словами, вероятность режимов безопасности является наибольшей, когда риск или издержки односторонней политики безопасности достаточно велики, чтобы государства, стремящиеся к статус-кво, были нацелены на сотрудничество, в то время как риск нападения «неожиданного агрессора» не настолько велик, чтобы полностью препятствовать сотрудничеству.

Эти условия фокусируются главным образом на факторах, основанных на интересах, и в меньшей степени на нормах и специфических конфигурациях власти. Таким образом, формирование режима безопасности является сложным процессом, и условия, которые должны быть при этом выполнены, высоки. Джервис использует эту теорию для объяснения образования и падения Системы Европейского Концерта, которая преобладала в европейских международных отношениях в 1815-1823 гг. [24]. Он утверждает, что великие державы в этот период не стремились максимизировать свою индивидуальную позицию власти, не использовали в своих интересах слабости других, и не готовились к войне или не угрожали ей. Их поведение скорее показывало регулярность, общее понимание блага и стремление к созданию общих норм. Джервис утверждает, что государства, по-видимому, принимают политические решения, ориентируясь на долгосрочные выгоды, а не на краткосрочные. Это указывает на то, что они считают международную политику относительно стабильной. Другими словами, личные интересы определяются коллективным образом, а не только каждым государством индивидуально. Профессор также утверждает, что Система Концерта не всегда отражала базовые возможности держав и что результаты были фактически относительно автономны от системы распределения власти. Это явный контраст с тем, что предписывают факторы, основанные исключительно на власти.

Обратимся к англосаксонскому пониманию вопроса, возможен ли режим безопасности в Арктике? Чтобы приблизиться к пониманию этой проблемы, нам нужно более четкое определение того, как на самом деле

выглядит режим безопасности в современную эпоху. Определение международного режима как простой совокупности принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания субъектов в определенной области международных отношений, является расплывчатым. Такое определение, с другой стороны, является целенаправленно широким, с тем чтобы можно было охарактеризовать существующие различные механизмы как режимы международной безопасности.

За прошедшие десятилетия в Арктике сотрудничество по некоторым вопросам безопасности развивалось, а по другим – нет. Поэтому важно использовать различие между различными видами безопасности, обозначенными нами как «жесткая» и «мягкая безопасность».

Само различие между «жесткой» и «мягкой» защитой является искусственным и часто может вводить в заблуждение, поскольку эти проблемы генетически связаны друг с другом. Тем не менее, это различие является ценным для обозначения, в каких областях оппоненты находят точки соприкосновения и возможности для сотрудничества, а в каких нет. Основное внимание уделим жесткой или традиционной безопасности. Жесткая безопасность часто изучается с военной точки зрения, и мощь того или иного государства является важнейшей составляющей такого анализа.

Жесткая безопасность касается защиты национального государства от внешних угроз, вызовов, уязвимостей и рисков, таких как вторжение, оккупация или захват части территории. В арктическом регионе такие вопросы, как защита границ (как на суше, так и на море), стали особенно важными сейчас, когда происходит потепление климата, лед тает и открываются новые морские пути, а экономическая активность в регионе в целом возрастает. Кроме того, континентальный шельф с богатыми природными ресурсами Северного Ледовитого океана усложняет ситуацию, когда речь заходит об охране территории. Некоторые из существующих территориальных и экономических претензий оспариваются, и, хотя современные государства, в целом, привержены международному праву, эти претензии могут стать очень значимыми для арктической среды безопасности, поскольку высказывающие их страны готовы всемерно защищать свои интересы [20].

Напротив, мягкая безопасность не обязательно касается конкретного национального государства, но часто выходит за его границы. Категория «мягкой безопасности» содержит проблемы, касающиеся окружающей среды, изменения климата, торговли, транснациональной преступности и безопасности человека и др. Многие

из этих проблем особенно заметны в арктическом регионе. Например, усиление антропогенной деятельности в суровых условиях увеличило потребность в поисково-спасательных операциях и ликвидации разливов нефтепродуктов. Проблемы «мягкой» безопасности в Арктике часто требуют военного вмешательства и специальных знаний о том, как действовать в этих суровых условиях. Это свидетельствует о том, что эти два аспекта безопасности тесно взаимосвязаны.

Режим безопасности в этих областях повлечет за собой создание и установку общих принципов, норм, правил и процедур принятия решений о том, как арктические государства должны реагировать на возникающие угрозы и вызовы в Арктике. Это не обязательно должен быть некий официальный институт, но такое сотрудничество может вылиться в форму институционализированного диалога или установления определенных договоренностей между странами.

Международный режим будет означать набор принципов, норм, правил и процедур принятия решений о том, как арктические государства смогут в случае необходимости защищать свой суверенитет; защищать границы, территориальные претензии и природные ресурсы; реагировать на возможные антропогенные экологические катастрофы и рост человеческой деятельности. Такие принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений могли бы помочь предотвратить возможные недоразумения между арктическими государствами.

На основе независимых переменных можно принять ряд проверяемых гипотез. В целом, чем больше может возникнуть гипотез, тем больше будет необходимости и пользы для режима безопасности в Арктическом регионе [11].

Список гипотез не является исчерпывающим и не включает все аспекты теории режимов, но охватывает те аспекты, которые, по нашему мнению, сейчас наиболее актуальны.

Гипотезы на основе интересов

Гипотеза №1. Есть общие угрозы безопасности и интересы в Арктике, определенные заинтересованными странами;

Гипотеза №2. Угрозы безопасности и интересы в Арктике являются приоритетом для заинтересованных стран;

Гипотеза №3. Заинтересованные страны определили, что есть взаимные выгоды от институционализации сотрудничества в области безопасности;

Гипотеза №4. Заинтересованные страны предпочитают статус-кво потенциальному конфликту в результате односторонних действий в Арктике;

Гипотеза №5. Заинтересованные страны не в состоянии провести различие между военными мерами других стран, нацеленными на охрану границ и защиту ресурсов (оборонительные), и мерами, направленными на нападение на другие государства (наступательные);

Гипотеза №6. Существует важное и справедливое решение для институционализации сотрудничества в области безопасности, и это решение затрагивает все арктические государства.

Гипотезы, основанные на силе

Гипотеза №7. Есть сильное государство, готовое нести большую часть расходов по институционализации сотрудничества в Арктике

Таким образом, само разнообразие существующих гипотез и подходов к решению целого комплекса важнейших проблем, связанных с разнообразными аспектами применения теорий режимов применительно к Арктическому региону, свидетельствует об их важности как в теоретическом, так и в практическом аспектах для англоязычных ученых.

В целом, в последние несколько лет вопрос о конфликте или сотрудничестве в Арктике широко и активно освещался как в средствах массовой информации, так и в научных кругах. Большинство ученых постепенно приходят к выводу, что регион и впредь останется мирным, потому что уровень разностороннего и взаимовыгодного сотрудничества там довольно высок [2], [3], [6], [7], [8] [16], [19]. Арктическое управление и арктические институты также были в некоторой степени изучены в последние годы. Эти исследования были сосредоточены на эффективности и роли существующих арктических институтов (в основном Арктического совета).

Также ряд ученых сосредоточились на изучении текущих территориальных претензий в регионе.

Влиятельный ученый-международник Майкл Байерс опубликовал ряд работ по правовым аспектам Арктики, утверждая, что регион останется мирным [12]. В своей книге «Кто владеет Арктикой? Изучая споры о суверенитете на Севере» ученый рассматривает территориальные претензии и политические действия, предпринимаемые лидерами пяти арктических прибрежных государств, и приходит к выводу, что военные события в регионе совершенно естественны и происходят в правовых рамках ЮНКЛОС [18]. Его работа чрезвычайно ценна как свидетельство идущего сотрудничества, но его исследований явно не достаточно, когда речь заходит о теоретических рамках международной политики в Арктике.

Сотрудник Исследовательского центра Эймса Ян Броснан анализирует возможности сотрудничества в традициях неолиберально-институционалистской парадигмы [16]. В статье «Сотрудничество или

конфликт в меняющейся Арктике?» исследуются пути и стимулы сотрудничества через общие вопросы, изложенные в стратегических заявлениях арктических прибрежных государств, и выявляются стимулы для сотрудничества во всех рассматриваемых областях. Катрин Кейл более глубоко рассматривает вопрос, как формируются интересы арктических государств (с акцентом на нефть и газ) и что Арктический регион означает для этих стран в культурном отношении [25].

Большая часть литературы, описывающая Арктику как потенциальную зону конфликта, представлена именно в СМИ, а не учеными. Хотя это мнение часто основано на недостатке информации, однако его нельзя полностью игнорировать. За несколько последних лет было опубликовано несколько актуальных статей на злобу дня, описывающих ситуацию в броских формулах наподобие «гонка за Арктикой», «новая холодная война» [23], [29], [32] и др. Следует отметить, что именно СМИ зачастую бездумно подогревают уровень политической напряженности и вместо взвешенного анализа ситуации способствуют раздуванию конфликтных настроений. Впрочем, такова природа СМИ, которые заботятся, прежде всего, о бездумном росте интереса к рассматриваемой ситуации, нежели о ее действенном и взаимовыгодном урегулировании.

С этой точки зрения существует ряд академических источников, исследующих, в том числе, и воздействие СМИ на развитие ситуации. Научный сотрудник по управлению мировым океаном в Совете по международным отношениям Скот Борджерсон в нескольких статьях для издания «Foreign Affairs» описывает ситуацию как геополитическую «большую игру» [13], [14], [15]. В этих статьях больше внимания уделяется определенным заявлениям политических лидеров и усилению милитаризации региона, чем собственно правовому аспекту. Тайваньские ученые Вэй-Эн Тан и Юй-тай Цай, с другой стороны, делают вывод о том, что конфликт в Арктическом регионе вряд ли удастся урегулировать с помощью ЮНКЛОС, но они также признают позитивные сдвиги в сотрудничестве [33].

Исследования режимов и институтов в Арктике, в основном, касаются деятельности Арктического совета и связанного с ним экологического режима в этом регионе. Влиятельный ученый Оран Янг много писал о международных экологических режимах с использованием различных механизмов в Арктике в качестве тематических исследований. В своих публикациях ученый основное внимание уделяет формированию режима в регионе. Профессор Янг также изучил возможные реформы в системе управления Арктикой. В статье «Куда ведет Арктика? Конфликт или сотрудничество на Приполярном Севере?» он предлагает новую и

более эффективную трехстороннюю структуру управления в Арктике, основанную на существующих институтах региона [35].

Итак, в современной англоязычной научной литературе наблюдается значительный интерес к рассмотрению проблем Арктического региона с точки зрения теории режимов, обусловленный, прежде всего, растущей практической значимостью этой проблематики. Спектр концепций ученых довольно широк, но ученые, в отличие от СМИ, как правило, стремятся к мирному и бесконфликтному решению существующих и вновь возникающих проблем. В рассмотренных нами работах явственно прослеживается апелляция не к эмоциям, а к здравому политическому смыслу, реализации которого в Арктическом регионе в немалой степени способствует теория режимов.

Библиографический список

1. *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 479 с.
2. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. 2014. № 2. С. 15-22.
3. *Иванова А.Н., Яковлева Т.А., Климова М.П.* Экологическая безопасность Арктики: правовые основы. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2013. 247 с.
4. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты. СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2019. 302 с.
5. *Ковалев А.А.* Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. № 6. С. 1150-1161.
6. *Международные отношения в Арктике.* М.: НП Российский совет по международным делам, 2017. 75 с.
7. *Муштакова Е.С.* Правовое понятие Арктики в международном и национальном законодательстве // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 6. С. 61-66.
8. *Подрезов Ю.В.* Освоение Арктики: международное сотрудничество, климат, безопасность // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2017. № 1. С. 98-103.
9. *Радилов И.В.* Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности//Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 3. С. 41-45.

10. *Сеидов В.Г.* Влияние средств массовой информации и коммуникации на международные отношения: монография. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. 205 с.

11. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т.19. №2. С. 30-40.

12. *Baker J., Byers M.* International Law and the Arctic. New York: Cambridge University press, 2013. 314 p.

13. *Borgerson S.* Arctic meltdown: The economic and security implications of global warming // Foreign Affairs / [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/arctic-antarctic/2008-03-02/arctic-meltdown>

14. *Borgerson S.* The coming Arctic boom // Foreign Affairs / [Электронный ресурс] URL:<https://www.foreignaffairs.com/articles/global-commons/2013-06-11/coming-arctic-boom>

15. *Borgerson S.* The great game moves North // Foreign Affairs / [Электронный ресурс] URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/globalcommons/2009-03-25/great-game-moves-north>

16. *Brosnan I.G., Leschine T.M., Miles E.L.* Cooperation or Conflict in a Changing Arctic? // Ocean Development and International Law / [Электронный ресурс] DOI: 10.1080/00908320.2011.543032

17. *Byers M.* Cold peace: Arctic cooperation and Canadian foreign policy // International Journal / [Электронный ресурс] URL:<http://www.jstor.org/stable/25762047>

18. *Byers M.* Who owns the Arctic? Understanding sovereignty disputes in the North. Douglas & McIntyre, 2010. 179 p.

19. *Carlson J.* Scramble for the Arctic: Layered Sovereignty, UNCLOS and Competing Maritime Territorial Claims // SAIS Review of International Affairs / [Электронный ресурс] URL:<https://muse.jhu.edu/>

20. *Conley H.* A New Security Architecture for the Arctic // A report of the CSIS Europe Program/ [Электронный ресурс] URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fspublic/legacy_files/files/publication/120117_Conley_ArcticSecurity_Web.pdf

21. *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. Princeton University Press, 2016. 472 p.

22. *Haggard S., Simmons B.* Theories of international Regimes // International Organization / [Электронный ресурс] URL: <http://scholar.harvard.edu/files/bsimmons/files/SimmonsHaggard1987.pdf>

23. *Higgins A.* Norway reverts to Cold War mode as Russian Air Patrols Spike // New York Times / [Электронный ресурс]

URL:<http://www.nytimes.com/2015/04/02/world/europe/a-newly-assertive-russia-jolts-norways-airdefenses-into-action.html>

24. *Jervis R.* Security regimes // International Organization / [Электронный ресурс]

URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/security-regimes/0DFFD69884DEF7F65C25CF3C91EEB051>

25. *Keil K.* The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and conflict / [Электронный ресурс] DOI: 10.1177/0010836713482555

26. *Keohane R., Nye J.S.* Power and Interdependence. Scott, Foresman, 1989. 315 p.

27. *Krasner S.D.* International regimes. Cornell University Press, 1983. 372 p.

28. *Lipson C.* Are security regimes possible? Historical cases and modern issues // Regional Security Regimes: Israel and its Neighbors. Albany: SUNY Press, 1995. 313 p.

29. *Osborn K.* US Lawmakers: Russia's military build-up in the Arctic disturbing // Military.com / [Электронный ресурс] URL: <http://www.military.com/daily-news/2015/03/12/us-lawmakers-russias-military-build-up-in-the-arctic.html>

30. *Puchala D.J., Hopkins R.F.* International regimes: lessons from inductive analysis // International Organization / [Электронный ресурс] URL:<https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/international-regimes-lessons-from-inductive-analysis/BB1CCF4B74C3592A668F10026722FEC4>

31. *Stein A.* Coordination and collaboration: regimes in an anarchic world // International Organization / [Электронный ресурс] URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/coordination-and-collaboration-regimes-in-an-anarchic-world/D2BBDF45B1FAAA9A5029AA1F2EACBF97>

32. *Stein J.* What is Russia up to in the Arctic? // Newsweek / [Электронный ресурс] URL: <http://www.newsweek.com/2015/03/06/what-russia-arctic-308941.html>

33. *Tai Win En, Tsai Yu-tai.* After the ice melts: Conflict resolution and the international scramble for natural resources in the Arctic Circle // Journal of Politics and Law / [Электронный ресурс] URL:<http://dx.doi.org/10.5539/jpl.v3n1p91>

34. *Young O.R.* Regime dynamics: the rise and fall of international regimes // International Organization / [Электронный ресурс] URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-organization/article/regime-dynamics-the-rise-and-fall-of-international-regimes/0DFFD69884DEF7F65C25CF3C91EEB051>

organization/article/regime-dynamics-the-rise-and-fall-of-international-regimes/6885F64E8C01664F4B7EA48C556AB5E8

35. *Young O.R.* Wither the Arctic? Conflict or cooperation in the circumpolar North? // *The Polar Record* / [Электронный ресурс] URL:<http://dx.doi.org/10.1017/S0032247408007791>

36. *Young O.R., Osherenko G.* Polar politics: creating international environmental regimes. Cornell University Press, 1993. 276 p.

Экономический национализм. Предпосылки возникновения и влияние на современный мир*

Введение

В течение последних пяти веков развивалась экономическая философия, нацеленная на оптимальное решение двух важнейших вопросов для государств: как распределять национальные экономические ресурсы и как удовлетворительно служить человечеству. Казалось, что эти две проблемы находятся в противоречии, но на самом деле они взаимосвязаны, и решение одной помогает решению другой. Например, государство с избытком национальных ресурсов может торговать ими с другими странами, нуждающимися в данных ресурсах, тем самым способствуя развитию их экономики. В мировой истории так было с шелком, специями, железной рудой, нефтью, а в последние десятилетия – с передачей знаний и человеческого капитала.

Классические экономисты, такие как, например, Адам Смит, отстаивали необходимость свободной торговли и поощряли создание богатства посредством активного участия в рыночных отношениях [8]. Однако этому мышлению противостоят националистические тенденции и сопутствующая философия экономического национализма. Дискуссия по вышеупомянутым подходам к развитию экономики длится уже давно и не закончится в обозримом будущем. Причины данного факта вполне понятны: оба подхода имеют право на существование и каждый из них в разные историко-политические периоды способствует развитию государственных экономик.

* Ковалев А.А. Экономический национализм. Предпосылки возникновения и влияние на современный мир // *Теоретическая и прикладная экономика*. – 2020. – № 3. – С. 62-77.

Исторические особенности становления экономического национализма

Экономический национализм – тип политики, подчеркивающий важность внутреннего контроля государства над экономикой, трудом и формированием капитала, даже если это требует введения тарифов и других ограничений на движение товаров и капитала, изменений. Во многих случаях экономические националисты выступают против глобализации экономики или, по крайней мере, ставят под сомнение преимущества неограниченной свободной торговли. Экономический национализм может включать такие доктрины, как протекционизм, меркантилизм или импортозамещение.

Правительства традиционно были заинтересованы в сохранении своей экономической, а, следовательно, политической силы и поэтому стремились использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты, например, налоговую структуру и дискреционные расходы для стимулирования экономического роста. Это было особенно актуально и правильно в ранний современный период, когда война была эндемичной: сильная экономика часто означала политическую независимость, а слабая – завоевание иностранной державой.

Экономический национализм – это испытанный веками и известный в истории метод обогащения. Есть много замечательных примеров, из разных времен и мест. Основные из них – развитие национальных экономик Венеция, Великобритания и Китая [2].

Средневековая Венеция была первопроходцем торговой системы. Агрессивно насаждая национальные монополии в торговле пряностями и рабами и культивируя экономическую автаркию (независимость) через запреты на импорт, Венеция импортировала только сырье. Благодаря этой политике Венеция оставалась одним из богатейших городов Европы в течение почти 500 лет (1200-1700 гг.).

Многие экономисты ошибочно утверждают, что Британия была домом свободной торговли, и именно эта экономическая свобода породила промышленную революцию. В действительности Британия была самой яркой меркантилистской нацией Европы: она ввела 50 %-ю пошлину на импорт промышленных товаров от своих конкурентов, запретила иностранным компаниям работать в своей империи и сделала преступлением экспорт технологий и оборудования. Ранневикторианская Британия стала апофеозом идеи экономического национализма – для экономики государства это окупились с лихвой. Британия стала самой богатой страной, которую когда-либо видел мир, открыла новую эру в мировой истории и завоевала четверть планеты. Всему этому она обязана своей динамично развивающейся экономике.

Китай развивал свой торговый порядок, так называемую Кантонскую систему, в силу географического расположения, исторических и культурных традиций существовавшую изолированно от Европы. Иностранным купцам было разрешено торговать только в ограниченном количестве мест в Китае, они жили в местах торговли в полной изоляции, а Китай получал сверхприбыли от импортируемых товаров. Величайшее испытание – это испытание временем: чем дольше оно длится, тем оно показательнее. И сейчас мы видим, что Кантонская выставка в Гуаньчжоу – одна из всемирно известных, куда прибывают знакомиться с высокотехнологичной электроникой и прочими достижениями мировой науки и промышленности.

Международные связи и взаимозависимость экономик разных стран сократили препятствия на пути экономической открытости. Но, с другой стороны, экономическая интеграция породила страх и тревогу среди определенных групп в различных уголках мира. У этих недовольных и обеспокоенных людей, чаще всего обычных граждан, есть веские причины для беспокойства, поскольку они испытывают реальные трудности из-за потери рабочих мест и растущей экономической неопределенности.

Например, города штата Мичиган в США, такие как Флинт, Сагино и Детройт, стали свидетелями экономической депрессии с середины 1980-х гг. Заводы закрылись, хорошо оплачиваемая работа исчезла, а многие люди потеряли работу. В результате качество услуг, оказываемых государством, ухудшились, и надежда на лучшую жизнь стала просто мечтой. Такая ситуация наблюдалась во многих других промышленных центрах, не только в США. В Европе экономические проблемы в таких странах, как Франция, Англия, Греция и др. привели к социальным и политическим потрясениям.

В течение нескольких десятилетий США выступали за свободную торговлю и способствовали установлению глобального экономического режима, при котором товары и капитал перемещаются свободно. Изменение отношения простых граждан к свободной торговле во время экономического отчаяния и нехватки рабочих мест неизбежно приводит к поддержке ими экономического национализма. Однако эту тенденцию необходимо рассматривать в контексте изменений технологий, производительности труда, внутренней политики и глобализации.

Нынешний президент США Дональд Трамп был назван республиканцами и либертарианцами протекционистом, экономическим националистом, даже меркантилистом. Еще в 1988 г., выступая на шоу Опры Уинфри, Трамп критиковал расхожее представление о международной свободной торговле и экономическом глобализме как

драйвере экономического роста [21]. Его мнение мало изменилось за прошедшие десятилетия, особенно в вопросе асимметричной торговли Америки с Китаем.

В 2017 г., сразу после своей инаугурации, Дональд Трамп быстро начал трансформировать направление работы американского правительства. Он подписал ряд указов, которые сделали определяющим экономический национализм в большей части политических решений. Так, в одном из этих указов было заявлено, что Соединенные Штаты формально отказываются от любого намерения участвовать в Транстихоокеанском партнерстве, которое преследует цель сокращения торговых барьеров между 12 странами, и уточняет требования, которые государства-члены должны выполнять в рамках соглашения.

Еще один указ предусматривал ускорение строительства трубопроводов Keystone и Dakota Access, которые должны обеспечить транспортировку сырой нефти из Северной Америки и Канады на нефтеперерабатывающие заводы ближе к побережью Мексиканского залива.

Следующий указ санкционировал строительство обещанной им «стены» вдоль американо-мексиканской границы. Был издан указ президента США о временном запрете въезда беженцев, прибывающих в Соединенные Штаты из семи стран, объявленных угрозой безопасности американских граждан. Этот последний указ вызвал особую бурю споров и возражений.

Все изданные указы объединяет следование идеологии экономического национализма. Уильям Раппард в работе 1937 г сказал: «национализм – это доктрина, которая ставит нацию на вершину шкалы политических ценностей, то есть выше трех конкурирующих ценностей: личности, региональных единиц и международного сообщества... Экономический национализм – это политика национальной самодостаточности...» [22]. Таким образом, видение Трампа – это коллективистский идеал восстановленного «национального величия», в котором должны участвовать все американцы, если это необходимо, через фискальную и регулятивную руку правительства.

Экономический национализм в научном дискурсе

Любой дискурс об экономическом национализме должен раскрывать его основы. Осознание основ экономического национализма может пролить свет на экономические тенденции, которые привели к возникновению явлений, рассмотренных выше. Ряд исследователей приписывает экономическому национализму определенные негативные качества и отвергает его как примитивное мышление [14]. С другой стороны, есть те, кто его защищает, декларируя, что экономический

национализм вносит свой полезный вклад в том числе в областях, не связанных с экономикой. Как утверждал Адам Смит: «Самодостаточность экономики не является новым явлением. Тенденция к национальной исключительности так же стара, как сама человеческая природа, и она ни в коем случае не должна быть осуждена. Действительно, в других сферах, кроме экономики, национализм и национальные движения внесли немалый вклад в общий прогресс и счастье человечества» [10].

Экономический национализм представляет собой необходимую и рациональную политику для изменения в свою пользу симметрии во взаимозависимых экономических отношениях. Фридрих Лист в своей работе «Национальная система политической экономии» изданной в 1841 г., описал теорию развития экономического национализма в противовес концепции экономического либерализма [5].

Фридрих Лист очень критично относился к Адаму Смиту и считал, что А. Смит и его последователи пренебрегают тем, как мир работает в их понимании экономики. Пренебрежение приводит к выводам, которые были бы безответственными для лидеров страны. А. Смит и его последователи предлагают принимать «состояние вещей, которое еще не появилось». Они предполагают «существование Всеобщего союза и состояние вечного мира и выводят из этого огромные выгоды свободной торговли» [5].

Фридрих Лист согласен с тем, что свободная торговля выгодна некоторым странам в некоторых обстоятельствах. Он также считает, что это полезно для мира в целом. Однако он не считает, что это всегда выгодно всем народам во все времена, что кажется разумной позицией, но ставит в противоречие со А. Смитом и его последователями.

Ф. Лист также полагает, что А. Смит ошибается, сосредотачиваясь на богатстве, а не на способности производить богатство: «поэтому сила производства богатства бесконечно важнее самого богатства; она обеспечивает не только обладание и увеличение того, что было получено, но и замену того, что было потеряно. Это в большей степени относится к целым нациям (которые не могут жить только за счет арендной платы), чем к частным лицам» [5].

Наконец, Ф. Лист считает, что лидеры стран должны сосредоточиться на долгосрочном благосостоянии нации. Подход А. Смита слишком сосредоточен на краткосрочных выгодах в ущерб долгосрочному процветанию.

Ф. Лист считает, что развитие требует определенного периода протекционизма и излагает свой взгляд на то, как развиваются нации: «На первом этапе они должны принять свободную торговлю с более

развитыми нациями как средство выхода из состояния варварства и достижения прогресса в сельском хозяйстве. На втором этапе они должны прибегнуть к коммерческим ограничениям для стимулирования роста производства, рыболовства, судоходства и внешней торговли. На последней стадии, достигнув наивысшей степени богатства и власти, они должны постепенно вернуться к принципу свободной торговли и неограниченной конкуренции как на внутреннем, так и на внешнем рынках, чтобы их земледельцы, фабриканты и торговцы могли быть защищены от лени и стимулированы к сохранению приобретенного ими господства.... На первом этапе мы видим Испанию, Португалию и Неаполитанское королевство; на втором этапе – Германию и Соединенные Штаты Америки; Франция, по-видимому, стоит близко к границе последней стадии, но только Великобритания в настоящее время достигла ее» [5].

Ф. Лист был одним из первых исследователей важности социальных институтов, а также состава населения для экономического роста: «Повсюду во все времена благосостояние нации было в равной мере пропорционально интеллекту, морали и трудолюбию ее граждан; в соответствии с ними богатство возрастало или уменьшалось; но промышленность и бережливость, изобретательность и предприимчивость со стороны отдельных лиц никогда еще не достигали ничего важного там, где они не поддерживались бы муниципальной свободой, соответствующими государственными учреждениями и законами, государственным управлением и внешней политикой, но прежде всего единством и властью нации» [5].

Таким образом, экономический национализм – это скорее набор политик, которые изменялись с течением времени, которые кристаллизовались методом проб и ошибок. Правильно организованный торговый режим должен привести к тому, что страна будет экспортировать передовые продукты и импортировать сырье. Это искусственно расширяет национальное производство, приводит к полной занятости и нехватке рабочей силы, что создает мощный стимул для инвестиций в лучшие технологии и способствует долгосрочному экономическому росту.

На протяжении нескольких веков экономический национализм был привлекателен для некоторых групп людей. Апелляция к экономическому национализму, однако, различается в зависимости от насущных проблем того времени и ориентации тех, кто ее поддерживает. В последние годы эта концепция стала объединяющей для людей, на которых оказала влияние глобализация бизнеса. Экономический национализм пропагандируется как эффективный подход к обеспечению

национальных интересов, созданию рабочих мест для граждан и сохранению независимости нации. Безусловно, обоснованность таких утверждений является спорной, но факт остается фактом: большинство людей обеспокоены воздействием глобализации бизнеса непосредственно на их жизнь, особенно на экономическое благополучие.

Экономический национализм следует отличать от других терминов, в какой-то степени близких по значению, таких как государственный капитализм, социализм и изоляционизм. При государственном капитализме государство приобретает или контролирует определенные отрасли промышленности, оно защищает некоторые частные предприятия от иностранных конкурентов и пытается расширить благосостояние людей. Кроме того, государство не может выступать за свободную торговлю. В этом случае государство выступает в роли защитника своих простых граждан и их благополучия. Идея экономического национализма совсем противоположная: правительство вмешивается в рынок, проводя протекционистскую политику, оправдывающую определенные элитные классы. Целью экономического национализма является укрепление национальных корпораций, влияние на внешнюю политику других стран и доминирование на мировом рынке, что может ограничивать деятельность иностранных компаний. Таким образом, экономический национализм является движущей силой достижения цели максимизации национального богатства за счет других стран.

В чисто социалистической системе большая часть средств производства находится в руках правительства, и государство может не стремиться к активному участию в мировом рынке. Социализм, по определению, подразумевает, что благосостояние и благополучие людей должно быть приоритетом. Однако, как и при экономическом национализме, это может не быть реальностью, поскольку политическая элита становится высшим арбитром того, что хорошо для народа. Более того, при экономическом национализме элитарная база гораздо шире, чем при социализме. Это дает людям вне правящей политической партии, как это имеет место в социализме, больше шансов воспользоваться экономическими возможностями. Однако в сегодняшней версии социализма, в частности, в Швеции, Финляндии и некоторых других европейских странах, государство несет ответственность за предоставление первоклассных государственных услуг своему народу и обеспечение приемлемого уровня жизни для своих граждан. В этих странах поощряется свободная торговля, но и от корпораций ожидают соблюдения высоких стандартов по отношению к их ответственности перед обществом. Это не относится к экономическому национализму, где

свободная торговля ограничена, а национальным корпорациям предоставлена свобода действий для получения максимальных выгод.

Сторонники изоляционизма утверждают, что построение экономики только своей нации и воздержание от вмешательства в дела других стран является гарантией национального богатства и мира [3]. В условиях изоляционизма нация сосредотачивает свои ресурсы не на военной экспансии, а на создании надежных экономических институтов. Экономический национализм же, подчеркивает важность эксплуатации других стран, проецирования военной мощи и военных действий для расширения торговли за рубежом. Изоляционисты считают, что торговля не должна служить политике. В то время как изоляционисты пропагандируют патриотизм, экономические националисты активно поощряют грубый национализм и все, что с ним связано, от антииммиграции и предрассудков до игнорирования экономических проблем других стран [23].

Привлекательность экономического национализма сильна, когда страна переживает экономические трудности, и когда большими группами населения руководят националистические настроения, а не рациональное мышление. Однако в глобализованном мире идея экономического национализма может столкнуться с трудными препятствиями, или его практическое применение может иметь непредвиденные последствия, которые могут привести к нанесению ущерба глобальной позиции страны. Это та самая причина, по которой государственным деятелям в Британии много веков назад приходилось прислушиваться к рациональным экономическим аргументам и поддерживать либеральный торговый режим. Возрождение экономического национализма в индустриальных странах бросает вызов общепринятому мнению, касающемуся сущности свободной торговли.

Кроме философских взглядов, определяющих сущность экономического национализма, существуют также культурные, экономические и социальные основы его появления, о которых будет рассказано ниже. Но сначала рассмотрим еще раз и уточним философские основы экономического национализма.

Философские основы

Основное, чем привлекает экономический национализм, в чем состоит его притягательная сила, – это ведущая роль государства в торговле и в ограничении или укреплении национальной экономики на глобальном рынке. Это развивалось с первых дней становления национального государства как автономного образования. Когда-то многие европейские государства находились в процессе создания своих государственных институтов и минимизации угроз для них со стороны

других соседних государств. Экономические вопросы всегда имели жизненно важное значение для поддержания благосостояния граждан. Считалось, что протекционизм в узком смысле слова играет важную роль в обеспечении защиты растущей отечественной промышленности и повышении благосостояния растущего среднего класса. Это часто приводило к негативным взглядам на международную торговлю и способствовало появлению меркантилизма [1].

Известные классические экономисты, такие как Давид Рикардо и Адам Смит, опровергали меркантилизм и выступали за свободную торговлю [7],[8]. Наряду с другими сторонниками свободной торговли они внедряли в умы политиков и широкой общественности мысли о важности свободной торговли между странами. Это, однако, не означало, что политики рассматривали свободную торговлю независимо от националистических мотивов. Тот факт, что была поддержка свободной торговли, свидетельствует о том, что международная торговля была признана выгодной для участников мирового рынка. Кроме того, считалось, что свободная торговля позволяет людям разных стран ценить друг друга и строить прочные отношения.

Сторонники экономического национализма происходят из разных слоев общества, что затрудняет выявление философских основ экономического национализма [16]. И, соответственно, затрудняет формулирование окончательного определения экономического национализма. Например, могут существовать либералы, которые имеют общие с некоторыми консервативными группами идеологические взгляды на элементы экономического национализма, особенно на защиту рабочих мест.

Аналогичным образом, экономисты, имеющие различную теоретическую подготовку, могут в определенное время согласиться со своими коллегами в необходимости установления тарифов и открытия иностранных рынков для национальных корпораций.

Политические основы

Политические основы экономического национализма разделяются широким кругом теоретиков и политиков [9]. Его основная политическая предпосылка состоит в том, чтобы продвигать величие нации и защищать ее экономику от иностранной конкуренции. Во многих развивающихся странах политики считают, что защита стартапов, малых и средних компаний и сельскохозяйственного сектора способствует экономической самостоятельности и прогрессу [11]. Другие рассматривают экономический национализм, как инструмент для сплочения общества вокруг себя, тем самым поддерживают свое политическое влияние, а правящие партии – свою власть [13].

В обоих случаях развивающиеся страны сталкиваются с фундаментальными проблемами: как сохранить власть и улучшить благосостояние людей. Однако в отсутствии надежных политических, правовых и экономических институтов ни одна из этих целей не достижима.

В экономически развитых странах как гегемонистские тенденции, так и грубый национализм вдохновляют элиту поддерживать экономический национализм. Это особенно характерно для стран, которые сталкиваются с медленным экономическим ростом или его спадом. В конце концов, те, кто продвигает экономический национализм, оказываются способствовавшими войне и игнорирующими национальные чаяния других народов. На всем протяжении истории человечества колониальные государства использовали насилие и военную интервенцию для контроля над богатствами бедных стран, которые затем становились либо протекторатами, либо колониями гегемонистской державы [19].

Экономический национализм рассматривается как инструмент войны и нестабильности. Как заявил экономист и социальный философ, Людвиг фон Мизес: «Экономический национализм несовместим с прочным миром. Протекционизм незаменим там, где нет внутренней свободной торговли. И все же экономический национализм неизбежен там, где правительство вмешивается в дела: свободная торговля даже в краткосрочной перспективе может сорвать цели, преследуемые различными интервенционистскими силами» [6].

В последние годы колонизация приняла различные формы. Продолжает использоваться и старая форма – военная интервенция. Идеологи и лидеры военных конфликтов оправдывают свои действия тем, что такая форма отношений между государствами защищает права человека, восстанавливает законное правительство и избавляется от диктаторов. Эта форма вмешательства привела к невообразимому кровопролитию, росту терроризма и катастрофическому разрушению экономики целевых стран (например, Афганистан, Ирак, Сирия, Сомали, Йемен и т.д.).

Политики, интенсивно пропагандирующие экономический национализм, также призывают свои собственные правительства проводить решительную антиэмиграционную политику. В эпоху нехватки высококвалифицированной рабочей силы и необходимости активизации экономического роста такие призывы могут быть фатальными. Тем не менее идеологи, поддерживающие экономический национализм, с подозрением относятся к иммигрантам и не доверяют культурной открытости.

Культурные основы

Сторонники экономического национализма, прежде всего в могущественных странах, поддерживают противоречивые убеждения: с одной стороны – защита национальной культуры от внешних сил для сохранения национальной самобытности и сплоченности, с другой – распространение своей национальной культуры в иных странах [18].

В большинстве стран существует твердая вера в то, что национальная идентичность должна быть всегда защищена, для чего государство должно постоянно находиться в состоянии готовности к возможному вторжению иностранной культуры. Эта позиция, совсем не новая, имеет корни, уходящие в колониальную эпоху. В то время культурные или другие изменения были политикой выбора гегемонистских сил. Франция и Великобритания, наиболее значительные колониальные державы, заставляли подданных своих оккупированных земель в первую очередь говорить на языке оккупантов. В Африке французское правительство вырастило элитный класс, который отождествлялся с французской культурой. Франция сделала обязательным, чтобы вся государственная переписка была на французском языке, и чтобы школы могли преподавать только на французском языке.

Ирония заключается в том, что, хотя националисты гегемонистских держав яростно призывают защищать свою собственную культуру от «иностранцев», они одновременно стремятся глубоко изменить другие культуры и добились успеха в нескольких странах (например, в Ираке, Сирии, Ливии, Конго и т.д.) в выведении из строя их социальных институтов. Это явление в современном мире представляет собой подлинное препятствие не только для международной торговли, но и для прав человека и национального суверенитета. Националисты считают, что изменение культурных институтов стран-мишеней способствует сохранению зависимости этих стран от гегемонистских держав [20].

Хотя изменение культур в странах-мишенях было целью колонистов и современных националистов, существует другой тип изменений, который является следствием западной модернизации. Негативное влияние западной культуры может иметь разрушительные последствия, если ее влияние направлено на изменение ценностей, идентичности людей и их социальной структуры. Стивен Марглин кратко описал это явление, заявив: «Наряду с технологиями производства, здравоохранения и образования, культура современного Запада распространилась по всему миру, и в результате подорваны другие способы видения, понимания и существования. За пределами

современного Запада культура поддерживается сообществом, набором связей, которые связывают людей друг с другом экономически, социально, политически и духовно. Традиционные сообщества – это не просто общие пространства, но их совместное участие в производстве, обмене товарами и услугами, в управлении, развлечениях и траурных традициях, а также в физической, моральной и духовной жизни сообщества. Культура современного Запада, которая ценит рынок как основной организационный принцип жизни, подрывает эти традиционные сообщества также, как подрывает сообщество на самом Западе за последние 400 лет» [15].

Экономические основы

Колонизация большей части мира европейскими странами часто обсуждается с точки зрения экономической эксплуатации [4]. Фактически в дискурсе доминирует то, что западные корпорации имели полный контроль не только на торговых путях, но и диктовали, как управлять колониями, как устанавливать и поддерживать в них порядок. Эти компании сыграли значительную роль в расширении колонизации и в использовании оккупированных земель. В то время, помимо политической повестки дня, эти компании могли поставлять дешевое сырье на свои внутренние рынки, одновременно способствуя экспорту более дорогих товаров в колонии. Теоретическое обоснование заключалось в том, что национальный экспорт должен быть увеличен, а импорт должен быть ограничен для сохранения богатства страны, и что должны использоваться все средства, включая военные, для открытия новых рынков. Кроме того, очевидно, что компании и национальные интересы переплетены. Этот факт является важным и в сегодняшних глобальных условиях, и, несмотря на разговоры о глобализации бизнеса, по-прежнему привлекает политиков независимо от их партийной принадлежности или декларируемых убеждений [12].

В последние годы экономическое вторжение имело место благодаря мощным западным и китайским транснациональным корпорациям (ТНК), ориентированным на развивающиеся рынки. Их деятельность привела к краху промышленных, сельскохозяйственных, образовательных и медицинских систем. Эта экономическая гегемония имеет далеко идущие последствия, и ее будет невозможно искоренить через несколько десятилетий. Во второй половине XX века развивающиеся страны могли получать тяжелую технику и выгодные предложения от западного мира для улучшения благосостояния своих людей, что больше невозможно по крайней мере по трем причинам.

Во-первых, правительства многих развивающихся стран ранее имели дело непосредственно со своими западными коллегами или с ТНК.

В современном мире мощные ТНК сами могут навязывать свои условия либо слабым правительствам, либо местным компаниям. Для сельского хозяйства, например, крупные ТНК успешно продают свои генетически модифицированные семена фермерам по всему миру, тем самым углубляя зависимость от этих корпораций. Во-вторых, у развивающихся стран во второй половине XX века были другие альтернативы: Советский Союз и другие социалистические европейские страны. С распадом Советского Союза закончились десятилетия экономической помощи со стороны социалистических стран развивающимся. В-третьих, западные корпорации и их правительства все чаще предпочитают вести переговоры с коррумпированными политиками или манипулировать местными руководителями. Эти политики и руководители редко влияют на благосостояние своих людей при ведении бизнеса.

Социальные основы

При рассмотрении социальных основ экономического национализма надо понимать, что общества различаются изначально, но кроме того на разных этапах своего развития внешние факторы меняют идентичность наций и их социальную направленность. Во время экономических кризисов большие слои населения могут испытывать разочарование, поскольку их экономическое положение ухудшается. Экономическая тревога и неуверенность в будущем сильно усложняют жизнь многих людей, потерявших надежду и источник достойного дохода, уровня жизни, медицинского обслуживания и др. Когда эта ситуация сопровождается убеждением, что их нация является исключительной и имеет божественную миссию, возникает радикализм, и глубокие перемены почти неизбежны. Поскольку некоторые люди начинают понимать, что нация ослаблена конкуренцией на рынке и иммиграцией, гнев и обвинение «других» приводят к непредвиденным последствиям.

Действительно, различные факторы, включая историю нации, ее экономику, географию, культуру и социальный контекст, формируют не только личность людей, но также идентичность общества и движущую силу, позволяющую ему развиваться. В США, например, смена жесткого индивидуализма, грубого национализма, экономических спадов и разочарований в сложившемся среднем классе позволила в последнее время подняться национализму. Это, в свою очередь, создало общественную культуру, которая не доверяет «незнакомцам», боится будущего и ненавидит свои авторитетные политические элиты.

Те, кто испытывает тревогу, видят, что единственная надежда – это закрыть границы, ограничить иммиграцию, ограничить свободную

торговлю, инвестировать в своем государстве и полагаться на военную мощь, чтобы вернуть величие нации.

Эти предписания, однако, не были одобрены отцами-основателями рыночной свободной торговли. В течение примерно 200 лет США были лидером в продвижении свободной торговли, культурной открытости и экономических возможностей. Точно так же в Британии экономический национализм уступил место международной свободной торговле и экономическому либерализму. Таким образом, силы, которые формируют общественную культуру, могут измениться, и могут возникнуть новое мышление и приоритеты.

Основы экономического национализма принимают различные формы по мере того, как общество проходит различные стадии своего экономического и политического развития в мире. Скорость и активность каждого варьируются. Конечно, экономический национализм в эпоху глобализации, если он поддерживается глобальной державой, может иметь катастрофические последствия и привести к драматическим последствиям на мировой арене. Это может потребовать разумного переосмысления глобальных ролей, свободных от манипуляций по внутренним причинам. Экономические приоритеты в глобализованном мире должны быть в рамках парадигмы свободной торговли, а не целенаправленно наносить ущерб другим странам. Иначе говоря, экономические соображения и торговля не должны быть на службе у политики.

Выводы

Экономический национализм прошел значительный путь развития в течение последних четырех–пяти веков. В первые годы существования национальных государств экономический национализм был в первую очередь направлен на защиту государственных экономик. Появление колониализма и гегемонистских государств в Европе добавило новый смысл экономическому национализму, сделав его идеологией, оправдывающей вторжение в другие страны и использование их ресурсов. Сегодняшний экономический национализм привлекает сторонников из всех слоев общества. Многие, однако, имеют лишь смутное представление о том, как сделать нацию «снова великой».

В статье были рассмотрены основы возникновения экономического национализма, было уделено внимание четырем составляющим: политическим, культурным, экономическим и социальным. Данные составляющие не существуют сами по себе, а дополняют друг друга.

Экономический национализм в эпоху глобализации и милитаризации является опасным явлением, которое лишает других

права на свое богатство, стремится максимизировать богатство нации за счет других наций и поощряет использование силы для достижения национального цели. Это может привести к конфронтации не только между гегемонистской державой и странами-мишенями, между гегемонистской державой и просвещенными демократическими странами, но и внутри самой нации, то есть между космополитами, просвещенной и энергичной молодежью и грубыми националистами.

Библиографический список

1. *Брюне А., Гишар Ж.-П.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения: с приложениями к русскому изданию Сырье в центре мировых потрясений и Кризис, Европа и Средиземноморье. М.: Новый хронограф, 2012. 224 с.
2. *Дисэн Гленн.* Глобальное возрождение экономического национализма // Россия в глобальной политике / [Электронный ресурс] URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Globalnoe-vozhrozhdenie-ekonomicheskogo-natsionalizma-19248>
3. *Иноземцев Н.Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Госполитиздат, 1960. 760 с.
4. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб.: Общественная Польза, 1905. 444 с.
5. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. М.: Социум, 2017. 456 с.
6. *Мизес Л.* Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012. 413 с.
7. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.
8. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
9. *Сухарев О.С.* Экономическая политика: институциональный механизм: монография. М.: URSS ЛЕНАНД, 2018. 542 с.
10. *Тейлор Д.А.* Адам Смит и неолиберальная экономика // Litres / [Электронный ресурс] URL: <https://www.litres.ru/dzhon-a-teylor/adam-smit-i-neoliberalnaya-ekonomika/chitat-onlayn/>
11. *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 2010. 827 с.
12. *Шишин С.В.* Предпринимательство в условиях глобализации: основные черты и противоречия. М.: Экономика, 2010. 337 с.

13. Яремчук Н.В., Золотарев В.В., Мовчан С.Н. Национальная экономика: монография. М.: МПА-Пресс, 2014. 542 с.

14. Chandan H.C., Christiansen B. International Firms' Economic Nationalism and Trade Policies in the Globalization Era. IGI Global. 2019. 299 p.

15. Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press, Princeton, 2011. P. 9.

16. Helleiner E., Pickel A. Economic Nationalism in a Globalizing World. London. Cornell University Press. 2005. 288 p.

17. Hirschman A. National power and the structure of foreign trade. University of California Press, Berkeley, 1945. P.16.

18. Kofman J. Economic Nationalism and Development: Central and Eastern Europe Between the Two World Wars. Taylor & Francis Limited. 2019. 258 p.

19. Luttwak E.N. From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest. 1990. №20. P. 19-23.

20. Mott W.H. The Economic Basis of Peace: Linkages Between Economic Growth and International Conflict. Greenwood Publishing Group, Westport, 1997. P. 22.

21. Oprah Winfrey Interviews Donald Trump in 1988 // YouTube / [Электронный ресурс]
URL:<https://www.youtube.com/watch?v=GZpMJeynBeg>

22. Rappard W. Economic nationalism // Harvard Tercentenary Conference of Arts and Sciences / Harvard University Press, 1936. p. 74-112.

23. Turku H. Isolationist States in an Interdependent World. Ashgate Publishing, Ltd. 2013. 194 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакян С.В., Воронин Н.А.* О проблемах Арктики в свете современных изменений климата // Академия энергетики. – 2013. – № 5. – С. 28-37.
2. *Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 296 с.
3. *Артемов А.С., Власов А.В., Жакевич А.Г.* Государственное управление региональным развитием Российской Федерации: монография. – М.: Изд-во МИЭП, 2016. – 206 с.
4. *Багаева А.В.* Закономерности и противоречия регионализации: монография. – М.: Этносоциум, 2018. – 250 с.
5. *Барановский В.Г., Иванова Н.И., Косолапов Н.А.* Глобальное управление: возможности и риски. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 314 с.
6. *Барлова Ю.Е.* «Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама // Диалог со временем. – 2010. – № 33. – С. 166-186.
7. *Бартош А.А.* Применение гибридных методов в современных конфликтах // Проблемы национальной стратегии. – 2016. – №6 (39). – С. 158-171.
8. *Бартош А.А.* «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. – 2018. – №1. – С. 5-13.
9. *Бартош А.А.* Адаптивные стратегии информационной войны // Вестник академии военных наук. – 2017. – № 1 (58). – С. 55-61.
10. *Бартош А.А.* Гибридизация НАТО как угроза национальной безопасности России // Вестник академии военных наук. – 2018. – № 1 (62). – С. 24-31.
11. *Бартош А.А.* Гибридная война в Арктике // Мировая политика. – 2018. – № 3. – С. 59-73.
12. *Бартош А.А.* Диалектика гибридной войны // Философская мысль. – 2017. – № 12. – С.53-68.
13. *Бартош А.А.* Дипломатия национальных интересов России // Дипломатическая служба. – 2019. – № 2. – С. 6-15.
14. *Бартош А.А.* Как закладывались основы стратегии глобализации альянса // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 5. – С.147-168.
15. *Бартош А.А.* Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция: монография. – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – 274 с.
16. *Бартош А.А.* Модель гибридной войны // Военная мысль. – 2019. – № 5. – С. 6-23.

17. *Бартош А.А.* Модель управляемого хаоса в экономической сфере // *Международная экономика*. – 2015. – № 3. – С. 31-38.
18. *Бартош А.А.* НАТО в современной мировой политике: монография. – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – 364 с.
19. *Бартош А.А.* Стратегическая культура в конфликтах XXI века: монография. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 248 с.
20. *Бартош А.А.* Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // *Вестник Московского университета*. Сер.12. Политические науки. – 2019. – №4. – С. 19-31.
21. *Бартош А.А.* Стратегическая культура как инструмент военно-политического анализа // *Военная Мысль*. – 2020. – № 7. – С. 6-22.
22. *Бартош А.А.* Стратегия и контрстратегия гибридной войны // *Военная мысль*. – 2018. – №10. – С. 5-21.
23. *Бартош А.А.* Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века: Монография. – М.: Горячая линия-Телеком, 2019. – 364 с.
24. *Бартош А.А.* Эволюция стратегии национальной безопасности России. Часть 1. Национальная безопасность в эпоху глобализации // *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer*. – 2016. – № 7 (318). – С. 21-32.
25. *Бартош А.А.* Эволюция стратегии национальной безопасности России. Часть 2. Трансформация законодательной базы России в сфере обеспечения безопасности // *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer*. – 2016. – № 8 (319). – С. 5-16.
26. *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 479 с.
27. *Бочарников И.В.* «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // *Дипломатическая служба*. – 2018. – № 2. – С. 58-66.
28. *Бочарников И.В.* Национально-государственная политика России в дореволюционный период // *Человеческий капитал*. – 2017. – № 1 (97). – С. 6-10.
29. *Бочарников И.В.* Неядерное сдерживание как фактор обеспечения безопасности и суверенитета России в современных условиях // *Тренды и управление*. – 2015. – № 2. – С. 120-128.
30. *Бочарников И.В.* О евразийской геополитической стратегии России // *Международные отношения*. – 2016. – № 1. – С. 80-85.
31. *Бочарников И.В.* Острые грани современной мировой политики // *Вестник МГИМО Университета*. – 2018. – № 3 (60). – С. 198-209.
32. *Бочарников И.В.* Политика «умиротворения» нацизма как фактор развязывания Второй мировой войны (к 80-летию начала Второй мировой войны) // *Человеческий капитал*. – 2019. – № 9 (129). – С. 29-37.

33. *Бочарников И.В.* Правый экстремизм в современном европейском пространстве // Дипломатическая служба. – 2017. – № 4. – С. 69-78.

34. *Бочарников И.В.* Роль дипломатии в условиях глобализации международных отношений // Дипломатическая служба. – 2018. – № 6. – С. 51-60.

35. *Бочарников И.В.* Современные тенденции развития международного терроризма // Конфликтология / nota bene. – 2016. – № 1. – С. 52-61.

36. *Бочарников И.В.* Социальные и гуманитарные аспекты европейского миграционного кризиса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2016. – № 4. – С. 77-87.

37. *Бочарников И.В.* Старый свет и современная Россия: эволюционная и институциональная специфика гражданского общества – XXI // Мировая экономика и международные отношения. - 2019. – Т. 63. – № 1 – С. 123-128.

38. *Бочарников И.В.* Тренды и приоритеты борьбы с международным терроризмом // Дипломатическая служба. – 2016. – № 2. – С. 60-67.

39. *Бочарников И.В.* Феномен патриотизма в мировой политической истории // Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 513-518.

40. *Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В.* Современные концепции войн и практики военного строительства. – М.: Экон-информ, 2013. – 144 с.

41. *Брюне А., Гишар Ж.-П.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения: с приложениями к русскому изданию Сырье в центре мировых потрясений и Кризис, Европа и Средиземноморье. – М.: Новый хронограф, 2012. – 224 с.

42. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун и его наследники. – М.: Международные отношения, 1979. – 400 с.

43. *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 378 с.

44. *Бутенко А.П.* Как изменялась социально-классовая природа коммунистической власти в странах Европы и Азии: Науч. докл. – М.: Эпикон, 2002. – 72 с.

45. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1971-1972.

46. *Бэлл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999. – 949 с.

47. *Вартумян А.А., Чажаев М.И.* Теория и механизмы современного государственного управления: учебник. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2019. – 151 с.

48. *Вильсон В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. – Санкт-Петербург: издание Н.Ф. Мертца, 1906. – 186 с.
49. *Владимиров О.Е., Рязанцев В.И.* Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. – М.: Политиздат, 1980. – 127 с.
50. Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой. – Апатиты: КНЦ РАН, 2017. – 53 с
51. *Вяземский Ю.П.* От Кира Великого до Мао Цзэдуна. Юг и Восток в вопросах и ответах. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 352 с.
52. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. – М.: изд-во «Экономика», 1999. – 606 с.
53. *Галенович Ю.М.* Призрак Мао. – М.: Время, 2002. – 202 с.
54. *Галенович Ю.М.* Сталин и Мао. Два вождя. – М.: Восточная книга, 2009. – 574 с.
55. *Гарин И.И.* Что такое философия?; Запад и Восток; Что такое истина?. – М.: ТЕРРА, 2001.
56. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2 томах. – М.: Мысль, 1977. – 573 с.
57. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. – 928 с.
58. *Гельвеций К.А.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. – М.: Соцэкгиз, 1938.
59. Геополитика. Антология. – М.: Академический Проект, Культура, 2006. – 1008 с.
60. *Гоббс Т.* Левиафан; О человеке (психология); О государстве. – Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, 1902. – 57 с.
61. *Гобозов И.А.* Социальная философия: Учебный словарь. – М.: Академический проект, 2008. – 367 с.
62. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. – 2014. – № 2. – С. 15-22.
63. *Гордиенко Д.В.* Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Великобритании // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – Т. 8. – №25. – С. 50-64.
64. *Господарик Ю.П., Пашковская М.В.* Международная экономическая безопасность. Учебник. – М.: Издательский дом «Университет Синергия», 2018. – 416 с.
65. *Грицанов А.А.* Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. – М.: Астрель, 2002. – 976 с.

66. *Гроций Г.* О праве войны и мира. – Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, ценз. 1902. – 50 с.
67. *Грязин И.Н.* Иеремия Бентам: (1748-1832). – Таллинн: Олион, 1990.
68. *Гюго В.* Отверженные: Роман в 2 томах. Том I. – М.: Правда, 1988. – 1400 с.
69. *Дегтярев Е.В., Сеничев Е.В.* Парадоксальность британского экспансионизма: некоторые аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 1. – С. 137-141.
70. *Декарт Р.* Рассуждение о методе для руководства разума и отыскания истины в науках. – М.: Новая Москва, 1925. – 113 с.
71. *Дельнов А.А.* Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна. – М.: Алгоритм, 2013. – 560 с.
72. *Джефферсон Т.* Томас Джефферсон о демократии: Сборник. – СПб.: Рес Гумана Лениздат, 1992. – 334 с.
73. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. – М.: Ленанд, 2014. – 240 с.
74. *Зеленков М.Ю., Бочарников И.В.* Международные конфликты XXI века: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 360 с.
75. *Зеленцова С.Ю., Ищенко О.В., Ключова Т.В.* Региональное и муниципальное управление: опыт, инновации, проблемы взаимодействия: монография. – Сургут: Издательский центр СурГУ, 2017. – 237 с.
76. *Зенгер Х. фон.* «Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать». – М.: Эксмо, 2004. – 512 с.
77. *Иванова А.Н., Яковлева Т.А., Климова М.П.* Экологическая безопасность Арктики: правовые основы. – Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 2013. – 247 с.
78. *Ильин В.В., Панарин А.С.* Философия политики. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 286 с.
79. *Ильясов Р.М., Карпов В.П.* Межгосударственное соперничество в дискурсе о статусе Северного морского пути // Горные ведомости. – 2013. – № 3. – С. 86-96.
80. *Иноземцев Н.Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. – М.: Госполитгиздат, 1960. – 760 с.
81. *Кагарлицкий Б.Ю.* Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007. – 576 с.
82. *Кант И.* «К вечному миру» И. Канта. – М.: Московский рабочий, 1989. – 75 с.
83. *Кант И.* Сочинения в 8 томах. Том I. – М.: ЧОРО, 1994. – 544 с.

84. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. – М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2008. – 1200 с.

85. *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. – СПб.: Общественная Польза, 1905. – 444 с.

86. *Кильсеев Е.И., Кайнова Е.В., Тутко А.В.* История государственного управления России: термины, понятия, персоналии (IX–XXI вв.). – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013.

87. *Ковалев А.А.* Активация информационного компонента в обеспечении военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №3. – С.229-239.

88. *Ковалев А.А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общ. ред. В.А. Шамахова. – СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2019. – 302 с.

89. *Ковалев А.А.* Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 12. – С. 2349-2362.

90. *Ковалев А.А.* Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2018. – №6. – С.53-62.

91. *Ковалев А.А.* Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 6. – С. 1150-1161.

92. *Ковалев А.А.* Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 2 (8). – С. 41-50.

93. *Ковалев А.А.* Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С.39-49.

94. *Ковалев А.А.* Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – №9. – С.18-28.

95. *Ковалев А.А.* Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 38-50.

96. *Ковалев А.А.* Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 5. – С. 975-986.

97. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. – СПб: Изд-во «ПОЛИКОНА». 2016. – 193 с.

98. *Ковалев А.А.* Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы // ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы. – 2018. – №3. – С.82-96.

99. *Ковалев А.А.* К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Управленческое консультирование. – 2019. – №7. – С. 56-68.

100. *Ковалев А.А.* К вопросу истории обеспечения международной экономической безопасности: логика и основные этапы // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 1. – С. 38-52.

101. *Ковалев А.А.* Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2. – С. 121-133.

102. *Ковалев А.А.* Международная экономическая безопасность в современную эпоху цивилизационного противостояния: проблема концептуализации // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – № 2. – С. 61-74.

103. *Ковалев А.А.* Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления // Управленческое консультирование. – 2019. – №8. – С. 100-115.

104. *Ковалев А.А.* Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С.126-134.

105. *Ковалев А.А.* Норвежская арктическая политика безопасности: повестка 2019 года // Право и политика. – 2020. – № 2. – С. 23-35.

106. *Ковалев А.А.* О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. – 2018. – №2. – С.24-31.

107. *Ковалев А.А.* Перспективы формирования единой армии в Европейском союзе вне блока НАТО // Вопросы безопасности. – 2019. – № 2. – С. 34-41.

108. *Ковалев А.А.* Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. – 2017. – № 5. – С.12-24.

109. *Ковалев А.А.* Политика США в арктическом вопросе: повестка 2019 года // Право и политика. – 2020. – № 1. – С. 25-37.

110. *Ковалев А.А.* Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 148-155.

111. *Ковалев А.А.* Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 165-180.

112. *Ковалев А.А.* Разработка стратегии мира и безопасности человека как проблема философии политики // Вопросы управления. – 2019. – №6. – С. 35-44.

113. *Ковалев А.А.* Рассмотрение проблем безопасности Арктического региона с позиций теорий режима в англоязычной научной литературе // Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 18-33.

114. *Ковалев А.А.* Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 9. – С. 1775-1784.

115. *Ковалев А.А.* Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №6. – С. 4-10.

116. *Ковалев А.А.* Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №1. – С.158-166.

117. *Ковалев А.А.* Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №2. – С.4-10.

118. *Ковалев А.А.* Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. – 2016. – №9. – С.52-59.

119. *Ковалев А.А.* Экономический национализм. Предпосылки возникновения и влияние на современный мир // Теоретическая и прикладная экономика. – 2020. – № 3. – С. 62-77.

120. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.

121. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №5. – С.105-114.

122. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. – С.20-24.

123. *Ковалев А.А., Балашов А.И.* Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 10. – С. 1896-1909.

124. *Ковалев А.А., Князева Е.Ю.* Иеремия Бентам о теории организации, принятии управленческих решений, государственном управлении и политике: история и современность // Вопросы управления. – 2020. – №3. – С. 6-19.

125. *Ковалев А.А., Мрочко В.Л.* Геополитический имидж военного статуса России // Власть. – 2017. – № 2. – С. 64-68.

126. *Ковалев А.А., Мусин Э.А.* Военная безопасность как проблема философии политики // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №3. – С. 106-115.

127. *Ковалев А.А., Павлов В.В.* Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана // Управленческое консультирование. – 2017. – №12. – С.95-103.

128. *Ковалев А.А., Щербакоева Е.Е.* Западные ученые о региональном и глобальном управлении: исследование соотношений и связей // Вопросы управления. – 2019. – №5. – С. 89-103.

129. *Конопляник А.А., Бузовский В.В., Попова Ю.А., Трошина Н.В.* Влияние антироссийских санкций на освоение нефтегазового потенциала российского арктического шельфа – и развилки энергетической политики России. – М.: «Восток Капитал», 2015. – 106 с.

130. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 2 (347). – С. 353-368.

131. *Криворотов А.К.* Политика государства как фактор конкурентоспособности арктических регионов: методология исследования, опыт Норвегии и уроки для России. – Апатиты: КНИЦ РАН, 2015. – 320 с.

132. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. – М.: Социум, 2017. – 456 с.

133. *Локк Д.* Два трактата о правлении. – М.; Челябинск: Социум, 2014. – 480 с.

134. *Локк Д.* Мысли о воспитании. – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1890. – 246 с.

135. *Локк Д.* Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1985.

136. *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1982. – 503 с.
137. *Макиавелли Н.* О военном искусстве. – М.: Абрис, 2019. – 454 с.
138. *Малахов В.П.* Философия права. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 448 с.
139. *Манин Я.В.* Правовое регулирование и безопасность недропользования на континентальном шельфе Норвегии // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. – 2011. – № 1. – С. 36-40.
140. *Мао Цзэдун.* Автобиография; Стихи. – М.: Рубежи XXI века, 2008. – 222 с.
141. *Мао Цзэдун.* Вожди народов. XX век. Китай: Революция и строительство в Китае: Ст. и выступления. – М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубеж. странами, 2002. – 527 с.
142. *Мао Цзэдун.* Красная книжица: [ненасытно учиться самому, неутомимо учить других]. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2017. – 152 с.
143. *Мао Цзэдун.* Сборник высказываний. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – 190 с.
144. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Том 4. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 638 с.
145. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Том 23. – М.: Госполитиздат, 1960.
146. *Маршев В.И.* История управленческой мысли: учебник. – М.: Макс Пресс, 2010.
147. Международные отношения в Арктике. – М.: НП Российский совет по международным делам, 2017. – 75 с.
148. *Мизес Л.* Теория экономического цикла. – Челябинск: Социум, 2012. – 413 с.
149. *Миль Д.С.* Размышления о представительном правлении. – Санкт-Петербург: Яковлев, 1863.
150. *Михайлов С.А.* США и общеевропейская политика в сфере безопасности и обороны. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2006. – 75 с.
151. *Монтень М.* Опыты: судьбы и нравы. – СПб.: Азбука Азбука-Аттикус, 2012. – 283 с.
152. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. – М.: Книга по требованию, 2013. – 706 с.
153. *Мрочко В.Л., Ковалев А.А.* Джон Локк и влияние его идей на теорию и практику государственного управления в начале XXI столетия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2(26). – С. 77-92.

154. *Муштакова Е.С.* Правовое понятие Арктики в международном и национальном законодательстве // Нефть, газ и бизнес. – 2013. – № 6. – С. 61-66.

155. *Навальный С.В.* Электоральная правовая культура: исторический опыт и современность: монография. – Красноярск: Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2018. – 427 с.

156. *Нерсесянц В.С.* Философия права. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 652 с.

157. *Огарков А.А., Иванова Т.Б., Субочев Н.С.* Региональное управление: учебник. – Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017. – 183 с.

158. *Подрезов Ю.В.* Освоение Арктики: международное сотрудничество, климат, безопасность // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2017. – № 1. – С. 98-103.

159. *Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В.* Красный дракон. Китай между Америкой и Россией. От Мао Цзэдуна до Си Цзиньпина. – М.: Издательство: Алгоритм, 2016. – 432 с.

160. Политика Администрации Б. Клинтона в области национальной безопасности США: Реф. сб / [Редкол.: В.В. Александров (отв. ред.) и др.]. – М.: ИНИОН, 1996. – 176 с.

161. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике: материалы круглого стола, 26 ноября 2014 года / под общ. ред. Э.Н. Чижикова [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. – 250 с.

162. *Пржиленский В.И.* Современная философия: Интеллектуальные технологии XXI века. – М.: Проспект, 2017. – 336 с.

163. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2016. – 1040 с.

164. *Робертс Дж.М., Уэстад О.А.* Мировая история / Перевод с английского С.А. Белоусова. – М.: Центрполиграф, 2018. – 1247 с.

165. *Ролз Д.* Теория справедливости. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2017.

166. *Сеидов В.Г.* Влияние средств массовой информации и коммуникации на международные отношения: монография. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – 205 с.

167. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. – М.: ИДВ РАН, 2005. – 323 с.

168. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

169. *Сочнева И.О.* Ресурсы Арктики и возможности их разработки // Арктика: экология и экономика. – 2015. – №4. – С. 70-77.

170. *Сухарев О.С.* Экономическая политика: институциональный механизм: монография. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2018. – 542 с.
171. *Сухарчук Г.Д.* Социально-экономические взгляды политических лидеров Китая первой половины XX в: сравнительный анализ. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 227 с.
172. *Таранов П.С.* Философский биографический словарь, иллюстрированный мыслями. – М.: ЭКСМО, 2004. – 893 с.
173. *Гоффлер Э.* Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
174. Трактаты о вечном мире / Сост.: И.С. Андреева, А.В. Гулыга. – СПб.: Алетей, 2003. – 387 с.
175. *Федоров И.Ф., Зубаков В.Г.* Членство в КПК. Как строилась партия «идей Мао Цзэдуна». – М.: Издательство политической литературы. 1980. – 144 с.
176. Философский век. Альманах. Выпуск. 9. Наука о морали: Дж. Бентам и Россия / Ответственные редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 1999.
177. *Фишер К.* История новой философии. Т. VIII. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 608 с.
178. *Фокин Ю.Е., Смирнов А.И.* Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. – М.: Национальный институт исследований глобальной безопасности. 2012. – 85 с.
179. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. – М.: «Дабахов, Ткачев, Димов», 1995. – 384 с.
180. *Хэзлитт Г.* Основания морали. – М.: Мысль, 2018.
181. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Оппозиция «мир – война» как явление гибридной политической реальности // Политика и общество. – 2018. – № 7 (164). – С. 25-39.
182. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Особенности политики безопасности Арктического региона: повестка 2019 года // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т.19. – №2. – С. 30-40.
183. *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. – М.: ТЕИС, 2010. – 827 с.
184. *Шишин С.В.* Предпринимательство в условиях глобализации: основные черты и противоречия. – М.: Экономика, 2010. – 337 с.
185. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. – М., 1986. – 667 с.
186. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. – М.: Эксмо, 2019.
187. *Яремчук Н.В., Золотарев В.В., Мовчан С.Н.* Национальная экономика: монография. – М.: МПА-Пресс, 2014. – 542 с.

188. *Bain A.* James Mill: A Biography. – Cambridge University Press, 2011.
189. *Baker J., Byers M.* International Law and the Arctic. – New York: Cambridge University press, 2013. – 314 p.
190. *Baracskey D.* Scope and Theory of Public Administration: The Shaping Influences of Interdisciplinary Discourse. – Lexington Books, 2016. – 284 p.
191. *Bentham J.* A Fragment on Government. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2001.
192. *Bentham J.* The Collected Works of Jeremy Bentham: Constitutional Code. – Clarendon Press, 1983.
193. *Börzel Tanja A., Risse Thomas.* The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 560 p.
194. *Bril Heinz.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. – Bissendorf: Biblio-Verlag, 2008. 327 s.
195. *Brunetta G., Caldarice O., Tollin N., Rosas-Casals M., Morató J.* Urban Resilience for Risk and Adaptation Governance: Theory and Practice. – Springer, 2018. – 304 p.
196. *Byers M.* Who owns the Arctic? Understanding sovereignty disputes in the North. – Douglas & McIntyre, 2010. – 179 p.
197. *Chandan H.C., Christiansen B.* International Firms Economic Nationalism and Trade Policies in the Globalization Era. – IGI Global. 2019. – 299 p.
198. *Chandler J.A.* Comparative Public Administration. – Routledge, 2014. – 254 p.
199. Charting the Arctic: Security, Economic and Resource Opportunities // US Congress, Senate, Committee on Foreign Affairs, Joint Subcommittee Hearing: 114th Congress, 1st session. 2015. November 12. – P. 114-127.
200. *Conze Eckart.* Die Suche nach Sicherheit. Eine Geschichte der Bundesrepublik von 1949 bis in die Gegenwart. – Siedler, München 2009. – 1071 s.
201. *Cotterrell R.* Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. – Routledge, 2017. – 208 p.
202. Cultures of globalization: coherence, hybridity, contestation / ed. by Kevin Archer [et al.]. – London; New York: Routledge, 2008. – 150 p.
203. *Damaska M.* Evidence Law Adrift. – Yale University Press, 2013. – 176 p.
204. *Damaska M.* The Faces of Justice and State Authority: A Comparative Approach to the Legal Process. – Yale University Press, 1991. – 260 p.

205. *Darren G. Hawkins, David A. Lake, Daniel L. Nielson, Michael J. Tierney.* Delegation and Agency in International Organizations. – Cambridge University Press, 2006. – 426 p.
206. *Doeker-Mach G., Ziegert K.* Law, Legal Culture and Politics in the Twenty First Century. – Franz Steiner Verlag, 2004. – 527 p.
207. *Ehrlich E.* Fundamental Principles of the Sociology of Law. – Transaction Publishers, 2009. – 541 p.
208. *Endress C.* Die Vernetzung einer gesamtstaatlichen Sicherheitsarchitektur des Politikfeldes. Innere Sicherheit im Spannungsverhältnis von politischen Interessen und sich wandelnden Bedrohungen. – Frankfurt am Main: P. Lang, cop. 2013. – 297 s.
209. *Fawcett L.* Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
210. *Filmer R.* Patriarcha, Or, The Natural Power of Kings. R. Chiswel, W. Hensman, M. Gilliflower, and G. Wells, 1685. – 178 p.
211. *Forster G.* John Locke's Politics of Moral Consensus. – Cambridge University Press, 2005. – 310 p.
212. *Friedman L.* A History of American Law, Revised Edition. – Simon and Schuster, 2010. – 784 p.
213. *Friedman L.* Impact. – Harvard University Press, 2016. – 315 p.
214. *Friedman L.* The Horizontal Society. – Yale University Press, 2014. – 336 p.
215. *Friedman L.* The Legal System: A Social Science Perspective. – Russell Sage Foundation, 1975. – 338 p.
216. *Friedman L.* Total Justice. – Russell Sage Foundation, 1985. – 176 p.
217. *Galtung J.* Die Zukunft der Menschenrechte. Verständigung zwischen den Kulturen. – Frankfurt am Main: Campus, 2000.
218. *Galtung J.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – Vol. 6. – № 3. – P. 167-191.
219. *Gazi Çağlar.* Der Mythos vom Krieg der Zivilisationen. Der Westen gegen den Rest der Welt. Eine Replik auf Samuel P. Huntingtons „Kampf der Kulturen“. – Münster, 2002. – 185 s.
220. *Gilpin R.* Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. – Princeton University Press, Princeton, 2011.
221. *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. – Princeton University Press, 2016. – 472 p.
222. *Gomez M.L.* How 'New' is the 'New Regionalism' in the Americas? The Case of MERCOSUR // Journal of International Relations and Development. – 2008. – №11. – P. 279-308.

223. *Graf Margarete*. Schnellkurs Deutschland. – Köln: DuMont. 2007. – 192 s.
224. *Hahn B.* Technology in the Industrial Revolution. – Cambridge University Press, 2020. – 236 p.
225. *Hart H.L.A.* Essays on Bentham: studies in jurisprudence and political theory. – Clarendon Press, 1982.
226. *Helleiner E., Pickel A.* Economic Nationalism in a Globalizing World. London. – Cornell University Press. 2005. – 288 p.
227. *Hettne B., Söderbaum F.* The UN and Regional Organizations in Global Security: Competing or Complementary Logics? // *Global Governance*. – 2006. – №12. – P. 227-232.
228. *Higgott R.* The theory and practice of global and regional governance. Accommodating American exceptionalism and European pluralism // *European Foreign Affairs*. – 2005. – №10 (4). – P. 575-594.
229. *Hirschman A.* National power and the structure of foreign trade. – University of California Press, Berkeley, 1945.
230. *Hooker R.* Tractates and sermons. – London: Belknap press of Harvard univ. press, 1990. – 926 p.
231. *Hough P.* Understanding Global Security. – Routledge, 2018. – 320 p.
232. *Hume L.J.* Bentham and Bureaucracy. – Cambridge University Press, 2004.
233. *Hurrell A.* Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? // *International affairs*. – 2006. – №82 (1). – P. 1-19.
234. *Hurrell A.* One World? Many Worlds? The Place of Regions in the Study of International Society // *International Affairs*. – 2007. – №83 (1). – P. 127-146.
235. *Kahler M.* Economic Crisis and Global Governance: The Stability of a Globalized World // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – №77. – P. 55-64.
236. *Keohane R., Nye J.S.* Power and Interdependence. – Scott, Foresman, 1989. – 315 p.
237. *Kofman J.* Economic Nationalism and Development: Central and Eastern Europe Between the Two World Wars. – Taylor & Francis Limited. 2019. – 258 p.
238. *Krahmann E.* National, Regional and Global Governance: One Phenomenon or Many? // *Global Governance*. – 2003. – №9. – P. 323-346.
239. *Kramer M.H.* John Locke and the Origins of Private Property: Philosophical Explorations of Individualism, Community, and Equality. – Cambridge University Press, 2004. – 364 p.
240. *Krasner S.D.* International regimes. – Cornell University Press, 1983. – 372 p.

241. *Leslie S.* The English Utilitarians: Jeremy Bentham, James Mill and John Stuart Mill (Complete). – Library of Alexandria, 2015.

242. *Lindemann Thomas.* Causes of War. The Struggle for Recognition. – Colchester: ECPR Press, 2010. – 176 p.

243. *Lipson C.* Are security regimes possible? Historical cases and modern issues // Regional Security Regimes: Israel and its Neighbors. – Albany: SUNY Press, 1995. – 313 p.

244. *Locke J.* A letter concerning toleration. – Indianapolis, IN: Hackett, cop. 1983. – 62 p.

245. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding. – T. Tegg and Son, 1836. – 566 p.

246. *Locke J.* Two treatises of government: in the former the false principles and foundation of Sir Robert Filmer, and his followers, are detected and overthrown: The latter is an essay concerning the true original, extent, and end of civil-government. – London: Printed for A. and J. Churchill, 1694. – 358 p.

247. *Long D.G.* Bentham on Liberty: Jeremy Bentham's Idea of Liberty in Relation to His Utilitarianism. – University of Toronto Press, 1977.

248. *Luttwak E.N.* From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest. – 1990. – №.20. – P. 19-23.

249. *Malamud A.* Latin American regionalism and EU studies// Journal of European Integration. – 2010. – № 32 (6). – P. 637-657.

250. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. – Routledge, 2014. – 542 p.

251. *Malinowski B.* Methods of Study of Culture Contact in Africa. – Read Books Ltd, 2014. – 147 p.

252. *Marshall J.* John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture. – Cambridge University Press, 2006. – 767 p.

253. *McCaughey R.* Stand, Columbia: A History of Columbia University. – Columbia University Press, 2003.

254. *Mott W.H.* The Economic Basis of Peace: Linkages Between Economic Growth and International Conflict. – Greenwood Publishing Group, Westport, 1997.

255. *Nelken D.* Comparing Legal Cultures. – Routledge, 2017. – 288 p.

256. *Pease Kelly-Kate S.* International Organizations: Perspectives on Global Governance. – Routledge, 2018. – 346 p.

257. Politikwissenschaft: Begriffe. Analysen, Theorien: Ein Grundkurs / Iring Fetscher, Herfried Münkler (Hg.). – Hamburg: Rowohlt's Enzykl, 2012. – 672 s.

258. *Powell R.* Information policy in the modern Russia // Information policy in the modern age / ed. by Maureen Grieves. – London: Bowker-Saur, cop., 2014.

259. *Rohr J.* Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values, Second Edition. – Routledge, 2017. – 354 p.

260. *Rudner M.* Canada's Communications Security Establishment, Signals Intelligence and Counter-Terrorism // Intelligence and National Security. – 2007. – №22 (4).

261. *Savigny F.* The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. – The Lawbook Exchange, Ltd., 2002. – 192 p.

262. *Schönherr-Mann Hans-Martin.* Was ist politische Philosophie? – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2012. – 229 s.

263. *Schwartz Benjamin I.* Chinese Communism and the Rise of Mao. – Harvard University Press, 2013. – 269 p.

264. *Söderbaum F.* Rethinking Regions and Regionalism // Georgetown Journal of International Affairs. – 2013. – №14 (2). – P. 9-18.

265. *Swanson M-E.* John Locke: Philosopher of American Liberty: why Our Founders Fought for «life, Liberty, and Property». – Nordskog Publishing, Incorporated, 2012. – 432 p.

266. *Thakur R., Van Langenhove L.* Enhancing global governance through regional integration // Regionalisation and Global Governance. – 2006. – №12 (3). – P. 233-240.

267. The Role of information and communication technologies in global development: analyses and policy recommendations / ed. with introd. by Abdul Basit Haqqani. – New York: UN, Inform. a. communication technologies, 2005. – 327 p.

268. *Thomas Jäger, Rasmus Beckmann.* Handbuch Kriegstheorien. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 453 s.

269. *Turku H.* Isolationist States in an Interdependent World. – Ashgate Publishing, 2013. – 194 p.

270. *Wagensohn Tanja.* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. – Pustet, Regensburg 2001. – 324 s.

271. *Ward L.* John Locke and Modern Life. – Cambridge University Press, 2010. – 311 p.

272. *Weber M.* The Theory of social and economic organization. – Simon and Schuster, 2009. – 448 p.

273. *Young O.R., Osherenko G.* Polar politics: creating international environmental regimes. – Cornell University Press, 1993. – 276 p.

Для записей

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность.....	6
Джон Локк и влияние его идей на теорию и практику государственного управления в начале XXI столетия.....	21
Западные ученые о региональном и глобальном управлении: исследование соотношений и связей.....	43
Иеремиа Бентам о теории организации, принятии управленческих решений, государственном управлении и политики: история и современность.....	61
К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния.....	78
К вопросу истории обеспечения международной экономической безопасности: логика и основные этапы.....	95
Мао Цзэдун и стратегия народной войны: уроки истории.....	112
Международная экономическая безопасность в современную эпоху цивилизационного противостояния: проблема концептуализации.....	127
Мир как основа человеческой цивилизации: философские и социокультурные представления.....	140
Норвежская арктическая политика безопасности: повестка 2019 года.....	159
Перспективы формирования единой армии в Европейском союзе вне блока НАТО.....	171
Политика США в арктическом вопросе: повестка 2019 года.....	180
Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада.....	194
Разработка стратегии мира и безопасности человека как проблема философии политики.....	205
Рассмотрение проблем безопасности Арктического региона с позиций теорий режима в англоязычной научной литературе.....	217
Экономический национализм. Предпосылки возникновения и влияние на современный мир.....	235
БИБЛИОГРАФИЯ.....	251

Ковалев Андрей Андреевич

**Проблемы комплексной безопасности в эпоху глобализации и
цивилизационного противостояния: история и современность**

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т.2.; 95 3005 – учебная литература

Подписано в печать 03.10.2020. Формат 60х90 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15. Тираж 700 экз. Заказ 165
Не для продажи.

Отпечатано в цифровой типографии
«Издательско-полиграфическая компания “ПОЛИКОНА”»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 199